

Гай Юлий Орловский

ФИЧ@РД

Длинные Руки
Ригард и Великие Маги

Annotation

Рыцарская конница в лязге доспехов и грохоте копыт вломилась в изящный мир века Просвещения с его свободами, упадком морали и развитием искусств. Суровые нравы героев Севера сшиблись со сладкой распущенностью и доступностью женщин Юга, а вера в непогрешимость Церкви сильно ударила о заманчивую возможность рушить любые устои.

Устоит ли благородное рыцарство в сладком мире колдовства и магии? И на чьей стороне окажется непредсказуемый сэр Ричард?

- [Гай Юлий Орловский](#)
 -
 - [Часть первая](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Часть третья](#)
-
-

Гай Юлий Орловский

Ричард Длинные Руки. Ричард и Великие Маги

© Орловский Г. Ю., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

Серия основана в 2004 году

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Часть первая

Глава 1

Над головами безмятежно-серебристое синее небо, безоблачное и высокое. Легкий ветерок слегка шевелит белые плюмажи на стальных шлемах, конские гривы отливают вороненым металлом, мир нежится в теплых лучах солнца, птички поют, все блаженствует, только люди столпились вокруг меня с лицами, полными тревоги.

Даже Альбрехт застыл, строгий и торопливо просчитывающий последствия резких перемен, лишь Макс смотрит в нетерпении и в полнейшей уверенности, что вождь с неожиданностями справится, а он под его знаменем уже мысленно высаживает десант в королевствах. Местные народы следует покорить, а уцелевших – осчастливить верой Христа.

Десяток военачальников поднялись в седла, молча ждут, легче поймать ветер в горсть, чем предугадать мои имперские решения.

Норберт произнес ровным голосом:

– Ваше величество?

Сухой и твердый, как старый дуб, выстоявший сотни лет под жаркими и ледяными ветрами, с чисто выбритым лицом и воинственно приподнятыми кончиками усов, он держит коня в поводу ровно, голос нейтрален, но в суровом взгляде ожидание ясного и четкого ответа.

Я помедлил, стараясь побыстрее переосмыслить резко изменившуюся ситуацию. Зайчик подо мной переступил с копыта на копыто, вздохнул и с укором взглянул на несерьезного Бобика, что упал на спину и машет в воздухе лапами.

– Операцию, – не произнес, а проговорил я державным голосом, – по принуждению Великих Магов к миру продолжаем в полном объеме. В духе либеральных ценностей военного времени.

Норберт кивком головы указал в сторону рабочих, продолжающих вытаскивать камни из завала.

– Но... сэр Ричард!

Я повысил голос:

– То, что двое из людей императора ринулись в туннель, не значит, что вот сейчас там о нас все узнают и полезут!.. Сперва во глубине местных руд взволнутся, будет долгое карканье и перекаркивание, а потом сядут

осмысливать новую и весьма невероятную ситуацию. Осмысят и расколются на поверивших и утверждающих, что рабочим почудилось. Рабочие – люди подлого звания, как им верить? Правую руку от левой не отличают! В общем, начнутся споры, а умные умничают долго, надо же себя показать? Чтобы не, а то как всегда и у всех. Не лесорубы в тавerne, а советники императора! Хорошо понимают, ставки никогда еще не были такими высокими. Потому решать будут долго.

Он уточнил:

– А мы?

Я коротко пожал плечами:

– Подумаешь, крохотная утечка информации! Планы не меняем, но все же слегка корректируем.

Он осведомился деловым тоном:

– В какую сторону?

– Император Герман, – напомнил я, – в конце концов поднимется наверх, уже зная, что здесь не совсем то, к чему готовился. Но мы тоже знаем, что он знает, а знание как бы сила даже там, где не слыхали о Френсисе Бэконе.

– Император тоже знает, – ответил он, – что мы знаем. Кстати, моих отрядов хватит, чтобы удержать их в подземельях до вашего возвращения! Сколько бы их там ни полезло.

– Операцию по принуждению империи к демократии, – сказал я веско, – завершим раньше, чем. Мы не будем здесь сидеть и ждать, как вороны какие-то. Это унижительно для нашего высокого достоинства варваров Севера. Император вздымется… нет, выползет из пещер в совсем иной мир. И никаких магов за его спиной! Кроме совсем уж мелочи, которыми можно пренебречь.

Он смолчал, но заговорил приятным мягким голосом герцог Гуммельсберг, самый нарядный в моей армии:

– А пренебрежем? Ваше величество?

В его сдержанном голосе отчетливо прозвучало сомнение. Остальные военачальники помалкивают, смотрят в ожидании.

– Примем меры, – ответил я уклончиво. – Оставьте охрану. Те, убежавшие от нас, не так уж сразу доберутся до самых дальних и глубоких подземелий. Там еще не один заслон на пути!.. Но и потом, услыхав невероятные новости, император все равно не двинется сразу в столицу. Он и его окружение понимают, что она захвачена неизвестными пришельцами, а столкновения с опасным, непонятно откуда явившимся врагом им не по зубам.

– Подождут вас?

– Увидим, – отрезал я. – Десант загрузили?.. Тогда вперед и с песней! Весь мир насилия мы разрушим. Времени у нас много, но мало. Мы все предусмотрели, кроме неважных мелочей.

Норберт молча слушал нас с Альбрехтом, в его взгляде я прочел, что спотыкаются как раз на мелочах, но не сказал ни слова, я не только знаю, но и спотыкался не раз, нечего тыкать палкой в больные места.

Больше ничего не спрашивая, он взмахом руки послал небольшой отряд легкой конницы в сторону скрытого убежища императора. Как только исчезли за горами извлеченного из туннеля камня, он развернул коня и понесся в сторону исполинского купола Маркуса, под солнечными лучами еще более яркого, уже не злобно-багрового, а почти пурпурного.

Остальные военачальники, все еще встревоженные и взволнованные, тихо переговариваясь, послали коней за всеведущим начальником разведки в сторону распахнутого зева трюма Багровой Звезды Зла.

Чудовищно огромный купол цвета созревшей вишни, похожий на раскаленный слиток металла, пугающе упирается вершиной в синее небо, а блистающая доспехами, щитами и наконечниками длинных копий конница нескончаемыми рядами продолжает влияться под его край и пропадает из виду во все еще пугающих внутренностях.

То ли мое сердце стучит слишком уж громко и взволнованно, то ли в самом деле в грозном топоте копыт смутно звучит величественная музыка великого похода, но осознание, что мир вот с этого шага будет иным, наполняет душу трепетом и понятными опасениями.

И отвечаю за это я, что воодушевляет, так как все еще молод и распираем энтузиазмом. Но и страшно. Хоть и молод, но уже не дурак, да и старые книги читал, а они еще те страшилки и предупреждалки.

За моей спиной прозвучал тихий голос:

– Ваше величество...

– Карл, – произнес я с упреком, – ну что и вы меня величествуете?.. Да еще наедине?

В голове послышался смешок:

– Магов всегда подозревают, потому почаше подчеркиваю свою верность. Вы спасли мою шкуру, потому я всегда ваш, сэр Ричард.

Он чуть выдвинулся из незримости и встал рядом. Некоторое время мы смотрели, как блещущая металлом конница поднимается по широкому багровому трапу к черному зеву Багровой Звезды Зла, Бобик понесся было за ними, но остановился и в нетерпении оглядывался на меня.

– Я побуду здесь, – сказал Карл-Антон. – Как бы далеко вы ни

забрались, я прибуду к вам, если здесь что-то случится... раньше, чем вы ожидаете.

– Спасибо, – сказал я с чувством. – Я сам хотел вас попросить.

Он сказал с усмешкой:

– Что просить – приказывайте.

– Не хочу приказывать друзьям, – ответил я. – Да и просьбу вы скорее выполните, чем приказ, не так ли?

– Все-то вы понимаете, сэр Ричард, удивительный человек...

Бобик снова оглянулся и, получив мысленное разрешение, метнулся вслед за конными отрядами. Арбогастр пошел величественно и гордо, помахивая роскошной гривой, а я вперил взор в эту Багровую Звезду Смерти, как ее называют. Сам все еще не понимаю, порождение это непредсказуемого космоса или же создание древних мастеров, чье умение ушло так далеко даже от моих причудливых представлений, что уже и не магия, а нечто более странное и могущественное, чем магия.

Эта Багровая Звезда все еще подстраивается под меня, но слишком уж наши эпохи далеки одна от другой. Хорошо хоть, что перестала проглатывать моих людей, ощущила неудовольствие более разумного симбионта, но остальное ей дается с огромным трудом. А я чувствую себя как человек, который старается пошевелить ушами, иногда даже удается, хотя чаще ни в какую. Говорят же, в наших телаах двести мышц от обезьян, что вроде бы не давали упасть с дерева даже во сне, так я вот ее потомок, который пытается нашупать в себе эти никогда не работавшие в нем мышцы.

Правда, кое-что получилось еще с первой-второй попытки. За несколько дней, пока я там лазил, в трюмах втянулись обратно в стены сталагмиты и сталактиты, пол теперь идеально ровный, а по стенам уже не стекают широкие потоки вязкой и липкой слизи. Отвращение ко всем этим непотребствам я выразил достаточно ярко и сильно, Маркус уловил и, к огромному моему облегчению, убрал эти мерзости, хотя филигонам они то ли казались изысканно красивыми, то ли были полезными.

Арбогастра и Бобика я оставил на нижнем этаже, там сейчас почти половина моей армии, пять тысяч человек, сам поспешил наверх. Тамплиер и Сигизмунд с первых дней усердно чистили пещеры от чудовищ, хотя кто знает, что за твари, а вдруг ремонтные механизмы?.. Впрочем, ладно, все потом, потом, как всегда, когда спешим.

Ступенек нет, однако поверхность Маркус сделал настолько шероховатой, что подошвы не скользят даже при очень сильном наклоне, но все равно нужно научить делать эти самые привычные нам ступеньки.

За спиной позвякивает металл, это помимо Хурта и Умальда, моих вечных телохранителей со времен моего баронства, по распоряжению Норберта за мной неотлучно следуют двое лучших его разведчиков, хороших как воины, а еще самых быстрых гонцов.

Один сказал просительно:

– Ваше величество!.. Ну позвольте мне впереди? Мало ли там что...

– Хочешь, – ответил я, – чтобы тебя называли императором?.. Послужи еще...

После первого нашего вторжения в Маркус подниматься выше стало легче, хотя все еще нет привычной разбивки на этажи. Некоторые области вообще недоступны, туда ни дверей, ни нор, сплошная масса камня или металла. То ли отживший своеrudимент, то ли там непонятные мне механизмы, что работают на слишком далеких от понимания принципах.

Оба стражи перевели дыхание, когда я подошел к пещере, которую еще в прошлый раз облюбовал под кабинет. Здесь за это время стало шире и больше похоже на комнату. Даже на стенах что-то вроде выступающих из псевдокаменной или металлической поверхности щитов, рыцарских панцирей и скрещенных копий, это Маркус смутно улавливает образы из моей памяти.

Я на ходу потрогал такой полуутопленный в камень щит, пальцы ожгло холодом, словно внутри стены абсолютный нуль, но воздух в помещении именно тот, который нужен теплокровному человеку, пусть он и драчливый петух с плоскими ногтями и даже местами мыслящий тростник.

Возможно, смутно улавливая то, что мне нравится, Маркус научится четче представлять образы, и когда-то эти щиты можно будет отделить от стены, хотя что вон там за жуткий ковер с шевелящимся длинным ворсом на глазах проступает с противоположной стены, не представляю, такого никогда не видел.

Посреди кабинета большой стол, изготовили не то в Штайнфурте, не то в Вассу, городах-близнецах по обе стороны скардера, два десятка роскошных кресел, принесенных из брошенных вельможами дворцов и поместий, в углу несколько бочек с вином, без этого мои бравые воины не мыслили отправляться за океан сражаться с нынешним Злом.

Понятие дверей Маркусу незнакомо, он вроде муравейника с множеством пещер и запутанных ходов, потому Хурт и Умальд остановились по ту сторону неровного входа в мою пещеру.

Я сказал коротко:

– Отдыхайте. За время полета ничего не случится... Маркус, закрой

наружный вход... Теперь поднимись выше... еще выше...

На всякий случай даже глаза закрыл, чтобы лучше сосредоточиться и представлять, что мы с Маркусом делаем как единое существо. Даже не пытаюсь представить, как он без всякого ускорения может перемещаться в пространстве, а если на огромной скорости останавливается мгновенно, то нас не только не бросает в стену, а вообще не замечаем изменений.

– А теперь прем в той же манере... в сторону востока... Не слишком быстро, а то мои картографы не успевают...

Досадливо подумал, что последнее брякнул зря, а то еще начнет раздумывать, что такое картографы, и почему не успеваю, и что надо сделать, а мыслит не мозгом, как подозреваю, а парой ганглий, как у муравья, потому так остро и нуждается в более развитом симбионте.

– Просто двигаемся, – сказал я уверенным голосом, – там скажу, когда остановиться.

Некоторое время усиленно мыслил и прорабатывал варианты наших действий в империи Клонзейд, но долго чувствовать себя Наполеоном не удалось, из туннеля, который предпочитаю называть коридором, донесся приближающийся стук сапог с металлическими набойками.

Под широкой аркой прошли блещущие доспехами Альбрехт, Норберт и Палант, двое матерых волков и ясноглазый волчонок, хотя Палант держался рядом со мной в последних войнах, но все равно розовощекий и не растерявший способности мило и по-девичьи краснеть.

У Норберта на плечах короткий изящный плащ такого странного цвета, который я назвал бы маскирующим, в самом деле стальные доспехи скромно укрыты, в то время как у Альбрехта сияют ярко и победно, начиная от шлема, который красиво держит на сгибе левой руки, и заканчивая сапогами, где кожи не видно под наползающими одна на другую стальными пластинками, каждая еще и украшена затейливым рисунком.

Его серые глаза, за которыми всегда ощущаю могучий и цепкий разум, вперили в меня острый взгляд.

– Что за тоска на вашем челе, сэр Ричард?.. Там ваши люди кричат, что мчимся над миром так, что не угонится самая быстрая птица!

– Как драконы, – уточнил Норберт и добавил педантично: – Наверное.

Я указал на большой стол, где столешницу во всю длину занимает наспех нарисованная карта.

– Полюбуйтесь, это составлено по наблюдениям нашей разведки. С багеров. Впечатляет?

Глава 2

Они обошли стол, рассматривая карту со всех сторон, наконец Норберт проговорил привычно сухим голосом без всяких эмоций:

– Да, размеры, как вы говорите, весьма.

– Весьма зело, – подтвердил Альбрехт. – Это только империя Германа Третьего, не так ли?

– Восемнадцать королевств, – сказал Норберт, но в голосе прозвучало сомнение. – Сужу по маршрутам багеров. Представлены должны быть все. Или не все? Что-то слишком много пустых мест.

Палант взглянул на него быстро, но смолчал, Альбрехт обронил:

– Границы здесь не отмечены.

– Примерные знаем, – сказал Норберт.

– Предполагаем, – уточнил я.

– Багеры дальше ни в какую? – уточнил Альбрехт.

– Только в границах империи, – ответил за меня Норберт, как начальник разведки, он выяснил это раньше всех. – Что дальше... только Господь знает. Сэр Ричард?

Я кивнул.

– Вот-вот. Прем в неизвестность, в которой весьма уютно, что опять же не факт, расположилась империя Клонзейда, именуемая империей Извечного Света. Она втрое больше империи Германа Третьего! Считается самой крупной и могущественной. Но самое главное... там конclave Верховных Магов.

Палант, почтительно помалкивающий, сказал живо:

– Сэр Ричард, но разве Верховные Маги не каждый по себе?

– Каждый, – подтвердил я. – Но в империи Клонзейда сумели ужиться четыре Великих Мага! У них не союз, а, как говорят источники, нечто большее. Они как бы один человек в четырех телах, потому это нечто невероятно могущественное.

Альбрехт сказал мрачно:

– Источники достоверные?

– Не такие, – ответил я, – как ваши разведчики, у тех все проверяется, а подлинность слухов можно только оценивать с той или иной вероятностью риска.

Они переглянулись с Норбертом, Альбрехт пробормотал:

– Тогда спешка понятна. Торопимся, пока не вылезли? Особенно если выберутся из пещер эти четверо, что один. А что тревожит больше, чем

обычно?

– Откусили слишком большой кусок, – проговорил я с тоской. – Когда же научусь сперва думать, а потом...

Они переглянулись, Норберт и Палант начали всматриваться в карту, но, как вижу по их смущенным лицам, больше для того, чтобы не отвечать.

Альбрехт сказал с холодной бодростью:

– Подумав, пришлось бы делать то же самое.

– Мы же прибыли с Севера только в империю Германа Третьего, – сказал я зло. – Только к нему... Чтобы щелкнуть по надменно задранному носу и предупредить, чтобы к нам не лез. Но здесь власть не столько у королей, сколько у магов. Ладно, магов сломим...

– А королей еще легче, – сказал он. – В чем тоска?

– А дальше? – спросил я. – На материке восемь империй!.. Восемь!.. И каждая, как гласят недопроверенные источники, крупнее нашей северной. И что, их маги вот так позволяют отнять власть?

Палант устрашенно переспросил звонким юношеским голосом:

– Восемь империй?.. Не королевств?

Норберт напомнил будничным тоном:

– В империи Германа Третьего восемнадцать королевств. В других и того больше... Однако у сэра Ричарда под седлом Багровая Звезда Смерти! А повод он зажал в недрогнувшей длань. И сам уже сопит, как бык перед броском на красную тряпку.

– И все-таки мы обнагели, – сказал я трезво. – Дурь от победы над филионами ударила в головы. А останавливаться теперь нельзя, вот что страшно и очень серьезно. Мы сами в ловушке.

Их лица становились все серьезнее, доходит медленно, однако доходит. Даже Альбрехт помрачнел, а плечи впечатлительного Паланта сгорбились, словно уже приняли часть этой незримой тяжести.

Норберт пробормотал:

– И что... впереди бесконечная война?.. У вас же Маркус, сэр Ричард!

– Маркус, – ответил я, чувствуя холодную тяжесть в груди, – слишком большой молот. Ладно, давайте разработаем план. Вообще-то раньше нужно было, но сложностей пока не вижу, что погано. Только бей со всей дури по торчащим гвоздям... Сэр Норберт?

Он сказал с некоторой озабоченностью:

– Голова кругом от масштабов, но меня другое беспокоит. Как видите по карте, Клонзейд, как и другие империи, для нас закрыт. В смысле, не удалось отыскать багеры, что ходили бы за пределы Жемчужной империи Германа Третьего.

– Багеры, – сказал я сквозь зубы, – проклятые багеры... Уверен, их поставили в старину обслуживать какие-то местные рудники и склады. А после катастроф спасшийся народ селился там, где видели эти транспортники и где они зависают в воздухе. Образовывались селения, города и потом разрастались в королевства. Все вдоль маршрутов багеров. История везде одинакова! Селятся у рек и дорог.

Он сказал безнадежным голосом:

– Ничего не понял, но когда с вами иначе? В других империях свои багеры? Которые не пересекаются и даже не сстыкуются с багерами империи Германа?

– То ли багеры, – ответил я с неохотой, неприятно признаваться в незнании перед подчиненными, – то ли вообще что-то непонятное. Помните паровоз, что мы мастерили на Севере?.. Он таскал целую платформу с народом!.. Даже коней перевозили. А в Клонзайде должно быть нечто подобное, только покруче... Хотя вряд ли что-то слишком иное... Унификация и единые стандарты рулят... Во всяком случае, в Клонзайде на поверхности были свои рудники, свои склады и свои заводы, но все, понятно, давно стерто с лица земли, кроме подземных шахт. Но багеры там свои местные, глупо возить сырье за тысячи миль!..

Альбрехт подал голос, не поднимая головы от стола с расстеленной картой:

– Королевства разные, а багеры везде одинаковые?

– Уверен, – сказал я. – Когда-то было одно королевство Древних. Большое. На континент или планету... потом скажу, что это такое. Багеры были одинаковыми, такими и остались, а королевства на руинах навозникали разные... Потому и боюсь, что если попытаемся ухватить слишком большой кусок, можем подорваться. Или надорваться.

Альбрехт выпрямился, а за ним и подражающий ему Палант.

– Сэр Ричард, – сказал Альбрехт с оскорбительной вежливостью, – а не поздно лить слезки?..

– Вы правы, – ответил я с сердцем, – дорогой герцог! Потому сэр Норберт сразу выделит людей, что и в Клонзайде прокатятся на всех багерах, если они там есть! Нужно нанести на карту маршруты, города, селения и все, что может затронуть наши интересы. А вы отвечаете за сведение всех данных в единый датацентр, чтобы скрупулезно нанести на карту империю Клонзайда!

– Может, – предложил он, – как-то пошарить в спальне императора?

Я огрызнулся:

– Думаете, я отягощен деликатностью? Такая дурь правителям не

свойственна. Просто на случай, если не отыщем императорскую, я у него все перины переверну!

Палант уточнил звонким голосом:

– Сэр Ричард, мы в Клонзейд наскоком или как?

Я ответил уклончиво:

– Посмотрим. Это зависит?

Он засиял, не без оснований предполагая, что получится скорее всего или как, а Норберт сказал суховато:

– На Севере было проще.

– И мы были проще, – согласился я. – И невиннее.

Самый просторный зал, где можно поместить всю армию, у внешней стены Маркуса, там устрашенно увидели, что ужасающее медленно плывет над землями Жемчужной империи. Хотя, конечно, на самом деле ни один конь не угонится, но с этой высоты выглядит так, словно ползет неспешное сонной улитки.

Норберт и здесь расставил своих у окон, фиксируют любые изменения рельефа. Лучшие его рисовальщики, которых выявил загодя, поспешно наносят на карты озера, леса и речушки, над которыми не прошли маршруты багеров.

– Жаль, – сказал он с некоторым неудовольствием, – отсюда не видны границы между королевствами. Думаю, Монтегю мы прошли?

– Не знаю, – ответил я честно. – Даже не представляю, каким увидим Клонзейд.

– А точно туда прем?

– Направление знаю, – ответил я. – Из достоверных источников.

Он кивнул с самым невозмутимым видом, наверняка даже знает, от какой из фрейлин я успел почерпнуть достоверные, на то он и начальник общей разведки, как внешней, так и внутренней.

Альбрехт поинтересовался подчеркнуто бесстрастно:

– Каких-то разделяющих примет нет? Саму империю узнаете?

– Только стольный град, – ответил я с высокомерием правителя мира. – Как-то изволил взглянуть из окон императорского дворца Скагеррака Сорок Восьмого... Не впечатлило. Так себе. Но весьма. Хотя и не зело. А так вообще-то как бы, однако не так уж. А могло бы.

Альбрехт покрутил головой: когда же я успел, недостойно императора самому шпионить, зато Норберт кивнул с самым довольным видом.

– Все равно, – произнес он суховато, – нужно все быстро. В первые же часы. Сэр Ричард...

— Да знаю, — сказал я с досадой. — Главное, маги. Верховные!.. Думаю, если бы схватиться с ними всерьез, мы бы выиграли. Но после нашей неизбежной победы что делать на огромном континенте, где настанет неслыханная по масштабам разруха? И где не меньше двух третей населения вымрет в первые же месяцы?

Они переглянулись, Норберт спросил скруто:

— С чего вдруг?

Альбрехт сказал рассудительным голосом:

— Думаю, в Клонзейде народ не работает, дорогой друг, как и в Жемчужной империи Германа. Почти не работает. Даже крестьяне. А если ни засух, ни наводнений, ни даже саранчи?.. Великие Маги позаботились. Правда, сам не очень-то в такое верю, но если наш мудрый вождь, что ведет нас от победы к победе, а потом вообще непонятно куда...

— Я тоже в доброту магов не верю, — вставил застенчиво Палант. — Маги — зло, правда?

Альбрехт уточнил:

— Полагаю, маги так делают не по доброте, а по какому-то хитрому расчету. Но насчет всеобщей разрухи не верю. Всегда найдутся сильные, что сами будут собирать урожай, молоть и печь хлеб...

— А придут жадные и голодные соседи, — ответил я, — хлеб отберут, хозяина убьют, а жену изнасилуют и тоже убьют... Потом будут драться с такими же бандами.

Альбрехт посмотрел исподлобья:

— Сэр Ричард... Часто гадаю, из какого ада вынырнули, если и такое знакомо? А ведь знакомо, по лицу вижу... Значит, магов убивать нельзя?

— Нельзя, — отрезал я так твердо, что только он и ощущил в моем голосе «пока нельзя», — без магов здесь рухнет все!.. Но все-таки нужно, иначе как разбудить застывший мир?

— Может, — сказал Палант нерешительно, — пусть спит? Счастливый сон...

Я вздохнул:

— Господь рассердится. А вдруг пошлет ледниковый период? Или тряхнет кометой континенты? Какие маги справятся с ядреной зимой лет на сто?..

Он спросил наивно:

— А вы, сэр Ричард?

Я заворчал, усматривая насмешку, но увидел устремленные на меня с великой надеждой чистые глаза с пламенной верой в мои возможности, поперхнулся, а моя шкура съежилась, как шагреневая.

– В общем, – выдавил я, – и в Клонзейде сцепите зубы и действуйте прямо и честно в духе демократии без всякого милосердия и гуманизма. О гуманизме вспомним, когда от врага останутся... клочки по закоулочкам. Для музеев и бросания знамен к подножию.

– Значит... магов под нож?

– Да, – ответил я, – но гуманно.

Внизу слишком плотные поля облаков, Маркус по моей команде снизился, иллюминаторы сразу начало заволакивать белым. Воины в испуге отпрыгивают, крестятся, кто-то шепчет молитвы. Все понимают, прем через облака, а на облаках, как известно, рай и особые кущи для праведников.

Я, как вождь и отец народа, в эти минуты стараюсь выглядеть как никогда невозмутимым и величавым. Огромные красные кресты на моей груди и спине подчеркивают, что я крестоносец, несу Слово Божье, и пусть только кто попробует заткнуть уши, потеряет их вместе с дурной головой.

В белом начали появляться разрывы, и снова разведчики бросались к окнам с листками бумаги в руках, а за их плечами появились головы устрашенных, но любопытствующих.

– Ничего не упускайте, – велел я. – Если что срочное, я у себя.

Глава 3

Единственный, кто понял и чуть улыбнулся, это Альбрехт. Так хозяин просторного особняка говорит гостям и домочадцам, что он не намерен шляться по всему зданию, а будет в своем кабинете. А это значит, что я не только освоил Маркус, но и выбрал в нем уже любимое местечко. Ну, пусть не любимое, но хотя бы не самое отвратительное.

Конечно, на самом деле все не так, и с этой Багровой Звездой Зла я все еще на цыпочках, говорю осторожно и с оглядкой. Как можно уничтожить верхний слой земной коры, понял, достаточно повелеть, но еще не понимаю, как наносить точечные удары. Боюсь, такой возможности вообще нет, что резко ослабляет мою мощь.

Придется надувать щеки и делать вид, что у кого танк, у того пистолет точно найдется. Но когда-то наступит страшный момент, когда потребуется именно пистолет.

Извилистый туннель, что с каждым днем все больше превращается в упорядоченный коридор с прямыми стенами и ровным полом, а точнее, в галерею-балкон, с которой уже видно общий зал внизу. Я невольно замедлил шаг, подойдя к пещере, которую я облюбовал под кабинет и

вообще под апартаменты.

Маркус продолжает менять этот свой уголок как бы по моему смутному желанию, хотя получается пока что не совсем то, что хочу и представляю.

Сейчас в пещерку ведет дверной проем в виде исполинской замочной скважины, слон с паланкином пройдет. На той стороне этой странно оформленной арки оранжевый пол из крупных плит, а когда я прошел туда и оглянулся, обеспокоенный странным отсветом, с некоторой дрожью увидел зловещую синеву стен этого как бы моего кабинета.

Кроме того, что радостно-оранжевый пол резко дисгармонирует с недобрым цветом стен, все это украшено еще и неким странным орнаментом, похожим на паутину, где запутались какие-то существа словно из фильма о тысяче и одной ночи. Видимо, детские впечатления самые яркие и запоминающиеся, Маркус их уловил и воссоздал такими, какими увидел.

Тяжело и подчеркнуто уверенно ступая, я прошел к столу, там ничего не меняется, слава богу, а вот плитки пола стали багровыми, какими они, наверное, смотрятся из моего подсознания.

Я рухнул в кресло и, опустив локти на столешницу, стиснул голову ладонями. Похоже, мы допустили огромный промах, вторгшись в более просвещенный век. Как если бы рыцари времен короля Артура вломились в век Возрождения, где мораль, понятно, ниже некуда, зато все остальное, начиная от сельского хозяйства и до науки, уже на три ступеньки выше.

И наша гордыня, что мы выше и лучше, очень быстро развеется.

Со стороны сказочной замочной скважины послышались голоса. Альбрехт, Норберт и Волсингейн вошли по одному, стараясь держаться строго посередине, но все трое выглядят достаточно бледно.

Альбрехт сказал сдавленным голосом:

– Сэр Ричард, вы бы не баловались с этим... ну, изменением в Багровой Звезде. А то чуть заикой не стал!.. А сэра Каспара всего трясет.

Волсингейн возразил с неудовольствием:

– Чего вдруг трясет? Просто чуточку непривычно. А так кабинет как кабинет... ну, если учитывать, что это кабинет сэра Ричарда. Он сам вроде этой Багровой Звезды Зла. Если в профиль. А в анфас так вообще...

Альбрехт подошел, всмотрелся в карту.

– А-а, уже другая карта? И что на ней за точки, как будто мухи испражнялись?

– Сэр Альбрехт, – сказал я с укором, – у вас такая красивая шляпа, а говорите как простой дворянин.

– Портной императора Германа сшил, – сообщил он с удовольствием. – А вы чего с таким почтением? Эти точки...

– Да, они самые, вы угадали.

– Ух как здорово!.. Хорошо быть таким. А что именно я угадал?

Я пояснил с удовольствием:

– Башни Великих Магов. Ни одна не скрылась!.. Ну, как рассчитываю.

– Ого! – воскликнул он с изумлением. – Многовато, хотя как-то слишком неравномерно.

– Богатство, – сообщил я мудро, – в мире распределено не совсем справедливо с точки зрения бедных людей и христианских рыцарей. Эти Башни только в богатых королевствах.

– А вон в тех просторах, где ни одной?

– Там беднота, – ответил я. – Или на все королевства Магов нехватило. Умных вообще-то на свете мало.

Альбрехт все еще с сомнением всматривался в карту.

– Как сумели нанести все Башни Магов, а очертания королевств нет? Даже города не обозначены?

– Да так, – пояснил я. – Очень исполнительные, знаете ли, работники. Я велел нанести на карту все башни, вот их и нанесли. Зато быстро.

Он зябко повел плечами:

– Боюсь и представить, что у вас за работники. Я думал, мы их всех в аду перебили.

– Герцог, – сказал я с укором. – Я с исчадиями ада не общаюсь, хоть и политик! Нет особой надобности, знаете ли... Хотя, конечно, кое-какие концы оставил. Глупо было бы все обрубить, не так ли?.. А пока надоправляться своими скромными ресурсами. Или чужими, не важно. Но делать так, чтобы не портить репутацию. У нас, правителей, должны быть тайные службы!

Он кивком головы указал на беседующего тихонько с Волсингейном Норберта:

– А он?

– Он явная служба, – пояснил я. – Честная и открытая!.. Хотя, конечно, не без отдела по секретным операциям.

Он ехидно улыбнулся:

– А совместные операции двух служб не планируете?

Сэр Норберт вздрогнул и посмотрел на него строго, а я сказал поспешно:

– У любого правителя должно быть не меньше двух тайных служб, чтобы перепроверять информацию, а то такого надоносите, что всех вас

перевешать надобно было еще при рождении!

Норберт перевел дыхание и уже с обычным непроницаемым видом провел твердым, как панцирь жука-оленя, ногтем по карте.

– Вот тут одиночные башни, – произнес он ровно, – а здесь целый кластер... Но, насколько могу предположить, туда тянется горный хребет, а городов там нет.

– Служенье магии не терпит суety, – авторитетно объяснил я. – Зато прекрасные мишины! Если и промахнемся малость на милю-другую, все равно никого лишнего не прибьем.

Альбрехт ответил хладнокровно:

– В Клонзейде все лишние! Потому и оставлены на погибель. Как и везде. Так что жгите, сэр Ричард!

– Да это я так, – сказал я, – отрыжка гуманизма. Нам всем зачем-то нужно оправдание. Как думаете, зачем?

Норберт промолчал, вопрос риторический, зато Альбрехт объяснил с удовольствием:

– Все мы лицемеры, начиная с сэра Ричарда, который подает нам пример высокой культуры и гуманизма. Убиваем с радостью, но вслух выражаем сожаление. Даже искреннее! Это и называется цивилизованностью. У сэра Ричарда это особенно хорошо получается. На то он и вождь, все умеет и всем может прикинуться. Даже предательская мужская слеза наворачивается в нужное время и в нужных размерах!

Я буркнул:

– Сэр Альбрехт...

– Сэр Ричард, – возразил он, – не мешайте мне хвалить вас перед соратниками. Мы все люди простые и честные, а вы демонстрируете все богатство человеческих возможностей! Потому вы и вождь, что умеете больше.

Я сказал недовольно:

– Это у вас вон слеза наворачивается. Только непонятно из-за чего, а когда непонятно, то подозрительно. Я император, так что полон подозрения уже по статусу!

– Точно, – подтвердил он, – знаем, как голос у вас умело дрожит, и такой надрыв и скорбь о Родине слышится... Если с построением всеобщего царства справедливости не получится, можете набирать команду актеров.

Норберт, не обращая внимания на его болтовню, цель которой снизить напряжение и страх полета в чужом корабле филигонов, ткнул пальцем в широкое размытое пятно.

– Здесь самый дальний багер Германа разворачивается и прет обратно. А дальше, куда он не пошел, может быть все что угодно?..

– Клонзейд, – напомнил я, – империя, что борется с Жемчужной за первенство. Левее Астаргельд, тоже империя, странная и непонятная, а правее океан.

– Но наша цель, – сказал он сухо, – Клонзейд. И понятно почему.

– Верно мыслите, – ответил я. – Хотя империи нужно санировать все, но начнем с самой империстой. Во избежание. Потому отряд под началом Макса высадим в столице, а остальные разбросаем по городам помельче. Хотя все они, признаюсь, для нас пугающие крупные.

Альбрехт сказал задумчиво:

– Мне кажется, нечаянно или намеренно, но сэр Ричард для этого самого начала выбрал как раз самую легкую цель...

– Самую легкую? – переспросил я. – Это самая легкая?

Он кивнул.

– В Клонзейде слишком полагаются на Конclave Четырех Верховных Магов. Поправьте, если я не так понял. Но разве не их намерены сокрушить в первую очередь? Как ни странно, но труднее всего придется в королевствах, где Великих Магов нет вообще.

Все помолчали, обдумывая, а я, демонстрируя скорость мышления, сказал отечески:

– Спасибо, герцог!.. Вы по-прежнему демонстрируете!.. И доказываете!.. Это весьма!.. Потому вполне, что естественно. Иначе как бы не совсем, а так достаточно точно и в духе вашего мышлизма. Трезвый ум все-таки лучше, чем пьяный. Хотя, конечно, если пьяный довольный и счастливый...

Альбрехт, не дослушав, – у нас среди избранных полная воинская демократия, – кивнул Норберту.

– Герцог?

Тот взглянул с недоверием:

– Что, уже герцог?

Альбрехт сказал с тоской:

– А то вы не знали! Мне кажется, мы здесь уже все герцоги.

Норберт вздохнул:

– Так и королями скоро окажемся, тьфу-тьфу, не к ночи будь помянуто. Я понял, дорогой герцог! Лично проведу предварительный захват столицы, затем передам Максу и сосредоточусь на проблеме дорог и крепостей... Ваше императорское величество, что так странно смотрите?

– Поражаюсь вашей мудрости, ваша светлость, – ответил я степенно, –

вы хорошо сказали насчет королей. В империи Германа восемнадцать королевств, но империя Клонзейд, по слухам, втрое больше. Не знаю только, по размерам или численности населения, но все равно внушает. Вы меня поняли, как зачем-то надеюсь.

Он отшатнулся:

– Сэр Ричард! Идите в жопу с такими шуточками!.. Меня уже трясет от ушей до пят.

Я сказал скорбно:

– А как же долг?.. Ответственность?.. Интересы нашего северного континента?.. Кто, как не мы?.. С любых высот в любое место? Я не имею в виду жопу, о которой вы с такой экспрессией.

Волсингейн вернулся к замочноскважинному входу, оттуда понаблюдал за так называемым общим залом внизу, куда все больше стягиваются наши десантники, там иллюминаторы не такие страшные, скорее мелкие и мутноватые.

– Проходим над Башней Великого Мага, – сказал он. – А если это не башня, то я не Каспар Волсингейн.

В зале уже не только разведчики бросились к окнам, я тоже подошел к окну и сам ощутил мурашки по коже. Остальных, понятно, тряхнет еще сильнее. Башня называется башней по привычке, когда-то в самом деле была ею, но добытые камни, что усиливают мощь мага, укладывались сперва у основания, затем выше и выше, теперь это уже не башня, а воздетое ввысь здание, высотой выше всякой виденной на Севере башни.

Норберт посмотрел на меня пытливо, я постарался сделать вид, что и не такое видывал, хотя, конечно, мурашки стали еще крупнее.

– Сэр Ричард... сейчас там точно пусто?

– Не опасна, – подтвердил я, – маги в подземельях.

– А сами башни?.. Они могут защищаться?

– Думаю, – парировал я, – могли всегда защищаться. Но от Маркуса их не спасало.

Он кивнул, удовлетворенный:

– Ими... позже?

– Города важнее, – ответил я. – В ожидании конца света народ может пойти вразнос. Все, что нас держит в рамках, рухнуло.

Он хмыкнул, в империи Германа Третьего городская стража старается резко пресекать участившиеся бесчинства, наши отряды с удовольствием помогают рубить и вешать, и здесь вряд ли пошло иначе.

Башня быстро уплыла из поля зрения. Я взглянул вверх, облаков здесь нет, сосредоточился, Маркус по моей молчаливой команде поднялся выше

и ускорил ход, это научился понимать легко, мысль все-таки простая и ясная.

Разведчики еще быстрее принялись заносить на карты как изгибы рельефа, так и населенные пункты, но больше начали обращать внимание, как и велел Норберт, насколько удобно вести войска, но это вряд ли, как я давно понял.

Увы, еще не осознали, что здесь все передвигаются только на багерах. Даже там, где легко проложить дороги, их все равно нет.

– Башни потом, – повторил я. – Сперва наклоним империю Клонзейд, так называемую империю Извечного Света. Потому что мы, антагонисты, позиционируемся как бы империей Тьмы.

Волсингейн спросил обидчиво:

– Почему это Тьмы?

– Мы с Севера, – пояснил я, – у нас ночи длиннее. И вообще Тьмой быть интереснее. Больше позволено, разве не понятно?

Он переспросил:

– В смысле... в том смысле?

– И в том, – заверил я, – и в том, что сбоку. Тьме можно все!.. Тьма демократична!.. Все мечтают служить Тьме, но вынужденно служат Свету, потому что так надо. Человек делает то, что надо, а скот то, что хочется. Клонзейд просто принудим к миру и счастью. Не говорить же о каком-то военном столкновении, когда император и все короли в глубоких пещерах, а их дворцы и крепости берем голыми руками?

– Будет нетрудно, – ответил он, но в голосе прозвучало сомнение. – Подумаешь, империя... В четыре раза больше Жемчужной? А Жемчужная в сто раз больше вашей на Севере?.. Легко!

– Ну вот, – сказал я с горьким оптимизмом, – привыкаете к масштабам. А я еще не сказал, что земля круглая, а Луна от нас даже дальше, чем Армландия.

Он пробормотал:

– Уже голова кругом, и облегчение такое в мыслях, что даже и не знаю... Башни Магов потом, говорите?.. И тоже как бы лехко?

– Там просто кучи камней, – напомнил я. – Хоть и пропитанных магией так, что просто течет, как из свежего творога. Правда, это видят только маги. А они сами сейчас в пещерах каменных, где не счесть алмазов... Вылезут, а тут ку-ку, нет домиков, мыши съели.

Он сказал с суровым вздохом:

– Маги... Магья мелочь гибнет, но Великие уцелевают. Они и пещеры готовят заранее, и запасы, а оттуда сами пробивают наверх прямые дороги,

а не ищут трещины и разломы.

Норберт заметил коротко:

– Это серьезные противники. Несмотря на браваду нашей Багровой Звездности.

Альбрехт повел в мою сторону очень серьезными глазами.

– Пойдемте, – сказал он, – дадим лорду помыслить. Что-то хмур, не к добру.

Каспар сказал поспешно:

– Да-да, пока не убагровозвездил.

Глава 4

Я выждал, когда утопают, гремя металлом доспехов и оружием, сказал тихонько:

– Маркус... ты уже запомнил, что Маркус – это ты?.. Пора нам с тобой научиться делать двери. Это так просто. Да и сквозняков не будет, тебе же лучше... Интеллигенты простуживаются чаще, а мы с тобой они самые, тонкие и ранимые. Я даже стихи пробовал писать. Давно, правда.

Пока я усиленно представлял, что такое двери и зачем они вообще, за спиной неприятно хлюпнуло. Я в испуге обернулся: стены выгнулись, двинулись навстречу одна другой. Арочный вход в виде огромной замочной скважины сузился, превратился в щель, а потом и вовсе исчез.

Я подошел ближе, с сильно бьющимся сердцем потрогал стену, все еще холодная, но уже не так уж, сказал как можно более ласково:

– Хорошо, хорошо... хорошая собачка!.. А теперь раздвинь, как было.

С минуту ничего не происходило, внутри похолодело, это же заперт в чреве этого чудища, однако щель все же появилась, возник даже проход, только намного меньше, уже не до исчезающего в темноте свода, да и вширь для двоих плечом к плечу, а слон с паланкином уже не пройдет.

– Великолепно, – сказал я, сам ощутил, как из меня хлынула горячая волна благодарности и удовольствия, на что больше всего реагирует Маркус. – Очень хорошо!..

Ответа не получил, только нечто неуловимо легкое коснулось, словно колебание теплого воздуха, это Маркус так реагирует, когда понимает своего симбионта.

Выждав некоторое время, велел сделать проем и оставить в таком виде, сам осторожно выбрался в большой зал.

Массивная гора Багровой Звезды скользит над планетой, как по

изумительно ровному и незримому льду. Во всех залах, которые по моему повелению оснащены иллюминаторами, толпится народ, самые эмоциональные орут, спорят, тыкают в проплывающие земли пальцами, стараясь угадать, что там чудится, а что на самом деле.

Как я понимаю, земли Клонзейда, именуемые империей Извечного Света, пошли сразу за высоким и протяженным горным хребтом. Горы, широкие реки, моря и даже топкие болота всегда служили естественными границами. В их пределах сперва шло заселение, образовывались племена и народы, а затем появлялось понятие наших земель и не наших.

Правда, хотя граница как бы по вершинам гор, но кому нужны эти горы, потому первые селения мы увидели в сотне миль по ту сторону горной цепи уже на зеленых и ровных как столешница долинах.

Деревушки ухоженные, как и поля, скот не видно с такой высоты, хотя вон те белые точки на склонах холмов явно крупные стада овец. Проплывают внизу и города, много мелких, большие очень редко, что и характерно для таких времен.

Альбрехт указал на скользящую далеко внизу чудовищно массивную башню.

– Тоже Верховный Маг?

– Не отвлекайтесь, ваша светлость, – заметил я, – сперва десантируемся в столице. С любых высот в любое, как говорится. Башни Магов пока что без хозяев, с ними, как уже изволил сообщить, разберемся чуть позже.

– Установим там стражу?

Я покачал головой:

– Разве мы не воины Церкви?

– Да, – подтвердил он с готовностью. – А еще мы кто?.. А то я уже и запутался. Мы то воины Церкви, то носители Добра, то какого-то прогресса и сельского хозяйства.

– В данном случае, – сказал я твердо и возвышенno, – мы воины Церкви!.. Магия – это дикость мира, а мы несем свет и просвещение. Церковь пока что свет, потому строим церкви на месте темных языческих храмов.

– Что, правда?

Я уточнил с достоинством:

– Не прямо вот щас, а в принципе. И не мы, конечно. Мы руководители, даже пальцеуказыватели.

Он посмотрел с вопросом в очень серьезных глазах:

– А как же Карл-Антон и его... помощники?

— У всякого правила есть исключения, — ответил я сварливо. — К тому же Карл-Антон уже алхимик, а это хоть и маг, но уже как бы научный сотрудник на пути к прогрессу... Маркус, давай чуть быстрее!

Его самый преданный вассал, Бриан Волсингейн, как и остальные военачальники, поглядывает вниз с беспокойством. И не только потому, что непривычно двигаться на такой высоте, куда и птицы не залетают, но потрясенные масштабами территории, которые, как все понимают, надо будет держать под контролем, иначе здешние народы, которых тут как песка в море, просто проглотят нас, даже костей не выплюнут.

— Вон столица! — вскрикивал он время от времени. — Ого, какая!..

Альбрехт все еще схватывает ситуацию быстрее других, всякий раз отвечал с холодной невозмутимостью:

— Да успокойся ты... Здесь народу больше, вот и города крупнее.

— И самих городов больше, — договорил в сторонке сэр Горналь. — Голова кругом идет. Как столица называется?

— На месте узнаем, — ответил я.

— Ого!

— Мы такие, — подтвердил я с некоторым стыдом, который постарался подать как мужскую гордость. — Что нам такие мелочи?.. Подумаешь, столица.

— Столица не королевства, — напомнил Альбрехт со значением, — а империи!.. Ваша Звездность, а вас не впечатляет?

— Уже нет, — ответил я. — Впечатлялка истощилась, если честно. Я же натура тонкая, впечатлительная, артистичная, как Нерон какой, но сейчас будто корова перед геральдической росписью на гербе королевских врат. Смотрю и хоть вижу, но ничего не зрю. Так, фигня какая-то, ни сена, ни клевера.

Он покачал головой, но промолчал, то ли не соглашаясь, то ли сам еще не определился, как реагировать на рухнувшую с грохотом лавину впечатлений.

— Соберите цвет десанта, — велел я, — в большом зале. Который теперь большой?

Он сказал зябким голосом:

— Надо посмотреть. А то они все как-то меняются. То один больше, то другой. А третий так и вовсе...

— Что?

— То он есть, — ответил он тихо, — то нет. А то не зал, а какое-то болото из кипящей крови.

— Как вся наша жизнь, — согласился я. — То есть то нет, то больше, то

меньше, а то и вовсе.

– Обратитесь с речью?

– Это я люблю, – согласился я. – Говорить – не работать. Но язык дан человеку для того, чтобы руководить, не так ли?.. А так как у меня не только руки длинные, но и язык, то и руководю весьма как бы успешно. А напутствие необходимо, ибо!

Он козырнул и удалился странно бесшумно, хотя пол сейчас из самого прочного камня, а совсем недавно был отвратительным киселем. Все-таки Маркус приспосабливается под нужды своего более развитого симбионта, справедливо понимая или просто чувствуя, что управлять должен тот, чья организация выше.

Но это в нем я защищен, а на земле пригодились бы талисманы, которые уничтожил Террос, Темный Бог, когда едва-едва не сжег с ними и меня.

А сейчас в моем распоряжении есть только самый крохотный на свете и самый беспомощный крошка-демон с длинным непроизносимым именем, которое я заменил на простое «Серфик»…

Я осторожно потер колечко на пальце.

– Серфик!.. Серфик, явись к повелителю!

Ничего не случилось, я выждал чуть и потер кольцо уже сильнее.

– Серфик… иди сюда, малявка!

Ничего не произошло, я потер еще несколько раз, всякий раз повторяя призыв, но свечи горят ровно, ни в одном огоньке не кувыркается крохотный красный демон с вытаращенными, как у лемура, глазенками и размером с божью коровку.

– Ничего себе, – пробормотал я, – ну, Маркус, ты даешь…

Похоже, стены экранируют попытки связаться с демонами. А это значит, и демоны по своей или чужой воле проникнуть не могут, что огорчительно, я бы их использовал для дальнейшей очистки Маркуса от разных опасных непоняток.

С другой стороны, Маркус, выходит, абсолютно защищенная цитадель, что еще лучше и важнее.

Я сидел, погруженный в размышления, когда в мой как бы кабинет заглянул Умальд, поинтересовался с сочувствием:

– Сэр Ричард, все в порядке?..

– Да, – ответил я. – Как там?

– Народ собирается, – доложил он, – как вы и велели.

Я со вздохом поднялся.

– Народ ждать не должен. У нас народ особый.

Народ, в данном случае военачальники, от крупных до мелких, а также младшие командиры, собрался в большом зале, который то ли самый большой, то ли уже не самый, но все равно громадный.

Осталось немного места и для рядовых воинов, хотя у меня уже нет рядовых, всех возвели в рыцарство, но, конечно, это пока простые рыцари, безбаннерные, но все счастливо и с надеждами понимают: в таком беспримерном походе могут обрести как баннеры, так и нечто позначительнее.

Я красиво вошел в зал, под ногами что-то дернулось, я со страхом ощутил, как меня слегка приподняло и тут же под подошвами затихло.

— Друзья! — воскликнул я не своим голосом. — Соратники!.. Честно говоря, я сам не думал, что совершим эпохальное. В схватке с филигонами намеревались красиво погибнуть... и почти погибли, но Господь помог своим верным рыцарям, ибо! Да, верит в нас и кладет на нас и наши плечи большой такой долг. Да, могли бы жить-поживать и почивать на лаврах, но мы, воспламененные великой целью спасти и осчастливить мир, хочет он того или не хочет, пламенно и самоотверженно явились сюда нести добро и справедливость!.. Это наш долг. Мы установим добро и мир, даже если после нас камня на камне!.. Ибо правда выше всего и даже выше самой правды!..

Альбрехт покачал головой, в глазах укор и напоминание, что я совсем не Цицерон.

Я перевел дыхание и продолжил несколько более деловым голосом:

— Вы уже увидели, что за народ в империи Германа!.. В империи Скагеррака, куда прем в аллюре сто крестов, ожидается примерно нечто такое, хоть и другое, но похожее, пусть и непривычное, если смотреть сбоку. То есть совершенно другой народ! Особенно если сравнивать с нами, самыми лучшими и самыми правильными. Здесь все с другими взглядами, нравами и привычками. Живут намного богаче нас, но это не делает их лучше, запомните!.. На самом деле лучше мы. И не потому, что победили филигонов, а что у нас есть вера, честь, достоинство и доблесть... всего этого жители империи лишены!

Альбрехт кивнул, одобряет, видите ли, своего лорда, Норберт смотрит спокойно и бесстрастно, дело свое знает, а на лозунги и призывы давно не обращает внимания.

Зато Палант, Кенговейн и самые молодые командиры смотрят с великим восторгом, хотя вряд ли понимают, что несу, для них важнее уверенный голос, напор и властные жесты.

— Здесь города крупнее и богаче, — продолжал я жарко, — все богаче! Вы видели в империи Германа, там люди одеты так, что в глазах рябит от блесток и всяких золотых штучек. Даже стыдно смотреть, как одеваются мужчины!..

Из заднего ряда прогремел мощный голос сэра Растера:

— У нас только женщины разве что, да и то шлюхи...

— Вот-вот, — сказал я. — Однако вы должны и обязаны держаться, как люди более высокой культуры! Вам насрать на эти цветные тряпки и золотые кольца с бриллиантами!.. У нас Господь, у них его нет, и этим мы неизмеримо богаче их... Сэр Растер, вижу, как потираете руки, но должен напомнить, мы не завоеватели, а освободители.

Растер в горестном недоумении прогудел мощным голосом, от которого зарезонировали стены:

— А как же наше исконное право...

— Спасенных не насилиют, — пояснил я терпеливо.

— А... как тогда...

— Однако, — пояснил я, — знатные дамы будут сами на вас вешаться. Этих насилийте, будут только рады. Обожают экзотику и грубое обращение настоящих мужчин, что остались разве что на Севере.

Митчелл, что редко далеко уходит от сэра Растера, сказал с сожалением:

— Жаль, грабить нельзя.

— Грабеж, — сказал я наставительно, — это признание, что мы беднее. На самом деле, повторяю для тугосльшащих или плохо понимающих, мы неизмеримо богаче!.. С нами Бог, у нас вера и честь, чего нет у них. Потому никто не должен показывать, что завидует их бренному богатству.

— Богатство, — согласился с достоинством сэр Растер, — отнять легко, это нашу честь никто не отнимет!

Альбрехт уточнил:

— Ваш лорд рекомендует держаться так, чтобы никто не заподозрил, что завидуете. А завидовать будете. Это вы хотели сказать, сэр Ричард?

— Да, — подтвердил я с неудовольствием. — Не дайте им возможности хихикать за вашими спинами!

Глава 5

Судя по их лицам, это подействовало лучше, кто из мужчин позволит насмешки над собой, тем более чтобы хихикали побежденные? Ну пусть не

побежденные, а спасенные, это без шуток, однако спасенным быть тоже как-то не совсем. Пусть не так унизительно, но сразу понятно, кто круче, а что для мужчины важнее?

Кенговейн проговорил с чувством:

– Они тоже понимают, что остались жить только по нашей милости.

Он с вопросом в глазах взглянул на своего сеньора, Альбрехт кивнул и сказал достаточно громко:

– Вообще-то что нам их серьги и кольца? Мы взяли всю империю Германа с ее золотыми рудниками, пещерами сокровищ, гrotами с драгоценными камнями...

– И вообще все наше, – торопливо вставил Кенговейн.

– Все, – подтвердил Альбрехт. – А что остается им, то это по нашей милости. Если возжелаем, всех и здесь без штанов оставим... Сэр Ричард?

– Герцог прав, – сказал я громко и с надлежащим накалом, – действуйте безжалостно. Сейчас многие местные ударились в мародерство, грабежи, разбои, насилие, что и понятно, мы бы сами... гм... Таких рубить на месте! Никакой жалости, никакого снисхождения. Нельзя упускать удобный случай почистить генофонд. Человечеству нужны особи с устойчивой психикой, нам еще такое предстоит!

Альбрехт произнес с заметным неудовольствием:

– Сэр Ричард, страшно и подумать, что вы там видите.

– Прекрасный мир! – воскликнул я с чувством. – Но идти к нему по колено в крови. А часто и по пояс.

– Но мир, – спросил он громко, больше для слушающих, чем для себя, – прекрасный?

– Дивно прекрасный, – заверил я. – Потому спать придется с мечом в руке. За прекрасный мир дерутся чаще и злее... Все поняли?

Военачальники ответили нестройным ревом, что да, щадить не будут, да и чего щадить, не наше.

– Сперва захватываем столицу, – сказал я. – Дело привычное, верно?.. Особенно здесь, на Юге. Только в императорский дворец не входить. Никому.

Альбрехт насторожился, спросил за всех:

– Ваше величество?

Я пояснил:

– Император где-то держит заложников. Знатных людей из своих королевств и даже соседних империй.

Он охнулся:

– Вот сволочь!

– Именно, – согласился я. – Потому не хочу, чтобы их понасиловали заодно с местными. Мы выступим как бы освободителями!..

Он спросил с сарказмом:

– Правда? А может, лучше оставить заложниками, только уже своими?..

– Мелко, – сказал я свысока. – Предпочитаю взять в заложники всю планету.

– Ваше Величество?

– Хотя бы империю, – пояснил я, – целиком. А спасенные пусть поют мне хвалу.

– Закупить для них арфы?

– Они-то петь будут, – согласился я, – но будем ли слушать?.. Чекард! Что там увидели?

Чекард, один из лучших командиров Норберта, прокричал от окна с энтузиазмом:

– Город!.. Просто огромный!.. Точно столица!

– Не спешите, – предостерег я. – Империи не бывают такими крохотными. Мы только-только вдвинулись в ее пределы.

– Что, – спросил он с недоверием, – и уже такие города?

– Смотри, – сказал я и кивнул в сторону иллюминатора, – таких будет еще много.

Он с потрясенным видом повернулся в ту сторону, а я сосредоточился и велел Багровой Звезде Зла, или Багровой Звезде Смерти, кому как больше нравится, двигаться еще быстрее.

Города замелькали так часто, что не только Чекард перестал указывать на каждый крупный город и уверять, что это и есть столица, но и другие притихли, умолкли.

Я украдкой поглядывал на их лица. Все малость приошалели и придавлены, причем малость совсем не малость. На Севере даже столицы в сравнении с этими городами чуть ли не деревни, потому нужно почаше напоминать нашим, что зато сильнее мы, а это главное всего на свете.

Историю пишут и задают правила победители.

Даже на такой скорости пришлось затратить полдня, чтобы успевать замечать горы, реки и крупные города. Но ближе к вечеру и меня тряхнуло, когда внизу начал вырастать исполинский город.

Маркус по моей команде резко снизился, стала видна ограда из трех расширяющихся рядов белого камня в основании, а выше густой лес из металлических копий со сверкающими на солнце наконечниками.

Я инстинктивно ждал, что вес уйдет из-под ног, но ничего не случилось, только город снизу стал еще ближе. Дома почти все в три-четыре этажа, и только в центре гордо высится прекрасный комплекс высоких зданий, с виду этажей в каждом не меньше десятка. У меня сразу пошло разрастаться тревожное недоумение: как поднимают воду на самый верх?

Макс появился как нельзя вовремя, я увидел его в окружении младших командиров, когда указывал в окно на городские ворота с разных сторон города и четко распоряжался, кому откуда врываться в стольный град.

Альбрехт сказал с мрачным торжеством:

– Сейчас там снизу видят Багровую Звезду над их городом! Представляете?

Растер сказал с надеждой:

– Обязательно отыщутся герои, что ринутся в бой с опущенными забралами и нацеленными в нас копьями!

– Даже остатки разбегутся! – предположил Волсингейн.

Норберт произнес бесстрастно:

– Все может быть. Уверен, найдутся и отважные, что бросятся в атаку. Хотя бы с дюжину человек...

– На всю империю? – уточнил Митчелл. – Да, отважный здесь народ. Ваше величество?

Я повел рукой властно и величественно, раз уж я величество.

– Садимся близь городских врат. Никто не забыл, кому что делать?.. Тогда с Богом! Маркус – это орудие его гнева и нетерпения. А значит, Господь с нами!

Все, судя по их лицам, ощутили некую легкость в тела и мыслях, это Маркус снова стремительно ринулся вниз, с той скоростью, с которой не сравняется никакой скоростной лифт или даже падающий камень.

За окнами синева сменилась зеленью, вдали мелькнули зеленые рощи, зато с правой стороны угрожающе близко появилась высокая ограда города, какие видел только во дворцах, а здесь такой огражден целый город, несерьезно как-то.

Основание из белого камня, а дальше ажурная, но явно прочная решетка из кованого металла, на вершинах устремленные в небо острые и длинные наконечники копий, как я и увидел с высоты, в самом деле покрыты золотом.

Вокруг меня собрался весь цвет моего командования, начиная с Альбрехта и Норberta, на которых лежит половина всей ответственности. Лица у всех суровые и решительные, как у людей, недавно победивших

филигонов.

Я вздохнул, некоторые вещи говорить неприятно, но если надо, то надо, на меня смотрят в ожидании напутствия, я сказал громко:

– Я против культа личности, если это не мой культ... Улыбаешься, но все очень серьезно. Думаете, чего я именно вас всех погрузил в Маркус и перебросил через океан? Герцог Гуммельсберг?

Альбрехт покачал головой:

– Я тоже думал над этой вашей странностью. Благоразумнее было бы дождаться армий, что спешно шли нам на помощь изо всех королевств. Так что случилось?

– Я знал, – ответил я значительно, – что нас ждет на Юге. Те, кто вопреки всему победил филигонов, верят мне!.. Верят больше, уж простите за богохульство, чем верят Церкви... А те, кто не участвовал в страшной битве с филигонами, забыв о более важных делах, сразу сognали бы народ и заставили строить церкви, ибо как без церквей жить?

В помещении наступила мертвая тишина. Я ощущил на себе строгие взгляды, наконец Альбрехт вежливо кашлянул и сказал четким голосом:

– Сэр Ричард, объяснитесь. Мы тоже считаем, что без церкви жить нельзя.

Я сказал с жаром:

– Это без Бога жить нельзя, а без церкви какое-то время жить можно!.. Но Бог всегда с нами, мы чувствуем его помощь, его заботу, его поддержку. Построим и церкви. Потом, когда установим правильный порядок. Мы уже начали строить дивный новый мир!.. Теперь понятно, почему со мной только вы, лучшие из лучших?

Они переглядывались, я еще видел на многих лицах сомнение, но то один вздыхал с облегчением, то другой, наконец Альбрехт, выражая общую волю, проговорил так же веско:

– Ваше величество, вы правы. В нашей армии, уничтожившей филигонов, ваше слово – закон. Вы сказали не насаждать веру Христа... некоторое время, мы не будем ее насаждать. До вашего распоряжения, что, я уверен, не заставит себя ждать долго. А тогда можно будет и остальные армии перевезти, среди которых ваш авторитет не настолько непоколебим.

Я вздохнул, поправил перевязь с мечом.

– Выходим. Выходим все!

Норберт ответил с неудовольствием:

– Никто не спрячется. Мои проследят.

Арбогастр подставил бок с болтающимся стременем, тоже спешит выйти из этой летающей странности. Я поднялся в седло, но Бобик

выскочил даже не в распахивающиеся ворота, а в узкую щель, стремительно метнулся к воротам, а там резко сел, рассматривая побледневших стражников.

Со мной бок о бок двинулись Альбрехт и Норберт, но глава разведки тут же ушел в сторону к своим разведчикам, а мы втроем первыми приблизились к городским воротам.

С этой стороны перед воротами с полсотни трупов, кровью залиты камни, красные струйки все еще сбегают в дренажную канаву слева от дороги.

Мы с Альбрехтом подъехали ближе, телохранителям я жестом велел держаться позади. С той стороны в нашу сторону развернулись полдюжины ярко и крикливо одетых стражников в металлических шлемах облегченной конструкции и в легких кирасах, едва прикрывающих спину и грудь.

То, что воины, можно узнать только по алебардам в руках, но мои герои даже на алебарды смотрят с сомнением, такого еще не видели, а пышные рукава оранжевого цвета и зеленые штаны до колен вызвали презрительные усмешки.

Даже вместо грубых мужских сапог нелепые женские туфли с блестящими золотом пряжками! Ноги, стыд какой, ноги до колен в белых чулках...

Однако почти на всех пышная одежда порвана, у троих вместо шлемов толстые повязки на головах, пятна крови свежие, еще у одного кроме головы перевязаны и обе руки, но алебарду держит крепко, а в нашу сторону смотрит зло и с вызовом.

– Благодарю за службу! – провозгласил я. – Вижу, удержали разбушевавшуюся чернь... Но почему вас так мало?

Один из воинов, немолодой ветеран с суровым лицом, ответил хриплым голосом:

– Было больше.

– Понятно, – ответил я. – Открывайте ворота. Мы свои.

Он смотрел с подозрением, как и остальные, наконец проговорил устало:

– Вы нездешний.

– И даже не гость императора, – сказал второй воин.

Я ответил отечески:

– Здешний я, здешний! С этой планеты и даже с этого континента, хоть и с другого. Ребята, город уже в наших загребущих. Если не откроете ворота таким нарядным, следом придет армия. Уже нездешняя. И тогда все в городе будут убиты, изнасилованы и ограблены, а потом изнасилованы

еще раз, уже так, для смеха. Это же смешно, правда? Вы же знаете, как это делается... Или еще не знаете? Ах да, вы же стража больше для красоты, церемониальная... Ваши семьи тоже здесь?

Они переглянулись, снова посмотрели на мой блещущий сталью с ног до головы отряд. Даже кони у нас в кольчугах, со стальными налобниками, настоящие боевые чудовища, тоже будут насиовать.

Старший сказал хмуро:

– Пропустим. Но вы хоть видели, как с небес сошла Багровая Звезда Смерти? Оглянитесь, да вон же она!

– Эх, – сказал я, – вы так и не увидели, откуда мы?.. А так вообще-то соображаете, молодцы. И не теряете воинской отваги, хотя та Звезда рядом с городом. Весьма похвально.

Ветеран сказал с подозрением:

– А вы откуда?

– Оставайтесь на месте, – повелел я, – местных не впускайте... как и не впускали. За свои семьи не волнуйтесь. Просто грабить... для нас уже слишком мелко.

Глава 6

Прогремел стук копыт, нас со стороны Маркуса догнали Митчелл, Бриан, еще две дюжины отважных рыцарей с опущенными копьями. Ворота перед нами медленно и неохотно распахнулись, весь крупный отряд въехал вслед за нами, хотя, конечно, никто не опередил Бобика.

Двери казармы поблизости распахнуты настежь, но там, похоже, пусто.

Я остановил арбогастра сразу за воротами, кивком подозвал ветерана.

– Сколько человек в отряде?

– Было семьдесят, – ответил он мертвым от усталости голосом, – теперь пятеро.

– Наберите полный состав, – распорядился я величественно. – Вы не оставили свой пост, доказав верность закону и порядку, потому назначаю вас... как вас зовут?

Он ответил все еще с недоверием:

– Титус.

– Теперь сэр Титус, – сказал я. – За стойкость и верность доблестный воин Титус пожалован титулом рыцаря с удвоением жалованья и назначен командующим всей охраной столицы... Кстати, как ее зовут?

Он вздрогнул, посмотрел на меня дикими глазами.

– Сэр...

– Это же столица? – спросил я. – Или мы промахнулись на пару тысяч миль?

Он побледнел, лицо заострилось, а синими губами едва выговорил:

– Волсингсбор...

– Волсингсбор, – повторил я. – Ничего так название. Миленькое!

Продолжайте бдить и нести почетную службу во имя императора и социалистической законности, сэр Титус!

За нами под аркой ворот промчались, опережая нас на пути к зданиям дворца, легкие конники Норберта. Следом начала вливаться закованная в сталь тяжелая рыцарская конница Максимилиана фон Брандесгерта, графа Стоунширского, а теперь уже и герцога, самого молодого из моих военачальников.

Альбрехт вздохнул свободнее, даже начал сдержанно посмеиваться: все идет не просто хорошо, а как-то слишком хорошо. Никто не бросился в атаку, как предостерегал Норберт и надеялся сэр Раster, в городе не видно пожаров, хотя вообще-то деревянных домов нет, но даже трупов по обочинам дороги не так уж и много в опустевшем городе.

– Хороший ход, – сказал он одобрительно. – Сразу в рыцари!

– Он заслужил, – ответил я. – А как иначе?.. Верные порядку должны быть вознаграждены и повышены, чтобы и других приучали. Добродетель должна вознаграждаться.

– А вы получаете сторонников, – уточнил он с некоторой ехидцей.

– Это всего лишь укрепление власти, – пояснил я. – Все законно.

– А закон у нас вы, – добавил он совсем невинным голосом.

– Правда здорово? – сказал я бодро.

Дороги вымощены плитами от дома и до дома, город чист, хотя не просто огромен, а исполински огромен. Но странность в том, что вовсе не видно домов простых ремесленников, в то время как в Солнечном городе, столице королевства Монтегю и самой империи Германа Третьего, их почти треть. Правда, трети тоже маловато, на одного вельможу или просто знатного должно приходиться не меньше двух десятков из так называемого обслуживающего персонала, этого и в помине нет в Солнечном городе.

Альбрехт по-прежнему держится справа, это его почетное место, брови уже сдвинуты, на лице легкая тень недоумения, что-то неладное все-таки заметил.

– Здесь либо магов больше, – сказал я, – либо император заставляет их заниматься бытом, а не высокими изысканиями.

– Тоже ухватили? – обронил он легко.

– Вы же заметили, герцог!

Он сказал с полуулыбкой:

– Я человек взрослый, а вы должны больше замечать толщину стен, укреплений, количество вражеской армии... Хотя, конечно, вы все еще нечто непонятное, сэр Ричард. Посмотреть бы, что за старые книги читали.

– Спасибо, – ответил я так же легко. – Мне нравится быть таким задумчивым, таким загадочным... Думаю, простой люд обитает в жилищах, которые нам по простоте душевной и христианскому смирению кажутся домами для благородного сословия. Это, конечно, не делает их счастливее, все познается в сравнении. Думаю, их нынешние благородные на такой же дистанции от простых, как и в империи Германа.

– И дальше, – заметил он трезво, – чем у нас на Севере.

– Да, – согласился я. – У нас все еще милая патриархальщина.

Он вскинул брови.

– Это плохо? У вас это звучит с каким-то оттенком.

– Детство, – сказал я, – всегда милое, но когда-то надо вырастать из коротких штанишек.

Он спросил несколько натянуто:

– Здесь... выросли?

– Увы, – ответил я, – выросли. Правда, это не значит, что выросли в достойных людей. Или недостойных, но нам приемлемых. Но что выросли, это несомненно. И с этим придется считаться.

– Насколько?

– Увидим, – пообещал я с тяжелым сердцем.

Квартал за кварталом остаются за спиной, город местами выглядит как только что оставленный вражеской армией, но в других местах жители явно сумели наладить самооборону, а люди Норберта, ворвавшиеся в город первыми, как-то убедили, что регулярная армия не грабит, жители отныне под защитой, но если на проезжающие отряды кто-то бросит хотя бы камень, тот дом сожгут вместе с людьми.

Альбрехт старается не выраживать настороженности, но ладонь его то и дело проходит над рукоятью меча, а края плаща подвернул, чтобы ничто не помешало выхватить клинок.

Где-то в центре города на храпящем коне навстречу выметнулся один из разведчиков Норберта.

– Сэр Ричард!.. – прокричал он ликующее. – Город в наших руках!.. Уже весь!

Я кивнул, дескать, ух ты, здорово, Альбрехт буркнул тихонько:

– Удивил. Вся империя в наших.

– Не мешайте радоваться, – упрекнул я.

– Это не наша заслуга, – сказал Альбрехт трезво. – Местная армия лишилась командиров, город никто не защищает. Сэр Ричард?

– Что, – спросил я, – вам непонятно? Прем к дворцу императора Скагеррака Сорок Восьмого. Как бы в гости. Но только как бы.

Он сказал со злым подъемом:

– Посмотрим, как живут императоры, посмотрим.

– Вам дворца императора Германа мало?

– Нужно сравнить, – сказал он бодро. – Эх, сэр Ричард… что за жизнь вы нам всем устроили! Это же сказка, а не жизнь. Правда, страшная, но зато будет что рассказать, когда вернемся. Пусть им тоже кошмары снятся! Мы им та-а-акого нарасскажем. С вашей легкой руки мы тоже почти поэты. Особенно сэр Раster.

Я смолчал, а он что-то прочел в моем молчании, повернулся в седле всем корпусом.

– Сэр Ричард?

– Вернемся, вернемся, – заверил я. – Только не так быстро, как вот прямо сейчас кажется.

– Будет война?

– Точно, – сказал я. – Война цивилизаций.

– Серьезная?

– Сшибка и взаимопроникновение, – ответил я загадочно.

Дома красиво разошлись, впереди распахнулась широкая и праздничная площадь. Бобик подобно черному урагану унесся на ту сторону, там за высокой ажурной оградой из кованого металла высятся за цветущими деревьями громады императорского дворца.

Альбрехт приподнялся в стременах и вскрикнул со злым весельем:

– Кажется, мы вовремя!

Высокая ограда облеплена орущим народом, снизу подпирает толпа, самые отважные перебираются через острые наконечники, оставляя клочья одежды, а то и мяса, срываются на ту сторону.

Я с трудом рассмотрел там редеющую цепь дворцовой стражи. Одни тычут остриями алебард между прутьями решетки, другие всаживают клинки в тех, кто ухитрился перебраться через ограду на территорию дворцового сада.

Слева с пиками в руках налетела конница Чекарда, Альбрехт повернулся ко мне:

– А мы?

– Нужно показать, – ответил я, – что мы на стороне законности. Императоры всех стран, объединяйтесь!

Он моментально выхватил меч и аристократично молча ринулся на осаждавших со спины. Я чуть замешкался с выбором оружия, а затем в мою ладонь с размаху впечаталась холодная рукоять меча, длинного и чуть расширяющегося на конце.

От лезвия и даже рукояти пошел недобрый зеленый свет, словно я скимаю в руке холодное пламя, непонятное и потому особенно опасное.

Альбрехт успел зарубить двух, я же только вскинул клинок над головой, но получилось вообще-то театрально красиво.

Конники Норберта пронеслись вдоль ограды словно ураган, сметающий опавшие листья, за ними остались кучи трупов и просто разбросанные тела.

Еще с десяток пробовали отползти, но разведчики по взмаху руки Чекарда хладнокровно добили их и помчались вслед за своим командиром.

С той стороны ограды солдаты в форме императорской гвардии, что выглядит для моих орлов такой смешной, измученные и с помятыми кирасами, смотрят между металлическими прутьями с угрюмой обреченностью.

Я вложил меч в ножны и помахал рукой.

– Благодарю за службу! Вы не оставили свой пост, за что получите повышение и прочие награды. Плюс единовременное жалованье в двойном размере.

У них даже не нашлось сил переглянуться, смотрят на меня и моих людей с подозрением, никто не сдвинулся с места.

Альбрехт сказал им резким голосом:

– Открыть ворота!.. Не видите, помощь пришла.

Один из воинов, по виду старший, спросил с твердостью:

– О помощи нам не говорилось.

Я указал большим пальцем через плечо в ту сторону, где высится устрашающий багровый купол Маркуса.

– А о таком вам сказали?.. Быстрее отворяйте ворота!..

Мой голос прозвучал достаточно властно, я сам ощущал в нем новые нотки, что-то особенное, заставляющее людей повиноваться.

Стражник вздрогнул, бросился к воротам. Двою помогли ему с готовностью, а когда створки широко распахнулись, я сказал с достоинством:

– Вы хорошо исполняли свой долг и будете вознаграждены! Обещаю.

Даже на этой стороне ограды перед воротами широкие пятна крови на

брусчатке, в щелях между камнями кровь еще даже не успела впитаться. От ворот по брусчатке красные полосы, словно трупы утаскивали в спешке, тысячелетние традиции и устав велят держать территорию дворца в чистоте.

Норберт взмахом руки послал группу своих вперед, но те не помчались к главному зданию, как я ожидал, а заученно рассеялись по два человека, охватывая весь комплекс строений, как жилых, так и административных, если я правильно угадываю их назначение.

Копыта наших коней красиво и бодро стучат по широким плитам белоснежного мрамора площади, что не площадь, а широкая аллея, ведущая к главному зданию дворца.

Справа и слева уже зелень, фонтаны, из-за цветущих кустов несется щебетанье и чириканье спрятавшихся птиц.

Норберт и его ближайшие помощники держатся в седлах ровно и с холодными непроницаемыми лицами, дескать, и не такое видывали, хотя дворец Скагеррака ошеломил даже меня величием и той редкой красотой, когда монументальность форм умело сочетается с изысканностью стиля.

Рыцари за моей спиной тоже хранят молчание, только Митчелл отпустил какую-то шуточку, но никто ее не поддержал обычным хохотом.

– Вон те два здания должны быть для гостей, – предположил Норберт. – А заложников я поселил бы вон в том, пониже, его легче держать под наблюдением.

– Ими позже, – ответил я веско. – Сперва главный дворец, там разместим военную комендатуру. Со всеми неудобствами.

– И военное положение?

– Да, – подтвердил я. – По всей империи. Все несправедливые местные законы отменяются, действуют только справедливые.

– Справедливые, – уточнил он, – это наши?

Я взглянул с укором:

– Герцог!

Он сказал пристыженно, но с ухмылкой:

– Приятно быть всегда справедливым. И во всех случаях. Что бы ни натворил.

– Вы не натворите, – посочувствовал я. – Мне бы ваши ежовые рукавицы, сэр Норберт! Вы всегда такой правильный! Вы не отец Дитрих в молодости?

Его ухмылка стала шире.

– Думаю, отец Дитрих в молодости покуролесил. Потому теперь такой

мудрый и нравоучающий.

Глава 7

Громада здания вырастает, уже можно рассмотреть барельеф на стенах, но все еще нет подавляющей монументальности. Некая возвышенность форм придает ощущение радостного подъема, но сейчас я, как и Норберт с его людьми, всматривался в небольшой отряд воинов в металлических доспехах и с цветными плюмажами на верхушках шлемов, что высипали из здания и загородили вход.

Норберт вскинул руку, отряд послушно остановился. Я первым покинул седло, Бобик уже вертится в нетерпении, и едва мы с Норбертом и его командирами двинулись вверх по ступенькам, помчался впереди нас.

Стража императорского дворца, одетая настолько ярко и пышно, что просто клоуны, тоже всматривается в нас с напряженным вниманием, а по мере того, как поднимаемся по ступенькам, один за другим обнажили мечи и выстроились в две линии, загораживая расписные двери, больше похожие на ворота.

Я покосился на своих, у всех на лицах веселье и пренебрежительные улыбки. Трудно считать опасными воинами тех, кто защищен только легкой кирасой, а короткие зеленые штаны и ноги в чулках вызывают здоровый мужской смех.

Я только открыл рот для приветствия, как один из воинов в женских туфлях сказал резко:

– Стойте!.. Дальше ни шагу!.. Кто вы?

Я сказал дружеским голосом:

– Помощь, доблестный сэр. Очень своевременная. Если бы не подоспела, там уже сломали бы ограду, а вы отбивались бы от тысяч обезумевших дикарей, что уже растоптали бы благородного сэра Титуса с его людьми! Да-да, ваши горожане совсем одикареши... А кто вы, сэр?

Я постарался подпустить в голос высокомерного величия, воин ответил торопливо:

– Юстер, младший командир дворцовой стражи. Несу охрану.

– А где старший? – спросил я.

Он чуть запнулся, ответил уклончиво:

– Два дня назад отбыл, передав управление мне...

– Понятно, – сказал я и посмотрел на него пристально. – Вам же понятно, верно? С этой минуты вы, Юстер, старший по охране дворца.

Благодарю за службу!

Он спросил торопливо:

– Что с внешней охраной?

– Потерь почти нет, – сказал я успокаивающе. – Мы успели вовремя. Чернь разбежалась... которая успела. Если снова и сунется, то дальше ограды никто не пройдет, мы там оставили и своих людей. Как во дворце?

Он ответил послушно:

– Продуктов на неделю.

– Прекрасно, – ответил я. – За неделю все наладим.

Он перевел устрашенный взгляд на багровый купол Маркуса, что заслонил треть неба.

– Сэр...

– Все под контролем, – заверил я величественно. – Пойдемте, сэр Норберт.

Юстер опомнился, загородил дорогу.

– Но это дворец императора!

Я покачал головой:

– Эх, Юстер... Вы ревностно исполняете долг и тем нравитесь. Но должны понимать, что если захотим войти... И дело не только в том, что останетесь здесь на ступеньках окровавленными трупами, вы бесстрашны, но распаленные кровью не войдут, а ворвутся в здание.

Он поспешил отступить.

– Сэр... но я даже не знаю, из какого королевства прибыла помощь!

– Дружественного, – заверил я. – Главное, дисциплина и порядок, не так ли?.. Все, кто повинуется закону и порядку, с нами. Вы думаете иначе?

Он заколебался, но все же вскинул руку, а его стражники, все еще с алебардами в руках, с явным облегчением, но для вида хмурясь и сверкая глазами, отступили от двери в обе стороны.

Мы с Норбертом вдвинулись в холл, за нами еще пятеро младших командиров. Один выслушал Норberта, выскочил наружу и замахал обеими руками.

– Первая сотня ко мне!.. Остальным держать боевой порядок, охранять двор!

Я прислушался, но сэр Юстер, похоже, решил не препятствовать, и в холл начали входить спешившиеся разведчики и мои рыцари, что взяли на себя охрану своего вождя и отца народа.

– Похоже, – сказал я, – слуги продолжают работу. Им не так страшно, когда чем-то заняты... Хотя, конечно, кто-то сбежал... Осмотреть и взять под контроль все нижние этажи! А мы заглянем в личные покои

императора.

Норберт сообщил:

– Мои люди заглянут везде, но ничего не тронут.

– Хорошо, – одобрил я. – Кстати, отыщите придворного мага Джонатана Кавендиша. Это королевский маг второго допуска, кавалер Золотой Кометы.

Он прямо взглянул мне в глаза.

– Да, сэр Ричард... Похоже, вы знаете об этой империи больше, чем мы догадываемся?

– Нет-нет, – заверил я поспешно. – Просто занесло как-то к нему. Как мага к магу. Сами понимаете, общие интересы, увлечения...

– Бабы, – договорил он мрачно, – пьянки, драки...

– Нет-нет, – повторил я, – он слишком стар. Я тоже, раз уж старые книги читал.

– Страшно и представить, что вы там вычитывали.

Он оглянулся, повелительно вскинул руку.

– Эй там!.. Бегом!

Послышался топот ног, вбежал человек в ливрее лакея, с ног до головы содрогаясь от усердия, бледный и взвинченный.

– Повинуюсь...

– Отыщи королевского мага, – велел Норберт, взглянул на меня и уточнил: – Джонатана Кавендиша, других не надо.

Я добавил:

– Его еще называют Лаперузой. Возможно, за спиной. Беги!

Он выметнулся за дверь, послышалась частая дробь каблуков. Похоже, лаборатория королевского мага располагается тут же, на первом этаже рядом с кухней, потому что уже через пару минут двое воинов ввели, поддерживая под руки, человека в расшитом золотыми звездами халате до пола и в островерхой шляпе с широкими полями.

Он поднял голову, наши взгляды встретились, его брови приподнялись.

– О, снова вы, Ричард Длинные Руки...

Норберт и Чекард переглянулись, Чекард пробормотал:

– Не удивлюсь, если наш лорд всех местных баб успел обрюхатить. Как ему такое удается...

– Сэр Джонатан, – сказал я доброжелательно, – да-да, теперь уже сэр, научные кадры нужно беречь и давать им льготы, что я и намерен делать для подъема сельского хозяйства. Где наша милая принцесса?.. Кстати, как ее зовут?

За моей спиной Митчелл прошептал:

– Палант, слышал?.. Даже имен не спрашивает, сразу брюхатит. Вот это жизнь!

Кавендиш взглянул на меня исподлобья.

– Зачем она вам?

– Верну домой, – сообщил я. – И вообще всех заложников отпущу.

Митчелл за моей спиной с жаром прошептал Паланту:

– Всех успел, чем угодно клянусь!.. Отпускает уже обрюхатенных!

Кавендиш проговорил с иронией:

– Полагаете, успеют добежать до своих родных до того, как миру настанет конец?

За моей спиной довольно гоготнули, Альбрехт продолжал рассматривать чародея с безразличием и скучой на лице, тот наконец уловил что-то неладное, пошарил взглядом по нашим лицам.

– Что-то не так?

Я смолчал, зато Норберт поинтересовался медленно:

– Ваше Звездное Величество, вы уверены, что это умный человек?

– Он маг, – уточнил я, – а магу не обязательно быть умным. Магия не наука. Магия ближе к поэзии, искусству, а где вы видели умных поэтов, художников, артистов?

Норберт кивнул:

– Ах да, понятно. Но ваш Карл-Антон совсем не дурак.

– Он алхимик, – пояснил я. – А это переходная ступень от мага к ученому.

Кавендиш сказал раздраженно:

– Мне трудно понять юное поколение с его новомодными словечками! Но сейчас, как я понимаю, весь дворец в вашей власти... Пусть даже на часы или сутки.

– Как и город, – уточнил я, – и вся империя. Где принцесса?

Он с недоверием посмотрел все еще исподлобья.

– Она в моем кабинете. Там безопаснее.

– Точно? Пожар не устроит?

– Она аккуратная девочка, – сообщил он. – И уже знает, к чему прикасаться нельзя.

Митчелл прошептал за моей спиной Паланту:

– Слыхал? Уже знает...

Я подумал, кивнул:

– Ладно. Сейчас все равно рискованно везти ее в Монтегю. Да и зачем? Пусть побудет. Дорогой герцог, мы пока посмотрим, что там выше, а магу пусть объяснит положение дел, если восхочет, кто-нибудь из ваших

свободных разведчиков. Кому совсем уж делать нечего.

— Сделано, — ответил Норберт и, кивнув одному из своих, молча пошел за нами с Альбрехтом.

Из холла левая дверь распахнулась в роскошнейший зал. Я заметил, как вздрогнули Альбрехт и Норберт, я сам поежился: свод где-то в небесах, стены одна от другой на сотню шагов, а между ними ни единой колонны, поддерживающей потолок.

Зато полуколонны выступают из стен настолько объемные, что и не колонны, а крепостные башни. Свет идет от стен и безумно высокого потолка, подозреваю, что выше этажей нет, хотя и непонятно, что за дикая архитектура.

Я постоял на пороге, созерцая эти чудеса без всякой приязни, я же не Пржевальский какой, а политик вроде германского короля Густава, что не хотел быть великим полководцем, а предпочитал прожить без войн и потрясений в своем тихом королевстве.

Альбрехт пробормотал:

— Зачем такие... размеры? Глупость какая-то.

Я сказал с подчеркнутым равнодушием:

— Где глупость? Холодный расчет. Воюют не только армиями, дорогой герцог. Сражения начинают вот с такого давления... Да-да, величие дворца гласит о силе и моци народа. Или правительства, не важно. Посмотрит на такие колонны иной приглашенный в гости король, скажет себе: нет, с этими тягаться не смогу.

Альбрехт вздохнул, а Норберт сказал с пониманием:

— Архитектура в политике? Или политика в архитектуре?

— Главное, — уточнил я, — выверенность политики. Не принуждать огнем и мечом, истребляя половину чужого населения и ввергая в нищету свое, а вот так красиво и мягко, чтобы правитель чужого королевства сам принял условия зависимости. Посмотрит на такой дворец, поймет, какие силы и деньги были вбуханы, прикинет насчет того, потянет ли такое сам, и если нет, подожмет хвост и сделает голос тоныше, а поклоны ниже.

Он промолчал, несколько озадаченный, а следующий за нами Митчелл покрутил головой:

— Мудрено... и как-то не по-мужски. Нет чтобы вывести свои армии в чисто поле и сойтись грудь в грудь. Кто победит, тот и брюхатит чужих жен. Разве не Господь установил, чтобы род человеческий шел от победителей, а не хитрожопых?

Теперь уже я промолчал. Мои военачальники правы по-своему, их так воспитали, но даже в нас kvозь рыцарском мире в битву рвутся только

младшие рыцари и оруженосцы, стремясь заслужить великую славу воителя, а государи все-таки стараются захватывать чужое малой кровью, а то и вовсе без крови.

— Ладно, — сказал я коротко, — посмотрели, и хватит. Надо работать, а не.

Из холла еще одна дверь в правой стене, но я рисковать не стал, пошел прямо, там широкая лестница с красивыми поручнями из белейшего мрамора, ступени прикрыты ярко-красным ковром, каждая балюсина — произведение искусства, каждая выполнена в виде каких-то зверюк, поддерживающих поручень.

Оба двинулись справа и слева от меня, я сказал успокаивающее:

— Да бросьте, разве ловкачи сэра Норберта не пробежались по этажам раньше нас?.. Не думаю, что опасно.

Норберт ухмыльнулся:

— Да это так, по привычке. Я велел оставить охрану на каждом этаже. У лестницы, чтобы все было видно.

— Не распыляйте силы, — предостерег я. — Нас и так горсть песка в этом море.

Я слышал, как там, наверху люди Норберта, громко перекрикиваясь, заглядывают во все щели и во все углы, уже не столько в поисках опасности или ловушек, но слишком много дивного и непривычного для северян, попавших в мир неслыханной сложности и роскоши.

Из окон сказочные виды на сады неслыханной красоты, аллеи, фонтаны, тоже диво дивное, никто из моих героев их раньше не видел, со всех сторон слышу потрясенное «ах» и «как они тут живут».

Продвигаемся медленно, хотя залы и коридоры впереди прочесывают суровые и немногословные люди Норберта, уже выявили несколько спрятавшихся слуг, велели встать у стен и в неподвижности ждать новых хозяев.

Однажды догнал, мощно грохоча сапогами, Чекард, прокричал еще издали:

— Сэр Ричард!.. Слуги донесли, заложники императора вон в том здании!.. Но там сейчас неприятности.

Я спросил резко:

— Какие?

— Челядь решила пограбить, есть убитые. Сейчас там заваруха.

Стража, что охраняла заложников, тоже с челядью.

— Немедленно туда отряд!

Он крикнул:

– Уже сделано, ваше величество.

– Норберт успел? – спросил я с облегчением.

Он ответил виновато:

– Его не было, пришлось мне.

– Что приказал?

– Бунтовщиков не щадить, – ответил он торопливо. – Уцелевших заложников взять под охрану. Теперь они как бы наши то ли заложники, то ли спасенные... Вам решать!

– Молодец, – сказал я. – Растешь, Чекард. Думаю, пора тебе титул виконта и полномочия пошире.

– Ох, ваше величество!

– Не бойся, – сказал я наставительно, – и дальше брать на себя ответственность. Исполнители не так быстро растут, как инициативники. Правда, инициативники и падают чаще с высот мордой о камни... Веди, посмотрим на заложников.

Из здания люди Чекарда уже выволакивают трупы и раненых местных из челяди. Несколько человек в форме дворцовой стражи добивают и бросают их тела в кучу.

Примчался запыхавшийся Юстер, глаза как блудца, я сказал успокаивающее:

– Все под контролем!.. Мои люди успели. Посмотрите еще раз на челядь, вы их знаете лучше. Неблагополучных уберите сразу. Больше никаких грабежей и бесчинств!

Он вскрикнул в страхе:

– Как... гости его императорского величества?

– Целы, – сказал я. – Их охрана тоже на ваших плечах?.. Все в порядке, сэр Юстер. Теперь вам будет легче.

Он проговорил с натугой:

– Даже не знаю, как благодарить...

– Мы вместе делаем общее дело, – ответил я высокопарно и, сделав знак своим следовать за мной, двинулся в здание.

Мелькнула мысль: как же хорошо, что череп забит штампами, когда-то ненавидел, что лезут со всех сторон, а это, оказывается, так удобно для употребления перед теми, для кого это еще не стало штампами. Штампы – нечто выверенное, устоявшееся, правильное и красиво оформленное, а ненавидим их только за то, что штампы, но когда произносишь впервые – то это яркая и оригинальная мысль в идеально компактной форме.

В холле много крови, по углам слышны крики, там режут последних неудачливых грабителей.

Я посмотрел на широкую лестницу, ведущую наверх, там не меньше восьми этажей, поморщился.

Чекард подбежал по моему повелительному знаку.

– Ваше величество?

– Чекард, – сказал я, – тебе задание. Некогда мне ходить в зверинцы! Вашему лорду мир спасать надо, а ты собери этих заложников и объясни ситуацию. Нам заложники не потребны, мы не хвататели чужого добра, а как бы освободители угнетенного и прочего народа. Насчет того, что будем освобождать их карманы, умолчи, понял? Зато побольше насчет всевозможных свобод, кроме свободы убивать и грабить.

Он кивнул, вытянулся:

– Благодарю за высокое доверие!.. Насчет того, что убивать и грабить можно только нам... умолчать?

– Они и так поймут, – ответил я недобро. – Нечего тыкать палкой в больные места. Действуй!

Я повернулся и пошел из здания, а он, взвеселенный еще больше, начал бодрым голосом рассылать людей своего отряда по этажам.

Глава 8

В исполненном дворе пусто, как в ограбленной могиле. Люди Юстера вернулись к охране периметра дворца, отряды Макса целеустремленно прочесывают город, истребляя замеченных или даже заподозренных в грабежах и насилиях, а отряд моих многочисленных телохранителей, среди которых Хрурт и Умальд просто утонули, так же старательно и скрупулезно обшаривают все здания императорского дворца.

Это займет их надолго, хотя, на мой взгляд, занимаются ерундой, никто в обреченном на гибель мире не станет устраивать засады или готовить ловушки, но пусть, какие-то ловушки могут остаться еще с благополучных времен.

На четвертом этаже возникло некоторое замешательство, там трое разведчиков остановили старика, в котором я узнал Джонатана Кавендиша, королевского мага, а к нему тесно прижимается юная принцесса, внучка императора Германа.

Маг устало опирается на посох, а принцесса первой заметила меня и, высвободившись из-под руки мага, храбро сделала шаг навстречу.

– Снова вы?

Телохранители переглянулись, кто-то хмыкнул, один тихонько ржал, –

снова легенды начнут множиться, лестные для моего мужского самолюбия.

Я поинтересовался строго:

– А почему не там, где все прочие принцы и принцессы соседних держав?

Она так рассматривала меня во все глаза, что даже не сразу ответила своим тонюсеньким голоском:

– Там наши апартаменты, но днем мы можем... А кто вы?

Из телохранителей снова кто-то довольно ржанул за спиной, подразумевается, лорд брюхатит и даже имен не спрашивает, есть ли более сладостная мечта для мужчин.

Я кивнул в сторону долговязой фигуры мага.

– Он уже знает.

– Он мне сказал, – сообщила она рассудительно, – потому я вышла. Только не верю ни единому слову.

– Все верно, – согласился я. – Мужчинам нельзя верить, мама правду говорила. Все они обманщики!.. Принцесса, вы вообще-то больше не заложница.

Она смотрела на меня во все глаза, явно Кавендишу успели растолковать, кто мы и почему рядом с городом страшно высится чудовищная громада Багровой Звезды, а он как смог объяснил внучке императора такое невероятное, во что и сам, похоже, до сих пор поверить все еще не может, потому и ее не убедил.

– Принцесса, – повторил я, – вы свободны. Можете упорхнуть к своей родне, но сейчас не представляю, как это сделаете. Потому проще остаться пока здесь.

Она спросила тонким голоском:

– Пока... это насколько?

– Не знаю, – ответил я честно. – Если ваш маг может перенести в ваше родовое гнездо, пусть сделает... если желаете.

Она спросила внезапно:

– Так кто вы?

Я пожал плечами:

– Если вам трудно отказаться от моего благородного образа вожака воров, держитесь за него! Говорю как опытный психотерапевт-интуитивист. Меня как только не называли.

Она пообещала с детской осторожностью:

– Я назову вас, как вы себя назовете.

– Вообще-то, – сказал я скромно, – говоря со всей присущей мне застенчивостью артиста, я Воин Света и борец за всеобщую

справедливость. Ну, как понимаю, а я пониматель самый лучший в мире, как мне почему-то кажется. И там, где прохожу, все становятся такими понимающими-понимающими...

Она зябко посмотрела в окно, за которым вдали высится багровый купол, похожий на раскаленный в небесном горне слиток металла. Я видел, как съежилась, как птенчик под холодным дождем, пискнула совсем тоненьким голоском:

– А это в самом деле?..

– Мираж, – сказал я великолепно. – Человек – то, что ест и во что верит. Не буду спрашивать, во что верите вы, неприлично молодых девушек о таком, я не настолько стоек, просто рекомендую неспешно всмотреться, какие мы красивые в своей чистоте и наивности... и вы во многое поверите.

Я кивнул Альбрехту, что молча и с сочувствием наблюдает за нашим общением, и мы повернулись к дверям.

Она спросила мне в спину с великим удивлением, в котором мне почудилось и сожаление:

– Уже уходите?

– Нужно, – ответил я вполоборота с тяжким вздохом.

– Почему?

Я остановился, взглянул в ее чистое лицо и ясные глаза.

– Принцесса... вы такая чистая душа, что рискую влюбиться. А это чревато и недопустимо с точки зрения империи и миропорядка. И сельскому хозяйству будет нанесен ущерб.

Я поклонился и быстрыми шагами вышел из комнаты, и только в коридоре, увидев лицо Альбрехта, понял, что брякнул чистейшую правду.

Альбрехт промолчал, таких моментов касаться рискованно, все личное есть личное, и только когда спустились на первый этаж, сказал осторожно:

– Это вообще-то козырь! Я имею в виду для разговора с императором Германом. Вы спасли из плена его любимую внучку!

Я посмотрел на него искоса.

– Какие нам еще нужны козыри?

Он посмотрел в упор строгими серыми глазами, в них и сочувствие, и требование быть вождем всегда и во всем.

– Да, вы правы, сэр Ричард. Все позволено... Страшно, да?

– Даже не представляете, – признался я. – Раньше всегда мог сослаться на обстоятельства, а сейчас впервые отвечаю за каждый шаг и каждое слово.

– А обстоятельства?

– Обстоятельства – это мы.

Он покачал головой:

– Когда был молодым, считал, что быть королем – это пить лучшие вина и тащить в постель любую женщину!.. Но сейчас даже не представляю, каково вам, сэр Ричард. Вы так молоды... Или все потому, что старые книги читали?

– Слишком усердно читал, – огрызнулся я. – Теперь вроде и не старый, но все же старый, потому что голова наполнена Сократом, Аристотелем, Декартом и прочими фрейдами, докинзами и фрограми с грассхопперами. Главное, с ужасом понял, что чем выше поднимаешься, тем большим жертвуешь... и от большего отказываешься.

Он помотал головой:

– Лучше не говорите, а то спать не буду. Вы как спите?

– Как бревно, – сообщил я. – Чтобы выжить, нужно стать толстокожим.

Он усмехнулся.

– Да, рождаемся чистыми и отзывчивыми, а потом таким панцирем обрастаём!.. А иначе, вы правы, не выжить. Наверное, для того Господь и дал пинка Адаму, чтобы человек повзрослел на свободе.

Я зевнул и, взглянув в дальнее окно, передернул плечами:

– Господи, уже вечер!

– Все здания очищены, – сообщил он. – Как и двор, а на воротах надежная охрана. Вы намерены спать хоть малость?

Я взглянул на темнеющее небо, из-за обилия света во дворе в суматохе забывается, что вот так незаметно придет и утро.

– Ого... И вы спите, герцог. Завтра день не легче.

– Это уже не новость, – согласился он. – Доброй ночи, Ваша Звездная Кометность!

– И вас туда же, герцог.

На пути к покоям императора, которые я облюбовал для себя в целях преемственности власти, обратил внимание, что слуги уже повыползали из нор, стоят вдоль стен и кланяются, готовые служить, а то иначе новые хозяева отыщут и убьют в благородном раздражении, а убитому жаловаться некому.

В громадном дворцовом комплексе осталось немало придворных, император всех захватить с собой не в состоянии, первое время прятались, таились, но бесчинств не последовало, и начали потихоньку выползать из нор.

В этот долгий день, подумалось устало, вместился и перелет через

океан, и картографирование всего пути по прямой к Монтегю, и даже захват столицы, но и этот день завершился торжественным закатом, такие не увидишь на Севере с его скучными красками.

Он охватил западную часть небосклона, растекся расплавленным золотом по его тверди, оставляя редкие полосы удивительно яркой синевы.

К этому времени во дворце в какой-то мере устаканилось, а слуги начали сновать почти в привычном ритме. Ощущалось робкое движение и среди придворных. Правда, не столько движение, как осторожное перемещение вдоль стен, мгновенное замирание при появлении таинственных захватчиков и низкие поклоны, но лица у всех просто полыхают страхом и любопытством.

Умальд догнал и сказал заботливо:

– Сэр Ричард... Вы с ног валитесь. Норберт уже отыскал императорские покои!.. До утра ничего не случится!

– Веди, – ответил я коротко.

Широкая лестница, ступени покрыты красным бархатом, перила из белого мрамора, необыкновенная роскошь впечатана в каждый дюйм стены, а когда поднялись на этаж императорских покоев, там даже в коридоре над каждой плиткой пола поработали мастера с безукоризненным вкусом.

Шедевры искусства и под ногами, а что уж о стенах, полуколоннах, картинах и барельефах, где каждый дюйм не просто расписан самыми умелыми художниками и ювелирами, но украшен мелкими или крупными драгоценными камнями. На мой взгляд, перебор, но здесь все должно поварварски наглядно говорить о величии и богатстве, это тоже политика и молчаливое напоминание, кто в доме хозяин.

Умальд остановился впереди у массивной двери, а Хруерт красивым жестом распахнул передо мной, словно торговец на базаре.

Это не спальня, как мне показалось, а картинная галерея, куда должны водить толпы богатых экскурсантов. Мебели многовато, вся чересчурная, а в дальнем конце виднеется ложе с красным балдахином. Настоящее императорское: во все четыре столба вделаны, конечно же, крупные рубины, что должны не то поддерживать, не то разжигать страсти и чувства. Вообще красный цвет доминирует в спальне, столбы тоже из красного дерева, пусть не такого яркого, как полотно балдахина, но чувственного, ага, чувственного. Огонь как бы страсти. Вроде красного перца и красного мяса.

– Если что, – велел я, – будите.

Я осмотрелся еще раз, размерами и пышностью меня не удивишь,

хотя, конечно, впечатляет, когда чувствуешь себя чуть ли не в центральном зале музея искусств и одновременно императорской сокровищнице.

Захлопнув дверь, я, на ходу сбрасывая одежду, потащился к ложу. Усталость в самом деле налила горячим свинцом руки и ноги, даже в голове туман.

Со всех сторон ложе задернуто красными полупрозрачными тканями, я грубо отдернул, все по ту сторону роскошное, широкое, белоснежная простыня, пышные одеяла из лебяжьего пуха и красиво взбитые подушки, а молодая сочная женщина полулежит, глядя в ожидании на меня огромными глазами.

Платье задрано до середины бедер, недопустимая вольность, а на ногах громоздкие туфли золотистого цвета с массивными браслетами на щиколотках. Впрочем, браслеты соединены с туфлями, так что это тоже как бы туфли. Лежит на постели прямо в туфлях то ли для экзотики, чтобы было похоже на внезапность, то ли на случай, если велю убираться.

Я сказал равнодушно-участливо:

– Не сейчас.

Она моментально вскочила, легко и часто простирали каблучки за моей спиной, дверь в коридор захлопнулась беззвучно.

Быстро сработали местные управляющие, подумал я благосклонно. Учитывают, что их новый господин самец, хоть и властелин Багровой Звезды. Но на самом деле я самец во вторую, а то и в третью очередь. Пока не освоюсь и не пойму, какие опасности грозят вот прямо сейчас, никаких подстав с удовлетворением самцов потребностей, даже вот так не снимая лыж. И своя шкура дороже, и шкура нашего общего дела. И вообще. Я мужчина, а не самец, у которого инстинкты на первом плане. Воздержусь. Бывали ситуации, когда оказывался под одним плащом с женщиной, но честь и достоинство, а также именно мужская гордость удерживали.

Глава 9

Ложе еще хранит жар ее молодого сочного тела, даже пожалел, что отправил вот просто так, кто бы еще удержался, кроме нас со святым Антонием, сел на край и торопливо потер кончиком пальца кольцо, по привычке стараясь делать это незаметно, хотя и один в спальне.

– Серфик!. Явись пред мои грозные, но милостивые очи.

В комнате блеснула искорка, метнулась к столу. Тут же в пламени

свечи заплясал крохотный демон размером с только что родившегося кузнечика, только ярко-красный с головы до ног, но с такими же любопытно выпуклыми глазами.

– Слушаюсь и повинуюсь, – пискнул он, – господин!

Я с облегчением перевел дух. Все это время грызла тревожная мысль, что контакт с демонами прервался, а это почти катастрофа, но сейчас это мелкое существо визжит и пляшет в жарком огне свечи, бессильное, но ценное как посредник с могучими сородичами.

– Как там Четыврестацкаеранненный? – осведомился я. – Жив, здоров?..

– Да, – пропищал Серфик. – Хотите говорить с демонами?

– Ты догадлив, – похвалил я.

– Я такой, – похвалился он. – Но потому слабенький... Но, господин, у тебя в услужении Кешатетр-сто семьдесят четыре минус два зэт, которого ты назвал Кешей, Ацетатль Цетлинбиопорокс, он теперь с именем Гоша, Амоксиклав Клавулан-АТХ, ты ему дал имя Ящер, Мильяммотианид-ПТФ-пирофон...

– Который Мишка? – спросил я. – Да, помню-помню. Не так уж и сильно меня по голове били, чтобы все забыл. Хочешь понять, почему их не зову?

Он ответил виноватым голоском:

– Я стараюсь служить, мой господин!

– Их тридцать восемь, – пояснил я. – Тридцать восемь... сотрудников, все пока в неоплачиваемом отпуске. Но для масштабной операции я не прочь привлечь и добровольцев. За достойный гонорар. Одноразовая такая подработка, что может сделать навеки богатым и свободным. Я политик и хозяйственник... Тебе там не холодно?

– Нет-нет, – заверил он счастливо. – Я люблю так!

– Хорошо, – сказал я. – Дело вот в чем. Я замыслил еще более широкую операцию по освобождению угнетенного населения демонов от зловещей и несправедливой власти магов! И не локально, коммунизм не построить в отдельно взятом королевстве, уже знаю. Я замыслил сразу вдарить по несправедливости в масштабе всего континента! Как человек широких запросов и здорового аппетита в сочетании с умеренной наглостью и бесстыдством политика. Это относится не только к зеркальному шкафу.

Он завозился в пламени свечи, я видел, как его торчащие ушки удлинились и повернулись в мою сторону широкими раструбами.

– Господин?

– В вашем племени, – поинтересовался я, – есть не только быстрые и сильные, но и смышленые? В том смысле, что соображают лучше остальных?..

Он подумал, пискнул:

– Есть и такие. Но они слабые.

– Умность тоже сила, – выдал я перл, – только другого калибра.

– Господин?

– Можешь переговорить с такими? – сказал я. – У меня заманчивое предложение. Взаимовыгодное, но вам выгоднее больше, чем мне или людям.

– Какое? – спросил он.

– Маги, – напомнил я. – Все вы постоянно помните о них, верно? Это же инфернальная угроза. Я по своей бесконечной и необъяснимой наукой доброте, что просто дурь какая-то, мечтаю освободить, как Боливар в сомбреро, угнетенных демонов от засилья магов. Великих, Верховных и даже мелких. Мелкие не столь успешные, но тоже могут подбирать имена демонов, верно? И вообще... Не будет магов, разве вам не праздник?

Он потанцевал в пламени свечи, показывая, что уже празднует.

– Не будет магов?

– Да, – подтвердил я. – Но поработать во имя истребления этого сословия придется. За вашу и частично нашу свободу, а также расцвет сельского хозяйства. Во имя будущих поколений.

Он пискнул озадаченно:

– У нас не бывает поколений.

– А-а, бессмертные? – сказал я. – Тогда во имя вашего светлого плазменного будущего.

Он пометался в огне еще, наконец пропищал:

– Я знаю двоих! Поищу еще?

– Ищи, – велел я. – Возвращайся с хорошими для вашей... вашего племени новостями. Как понял?

– Никак, – ответил он, глядя чистыми честными глазами ребенка. – Это все слишком сложно, но сделаю все, как велишь. Мы обязаны подчиняться тому, кто знает наши имена, а сами по себе ничего в мире людей не делаем. Я поговорю с Четырестацкнаеранненным, чтобы поставил стену!

Он исчез по движению моих пальцев, догадливый и слабенький, как он сообщил с грустью, но в этом наверняка серьезный расчет древних создателей. Похоже, технику безопасности соблюдали строго: чем демон сильнее, тем тупее и послушнее, а самому слабому дали больше соображалки.

Я рухнул в постель и заснул раньше, чем голова коснулась подушки.

Ночью, как я понял сквозь крепкий, но чуткий сон императора, суета во всех зданиях дворца не прекращалась, зато упорядочивалась. Перед нами у местных нет особого страха, все еще ждут конца света, к тому же мы сами сохраняем все в неприкосновенности, но смотрят с жадным любопытством, в каждого из нас заложено, что при любых переменах выигрывает тот, кто быстрее увидит новые варианты взаимодействий и вообще новые ниши.

Спать люблю, но успеваю крепко освежиться за два-три часа, потому уже проснулся и лежал, выстраивая все, что нужно сделать сперва, а что потом, когда Периальд наконец увидел, что не сплю, рывком поднялся со стульчика.

– Сэр Ричард?

– Не терпится сдать дежурство? – спросил я.

Он широко улыбнулся:

– Тут какие-то хотели пройти в вашу спальню. Говорят, у них привилегия присутствовать при пробуждении и одевании императора!

– Погнал? – поинтересовался я.

– Еще как! Наглецы!

Я сказал дружески:

– Привыкай, у них такой обычай. Вот ты спишь не в коридоре, а здесь, чтобы не сводить глаз с моей кровати, а у местных целая толпа следит. Не только стража, но и придворные высшего ранга. Это считается великой честью и привилегией! За это право дерутся, интригуют, подсаживают друг друга. А ты знаешь, какая высокая честь выносить ночной горшок императора?.. Герцоги сражаются за эту честь! Это же быть ближе к императору, понимаешь?

Он спросил обалдело:

– Так что же... пускать?

– Гнать, – ответил я уверенно. – Ссытайся на условия военного времени. А потом, когда отменим, что-то еще придумаем...

Он смотрел, как я уверенно вскочил и разминал плечи, подал мне брюки, а когда я быстро влез, снял со спинки кресла и протянул рубашку.

– Видишь, – сказал я, – как все просто? А здесь это целая церемония. Долгая, нудная и ох какая торжественная. Но мы выстоим!.. С другой стороны, это же хорошо, что лезут участвовать.

– Сэр Ричард?

Я пожал плечами:

– Пока сам не понял. То ли признают меня их императором, что

сомнительно, то ли жаждут посмотреть, как это у нас, но главное – уже не боятся!

– Дураки, – сказал он.

– Еще какие, – согласился я, – но умные.

Завтракая на ходу, направился к выходу, но куда бы ни шел, Умальд и Хрурт, а также люди Норберта стараются бежать впереди, торопясь обезопасить своего лорда от любых неожиданностей.

Придворные, быстро сориентировавшись по реакции моей охраны, спешат в нужную сторону отовсюду, выстраиваются вдоль стен и кланяются, стараясь поймать мой взгляд, чтобы потом обсуждать, что бы это значило и чего ожидать от новоприбывших людей с оружием, с которым не расстаются даже в императорском дворце.

Норберт во дворе с нетерпеливым видом выслушивает двух разведчиков, один докладывает быстро и четко, второй мяллит и с виноватым видом разводит руками.

Увидев, как бодро сбегаю по мрамору ступеней, словно все еще полевой вождь, а не император, отпустил их жестом и повернулся ко мне, суровый и подтянутый настолько привычно, что я просто не представляю, чтобы он расслабился даже во сне.

– Доброе утро, – сказал я приподнято. – Как спалось?

Он кивнул и ответил ровным голосом:

– Да, доброе. Почти никого не зарезали, стычек с местными не наблюдалось. Здесь вообще какой-то народ... странный. По багерам первые новости.

– Выкладывайте, – велел я, – не жадничайте, дорогой герцог!

Он посмотрел с укором, сейчас вокруг одни герцоги, конский повод бросить некому, как и послать за вином.

– Вы оказались правы, – сказал он.

– Чё, правда? – спросил я.

Он поморщился:

– Да, раньше тоже бывали... иногда. Словом, багеры здесь такие же, как и в империи Германа. Не знаю, подсматриваете каким-то хитрым образом или кто-то подсказывает, но двигаются с той же скоростью и по только им известным маршрутам. Хотя, конечно, теперь частично известным уже и нам.

– Ну-ну?

– Данные пришли только с тех, – предупредил он, – что на коротких дистанциях. Эти за ночь туда и обратно, но те, что подальше, пока в пути...

– Похоже, – сказал я, – вы своих людей туда забросили сразу?

Он посмотрел на меня с укором:

– Вы же сами велели!.. Там, в империи Германа. А здесь тоже империя и тоже багеры. Потому едва вошли в город, самые смысленные сразу же по два человека бросились на причальные башни. Думаю, завтра-послезавтра вернутся и с самых дальних. А вдруг пройдут и над другими империями?

– Это вряд ли, – ответил я с сожалением. – А хотелось бы. Всем сильным бы хотелось! Но здесь у слабых есть легкая возможность спастись от вторжения, всего лишь разрушив причальные башни.

Он посмотрел очень серьезно:

– Но это их не спасет?

– От императоров?

Он взглянул с укором:

– А что вам теперь императоры?

– Сэр Норберт, – сказал я предостерегающе. – Пока разберемся с теми маршрутами, с которыми нет проблем. Затем с теми, где причальных пирамид нет, но сверху что-то видно. Хорошо видно. Не хочу, чтобы какие-то неожиданности... Как обстановка в городе?

– Сэр Рокгаллер, – ответил он кратко. – Справляется.

Я кивнул, сам рекомендовал Рокгаллера на должность военного коменданта столицы. Его в Штайнфурте ждут три роскошных дворца, потому такому больнее других видеть, как чернь пытается грабить особняки богатых горожан.

Норберт коротко докладывал, что по приказу Рокгаллера небольшие отряды пришли на помощь сильно поредевшей городской страже, что снова принялась патрулировать улицы. Безжалостно рубят каждого заподозренного в грабежах и насилиях, за ночь почистили центр города, а сейчас принялись за окраины.

Пока он рассказывал, я прохаживался по широкой площадке внутреннего дворика, отвечая на приветствия военачальников. Придворных пока нет, спят. У большинства первый завтрак, когда у нас второй обед, но во дворе уже бодрая суeta, местные слуги и служащие носятся с подчеркнутым рвением, выказывая, что работают, работают, работают, несмотря ни на что, нужные и полезные, без них все рухнет.

Сам Рокгаллер ввиду своей занятости, да и очень заметной тучности, город решил не покидать, но сэр Растер по его наводке увел большой конный отряд в ближайшие села, откуда все еще прут в столицу жадные до грабежей и насилий крестьяне.

Хорошо сработал, как с одобрением доложил Норберт, также глава охраны столицы Титус, теперь уже сэр Титус. Отряд быстро пополнил, что

было его главной болью, теперь там почти полный комплект.

Последовав моему указанию, он сообщил всем, что вернувшиеся на службу получат двойное жалованье, а еще им передадут имущество и жилье тех, кто преступно сбежал от исполнения воинского и служебного долга. Рвение и добросовестность должны быть вознаграждены за счет недобросовестных.

Я в сопровождении телохранителей на всякий случай обхехал на арбогастре главные объекты города, придирично высматривая угрозы нашему режиму дружественной оккупации. Бобик несся впереди и, вернувшись, доложил вилянием хвоста и толстого зада, что сэр Титус замечен на своем посту у городских врат.

Глава 10

Увидев меня, Титус поспешил навстречу, правда, смотрит все еще исподлобья, я хоть император, но какой-то странный император, к тому же чужой. Конечно, любой король может посвящать в рыцарство воина как своей страны, так даже той, с которой война, но все равно Титус чувствует себя несколько не в своей тарелке, хотя вижу, посвящение в рыцари, пусть и пока только устное, еще как льстит.

– Сэр Титус, – сказал я с высоты седла значительно, – не забывайте, теперь охраняете не только главные врата в город, но и весь город! Кстати, в канцелярии императора готовится, как я пообещал вам, документ по передаче земель и дворцов ушедших в пещеры тем, кто остался.

Он замер на мгновение, но тут же возразил:

– Это законно?

– Законы совершенствуются, – сообщил я. – На благо населения и на поддержание возвышения и процветания. Люди, что остались и вынесли тяжесть... а вы вынесли?.. должны быть вознаграждены. А те, кто ушел в пещеры, они же знали, что все их дома, дворцы и садики с фонтанами будут уничтожены катаклизмом! Не так ли? Тогда какие вопросы?

Он пробормотал озадаченно:

– Ну да...

– Ну вот, – сказал я авторитетно, – могут считать, что так и свершилось. Они бы вышли в диком разоренном мире, где не осталось бы их дворцов, владений, земель... Не так ли? Ну вот, их земель и домов нет, зато благодаря нам их самих не задавило в пещерах при тектонических сдвигах. Мы спасли им жизни! Разве это не важнее, чем презренные земли

и всякое там бездуховное имущество?

Он подумал, сказал медленно:

– Да, конечно, теперь из пещер выйдут живыми и целыми все, кто и пошел. Раньше вышли бы единицы, да и то если бы... Но вы уверены, что из Багровой Звезды не выпрыгнут чудовища и не захватят нас всех в плен?

– Не выпрыгнут, – заверил я. – А вот мы вышли. Так что наш дар императору и всем ушедшим с ним – жизнь и спасение! А имущество... Подумаешь, новое наживут. Главное, шкуры никто не снял.

Он спросил в лоб:

– А что с императором? Мы клятву верности давали ему!

– Вы клятву верности давали империи, – уточнил я, – которую олицетворяет император. Императоры меняются, а империя должна быть вечной и несокрушимой!.. И в ней закон и порядок, не так ли?

Он замедленно кивнул:

– Вроде бы все так...

– Действуйте, – велел я императорским голосом. – На таких, как вы, сэр Титус, держится любая власть, а порядок так и вовсе зиждется. Императоры меняются, но империя держится на титусах!

Альбрехт, что подъехал со спины и внимательно слушал, пустил коня рядом и поинтересовался с сомнением:

– Полагаете, хороший ход?

– Он сам вытекал, – сказал я, защищаясь. – А что? В пещеры ушло крохотное меньшинство, а на погибель оставлено абсолютное большинство. Конечно, на всех оставленных земель и домов не хватит, но чувство справедливости будет удовлетворено даже у тех, кому ничего не достанется.

– И чувство мести, – добавил он. – В каждом живет это злорадненькое: ага, бросили нас, теперь кусайте локти.

– Вот-вот. Мы же люди, а люди под улыбками злобные твари.

– Симпатии и поддержка абсолютного большинства, – ответил он, – вам обеспечены, все-таки соучастие в преступлении сплачивает!

– Бросьте, дорогой друг, – сказал я с укором. – Какое соучастие в преступлении?

– А как?

– Все справедливо! Руководство в любой стране, бросившее своих людей на гибель, считается нелегитимным. Сами спаслись, а рядовые пусть гибнут? Таких офицеров расстреливают перед строем. Мы поступим намного гуманнее.

– То есть казнить будете выборочно?

– Будем, – поправил я. – Не увиливайте, герцог. А то пряники получать вы готовы, а участвовать в непопулярных мероприятиях как бы не?..

Он пожал плечами, но поспешно сорвал с головы шляпу и поклонился какой-то очень расфуфыренной даме на пороге ее дворца.

– Казни, – сказал он, – всегда популярны в народе. Особенно когда рубят головы богатым и знатным. Это даже интереснее, чем приезд бродячего цирка!

– Ну вот, – сказал я с облегчением. – Я просто следовал историческому процессу. Это не я как бы решил, а такова поступь истории. Сымай сапоги – власть переменилась!

Он смотрел на меня испытующе.

– Уже решили?

– Нет, – отрезал я. – Нет!.. Не хочу. Но если вселенная этого желает, то как я могу противиться?

– Вселенная, – уточнил он, – это Господь?

– Да, – ответил я. – Хотя Господь вообще-то крупнее.

Он сдержанно улыбнулся, но я видел по его лицу, что уже быстро и расчетливо начинает просчитывать последствия и возможности такого поворота. Как опасные, вплоть до катастрофических, так и благоприятные.

На обратном пути я некоторое время поворачивал идею насчет перераспределения собственности, которую вычленил из серого тумана мыслей и сформулировал в разговоре. Вообще-то загнул, но сейчас, как сказал великий вождь пролетариата, самый удобный момент, вчера было рано, а завтра будет поздно.

Потому нужно нацелить все мои службы на внедрение в жизнь этого плана. Им привяжу к себе все население империи, а ушедших в пещеры поставлю вне закона.

Проехав через ворота дворцового ансамбля, где охрану несут люди Юстера, отдали коней набежавшим слугам, я покинул седло и знаком велел Альбрехту следовать за мной.

– Докладывайте, герцог. Не думаю, что всю ночь дрыхли или кувыркались с дамами.

– Что именно, ваше величество?

– Все, – отрубил я. – Ваши оценки, замеченные дыры в наших решениях, упущеные возможности, И те возможности, которые мы не заметили...

Он ответил, не задумываясь ни на мгновение:

– Багеры, воздушные и наземные. Королевства, где не принимают

багеры. Странное ощущение здесь и везде, что нас не принимают всерьез. Я ожидал чего-то другого... Яростного сопротивления или хотя бы вражды, но не так вот. Мы явились, сказали, что катастрофа отменяется, а на нас смотрят с интересом... и все.

– Я тоже заметил, – проговорил я. – Странно, да?.. Но в империи Германа почти то же самое. Как будто все еще не верят, что такое случилось. Какой-то блок в мышлении. Или потому, что мы слишком разные?.. На нас смотрят как на простых дюжих крестьян, каким-то чудом захвативших Багровую Звезду Зла?

– На простых, – согласился он, – а еще дюжих и опасных. Но достаточно ли страха, чтобы править? Не вижу, чтобы нас уважали. Или начали уважать потом. Когда-то и за что-то. Ага, помрачнели, ваша Звезднокометность?.. И, вы сказали верно, здесь то же самое, что и в империи Германа.

Он указал взглядом на прогуливающихся по аллее дам и кавалеров, ярких, как мотыльки, и тоже покрытых пыльцой пудры.

– Почему, – проговорил он без выражения, – почему, сэр Ричард?

Я ощутил затруднение: трудно объяснить человеку рыцарской эпохи нравы послерыцарских времен, но в то же время все мы здесь, а еще здесь и останемся... по крайней мере надолго.

– Сотни лет без войн, – ответил я осторожно. – Может, даже тысячу или две... Можете такое себе представить? Я представляю с трудом, хотя... представляю. И вы, сэр Альбрехт, моя самая верная опора, должны понять и проникнуться, иначе мне будет совсем хреново и одиноко.

Он кивнул, лицо как никогда серьезное.

– Сэр Ричард. Я понимаю, что это непросто. Ладно, бейте прямо по голове.

– Общество усложнилось, – пояснил я, – сейчас при дворе всем управляет этикет. Вообще всем высшим светом. При этом дворе и при дворах всех остальных императоров. Думаю, и у королей так же, хотя насчет всех не уверен... Этикет управляет придворными, чиновниками, вельможами столицы и окраин. В ходу сотни изощреннейших правил, что регламентируют каждый шаг, каждое слово и взгляд.

– И что, – спросил он с иронией, – в самом деле нельзя отступиться?

– Нельзя, – подтвердил я, – нельзя отступиться, нельзя промахнуться. Любая ошибка мгновенно рушит положение при дворе, даже сказывается на карьере. Глупо, но правильно.

– Как это?

– Человек всегда должен быть вздрючен, – пояснил я. – И жить на

пределе. Если войн нет, должен быть жесткий отсев с помощью сложнейших правил и законов этикета. Общество и таким хитрым способом убирает слабых, глупых и ленивых. Правда, не убивает, как на войне, но не пропускает на верхние ступени.

Он пробормотал озадаченно:

– Неожиданный взгляд... Или это ваши шуточки? Все еще не могу определить, когда вас какая муха кусала. Ой, те дамы увидели нас, сейчас начнется... Свернем?

– Терпите, – велел я и, надев на лицо величаво-глупую улыбку, выпрямился и, заложив левую руку за спину, сменил шаг на вальяжно-державный, дескать, все хорошо, все поют. – С чего это дамы начали вас пугать?.. Или уже успели нашкодить?

Заметившие нас торопятся на аллею навстречу, там расступаются, давая широкий проход, мужчины кланяются, витиевато размахивая шляпами и выставляя вперед правую ногу в белом чулке и все еще непривычной нам туфле с большой женской пряжкой, а женщины церемонно и очень грациозно приседают, опуская глазки в землю.

Когда мы прошли и свернули на очень узкую аллею, где по сторонам красивые альтанки, Альбрехт оглянулся.

– Красиво.

– Добавочная предосторожность, – ответил я.

– Сэр Ричард?

– Все застыли, – напомнил я, – смотрят в пол, женщины тоже. Никто не может подойти и напасть с кинжалом. А если только шевельнется, все внимание будет на нем. Телохранители перехватят сразу.

– Разумно, – ответил он озадаченно, – то-то никто не смеет приблизиться, чтобы ничего лишнего не подумали. Но все равно спешат навстречу, стараются попасть под ваш взгляд...

– И под ваш тоже, – ответил я. – Не прикидывайтесь, герцог. Ваше высокое положение местные вычислили сразу. Должности при дворе даруются императором по его прихоти... а также его близкими. По крайней мере, так народ думает. Мы-то знаем, что ни один король и ни один император не может руководствоваться прихотями, но с виду все смотрится именно так. Восхотел – одарил, возжелал – отнял все. Потому все так стремятся попасть под мой взгляд или ваш. Сколько здесь народа, уже знает?

– Двадцать тысяч сто семьдесят придворных, – ответил он моментально, – пять тысяч слуг и лакеев, три тысячи гвардейцев, включая и тех, что охраняют ограду. Это общее число, но кто-то удрал...

Я кивнул, на мой взгляд, задержалась эта эпоха на Юге, задержалась. Потому и такие масштабы. В моем прошлом королевстве у самых великих правителей мира придворных было по пять-десять тысяч, у Людовика в Версале обитало пятнадцать, но дальше мир совершенствовался, короли теряли власть, в Вестминстерском дворце сейчас не больше сотни, и то это последний оплот, а здесь никак не перейдут с этой ступеньки выше...

Аллея раздвоилась, красиво огибая огромный бассейн с бортиком из чистого мрамора, но в центре из воды высится груда нарочито грубо обтесанных камней. Вершину захватили золотые драконы с поднятыми кверху мордами с раскрытыми пастьюми, у центрального струя воды вздымается на высоту трехэтажного дома, у окруживших – поменьше. Все как бы создает гармонию или симметрию, в общем, то, что называется красотой и величием. Или прекрасием.

Альбрехт посмотрел на меня изучающе, понизил голос:

– Сэр Ричард... как вам?

– Впечатляет, – ответил я. – Достаточно грандиозно.

Он покачал головой, не сводя с меня пристального взгляда.

– Но вы как-то не слишком... Неужели где-то что-то еще... величественнее?

– Не уверен, – сообщил я. – Но сам такого не видел. Но слышал.

Он кивнул, но, похоже, ответом остался не слишком удовлетворен. Я тоже промолчал, не объяснять же, что для меня это как гигантский музей типа Версия, Шамбора или Букингема в одном флаконе.

Он некоторое время отвечал на приветствия встреченных дам, наконец сказал тихо:

– Улыбайтесь, ваше величество! А то решат, что война уже началась.

Глава 11

Даже без пояснений Альбрехта уже понятно, что, к радости моих орлов, самыми смелыми оказались женщины высшего света. Понимают, в худшем случае эти северные варвары изнасилуют, пустячок для развитого общества, зато возникло много новых возможностей, нужно постараться опередить подруг и соперниц, а о конце света лучше не думать, раз уж повлиять невозможно.

С полудня из дворца за пределы ограды начали выходить самые смелые из местных. На воротах и по всему периметру несут охрану люди Титуса, это успокоило, а самые смелые из самых смелых решились дойти

до городских ворот.

Багровый купол Маркуса виден в городе отовсюду. Блистающий металлом и чудовищно грозный, высится над всем миром, но если выйти за охраняемые людьми Титуса ворота, то с пригорка открывается вид на черный зев этого звездного ужаса. Самые отчаянные смельчаки своими глазами видели, как из той чудовищной пасти выходят и даже выезжают люди, а затем некоторые из них проезжают мимо в сам город!

К полудню таких смельчаков набралось десятки, а затем уже сотни толпились на почтительном расстоянии от Багровой Звезды и жадно смотрели с ужасом и удивлением, как в нее на полном скаку влетают гонцы, а оттуда выезжают то легкие конники, то тяжеловооруженные рыцари на укрытых поверх доспехов красивыми попонами могучих конях.

Слухи, что Багровая Звезда захвачена нами, распространяются молниеносно, и хотя большинство все еще не верят, слишком дико и немыслимо для благополучного общества, разучившегося воевать, однако приходится вести себя так, будто мы и есть властелины этой Багровой Звезды, а та пока что слушается нас, вместо того чтобы просто пожрать всех, разрушить землю и подняться в небо.

Во дворце кипит работа, Альбрехт в аварийном режиме велел собрать всех, кто обслуживает дворец, а также канцеляристов, управителей всех рангов и поставщиков провизии как во все здания, так и в город.

В этом усердно и умело помогает сэр Рокгаллер, единственный, кто сменил тяжелые доспехи на легкий элегантный костюм, что при его тучности пришлось как нельзя кстати. Костюм пусть не такой вычурный и пышный, как у местной знати, но все же горожане начали смотреть на него как на одного из них, хотя он не просто из спасителей-захватчиков, но и военный комендант города, от которого зависит, жить им или умереть.

Разведчики Норберта, как и ближайшие помощники Альбрехта, врываются через постоянно распахнутые теперь ворота, лихо проносятся по обширному двору, что немыслимо при упорядоченной власти императоров, пугая придворных и восхищая женщин молодецкой выпрявкой.

Норберт предпочитает встречать их внизу у ступеней главного здания, не позволяет слезать, выслушивает и тут же отправляет обратно. К Альбрехту с докладами спешат реже, все почти такие же яркие и праздничные, как он сам, что и понятно: у Норберта младшие командиры и рядовые разведчики, у Альбрехта только военачальники среднего звена.

Альбрехт догнал меня на главной аллее, где я вроде бы прогуливаюсь в хорошем расположении духа, пусть местные видят, что у нас все хорошо и

схватчено крепко, пошел рядом, пышный и нарядный настолько, что я при нем вроде невзрачного помощника.

Все наши заметили парики еще в империи Германа, с некоторым трудом поняли, что это за штуки, их там носят в классическом варианте, когда целиком в крупных локонах, а уши ниспадают даже не на плечи, а почти до середины груди, а у кого и ниже. У одних уши шириной в два-три пальца, у других в две ладони, но у всех именно ниспадающие уши.

Здесь же парики белоснежные, завитые бигудями над ушами в три ряда, а сзади собраны в узел и перехвачены для контраста иссиня-черными лентами.

Женщины с замысловатыми прическами, но все же без тех причуд, что видел в Солнечном Городе, на первый взгляд даже скромнее, но только на первый, на самом деле обилие шпилек с драгоценными камешками превращают каждую голову в произведение искусства. В первую очередь ювелирного.

– Как вам? – спросил я.

Альбрехт посмотрел по сторонам с подчеркнутым отвращением.

– Слишком все яркое, – сказал он. – Но в то же время лица у всех... пыльные.

– Это не пыль, – пояснил я.

– А что?

– Пудра, – сказал я. – Так как бы лица светлее. Ну, на стороне Добра. Добра и Света. Видите, вообще нет темных цветов?

Он даже не повел взглядом по сторонам, поморщился.

– Да все так ярко и пестро, как в бродячем цирке. У этих людей совсем нет вкуса.

– Когда-то эта пестрота уйдет, – пообещал я, – а наша сдержанность вернется... на новом витке. И новом этапе.

Сейчас, на второй день в империи Скагеррака, когда напряжение медленно испаряется, больше начали замечать, что даже стражники и лакеи одеты в светло-оранжевое или светло-зеленое, к тому же все в париках с трубочками локонов над висками, брюки заканчиваются у колен, а дальше белые чулки, что уходят в туфли тоже светлого цвета и с пряжками, на которых выпуклые вензеля.

За спиной топают Хруерт и Периальд, Хруерт по старой памяти, когда я был еще бароном, сказал по-свойски:

– Уроды... Куда нас занесло, ваше величество?

– Клоуны с деревенских ярмарок, – уточнил Периальд.

Альбрехт промолчал, негоже герцогу общаться на равных с

телохранителями, пусть даже ходят за вождем еще со времен, когда он был всего лишь бедным рыцарем.

Хрурт сказал веско и жестко:

– Язычники! Всем гореть в аду.

Я ответил примирительным тоном:

– Да ладно, всем... Увидите, в селах этой странной моды нет. А большинство населения все-таки в селах и деревнях. Для вас, чистые мои души, вся добыча в этом плане там.

Навстречу проплыли, звонко чирикая на своем птичье-женском языке, молоденькие женщины, пугливо присели, опустив глазки в цветные плиты.

Когда мы прошли, Альбрехт с удовольствием оглянулся им вслед.

– Вот самая главная неожиданность, – сказал он весело и с иронией в глазах, – верно?

Я переспросил с неудовольствием:

– Всего лишь женщины?

– Абсолютная доступность для императора, – пояснил он с веселой грустью, – и почти абсолютная недоступность!

– Э-э?..

– Не до них, верно? – спросил он. – Государственные тяжелые заботы на плечах! Обязанности. Долг. Все то, чего еще не было или почти не было у молодого и беспечного рыцаря.

Я пробормотал:

– Не знаю, не знаю. Мне кажется, все выгорело до самых глубин души. Я же не просто влюблялся, я любил!.. Страстно, безумно, до дикости... А сейчас все женщины в самом деле... э-э... одинаковы. Не одна, так другая, какая разница?

Он сказал обнадеживающе:

– Из-под пепла пробоятся молодые ростки. У меня дядя влюбился в восемьдесят лет!.. Как мальчишка. И вел себя... недостойно для умудренного годами и мудростью лорда. Я был весьма шокирован и стыдился за него. Так что у вас все впереди.

– Стыд за меня?

– Сэр Ричард! Впереди любовь и трепетание чувств!

– Надеюсь, – ответил я безучастно, но встрепенулся, уточнил: – Надеюсь, мою хрупкую натуру минует сия беда.

– Боитесь не пережить?

– Боюсь, не переживет империя, – ответил я серьезно. – И так хожу как с полной воды тарелкой на голове. До краев полной, страшусь расплескать! Как подумаю, какие горные хребты предстоит сдвинуть, волосы дыбом!

– А сдвигать придется, – сказал он, – не снимая тарелку.

– Типун вам, – сказал я.

Он с удовольствием поглядывал на цветочные клумбы роз справа и слева, они мне напомнили группки шушукающихся придворных, такая же дикарская яркость красок, только чистые цвета, без полутона, красные, голубые, синие, желтые...

– Но без магов народ загнется, – сказал я трезвым голосом.

Альбрехт встрепенулся:

– Что? Ах, это вы своим мыслям... Без каких магов, без Великих?

Я отмахнулся:

– Великие заняты великими делами, смертным вообще непонятными.

А нуждами простого народа занимаются простые маги. Кстати, они же обслуживают императоров и королей с их простенькими нуждами. Потому мелких магов придется на некоторое время сохранить, а то из-за резкого перехода к натуральному хозяйству будет слишком много... неурожаев, мягко говоря. Во всех сферах деятельности. Потому будем проводить новую экономическую политику, сокращенно НЭП, потому что не люблю революции, хотя охотно в них участвую, ибо чреваты боком, а зачем нам великие потрясения? Нам нужна великая империя!

Он спросил понимающе:

– От океана и до океана?

Я взглянул с удивлением:

– А как иначе? В ее естественных границах. Мир должен быть стабилен и предсказуем, хоть это и скучно, зато безопасно. А кому нужны приключения, буду с почетом отправлять в Скрытые Королевства, Темные Места, Запретные Зоны, Призрачные Герцогства, Дикие Дремучести, Драконы Болота, и вообще таких мест на сотни лет хватит... Кто вернется живым и с ценными сведениями – тому большой пряник, титул, преференции и благосклонное внимание моей особы, что обеспечит карьеру и подобострастие придворных!

Он вздохнул:

– Все-то вы продумываете, ваше величество! С вами почти скучно, но все равно страшно.

Завидя нас, придворные начали прогуливаться как бы невзначай в эту сторону, сейчас больше похожие не на живые цветы, а на ярко раскрашенные фарфоровые статуэтки с белыми лицами.

На залитой солнечным светом аллее смотрятся живописно, точно вписываясь в ансамбль из прекрасных зданий, башен, аллей, декоративных деревьев и шумно бьющих в небо фонтанов, цветников и красочных статуй

на пьедесталах.

Альбрехт время от времени отпускает замечания насчет слоя косметики на лицах, добро бы только на женских, но и на мужских, стыд какой, а я засмотрелся на двух прогуливающихся дам, за которыми лакеи несут по зонту.

Правда, зонты напоминают балдахины моей императорской постели, широкие, квадратные, а с краев ниспадают стенки из шелка. Слуги идут сзади и, держа такой зонт-шатер над головой дамы, по ее команде время от времени приопускают, чтобы их лица оставались как бы под вуалью, сквозь которую они видят хорошо, а вот их не распознать.

– Ваше величество?

Я повернулся к Альбрехту, он смотрит с вопросом в серьезных серых глазах.

– Все норм, – пробормотал я, – просто увидел... прогресс.

– В чем? – поинтересовался он.

Я кивнул на прогуливающихся дам.

– Видите зонты, которые в будущем будут звать зонтиками?..

– Ну да, вижу эти странные штуки...

– В империи Германа их не было, – ответил я. – Про наш Север вообще молчу. Это значит, империя Скагеррака не только покрупнее, но и поразвитее.

Дамы присели, чуть склонив головы, но не настолько, чтобы закрыть от наших мужских взглядов низкие вырезы платья с богатым содержимым.

Когда мы прошли мимо, Альбрехт выждал чуть и оглянулся им вслед.

– Все шутите, сэр Ричард.

– Так жизнь такая смешная, – ответил я печально. – Давно Макса не видел... Как и сэра Растира с Митчеллом.

– Митчелл, – ответил он с ходу, – влюбленно таскается за сэром Растиром, как гусенок за большим важным гусем. Макс занят захватом городов и королевств, рассылая багерами отряды. Он в восторге, такой размах! Сам скучо и экономно распределяет младших командиров по городам, особое внимание уделяет столицам, кто бы подумал, что их там много...

Он умолк, сам вспомнил о них и посерезнел еще больше. Я же велел взять под защиту и прекратить разбои не в каком-то городе или даже королевстве, а в громадной империи, где этих королевств двадцать восемь – двадцать восемь королевств! – а что говорить про две с лишним сотни княжеств, герцогств и всяких там баронств?

Перед широкими мраморными ступенями у входа в императорский

дворец он остановился и церемонно раскланялся, подпрыгивая и размахивая шляпой. По-моему, нигде не сбился, это было видно по лицам наблюдающих за нами придворных.

– Зарабатывайте очки, – сказал я мрачно, – зарабатывайте... приспособленец!

Он улыбнулся, поклонился уже а-ля Север и ушел в сторону здания с заложниками.

Меня на лестнице догнал граф Келляве, поклонился и пошел рядом, поглядывая несколько тревожно и невесело.

– Граф? – спросил я.

Он покосился по сторонам – никто не слышит? – проговорил негромко:

– Ваше величество, вас не пугают здешние размеры?

– Пугают, – ответил я честно.

Он сказал тихо:

– Мало нас. Слишком мало.

– Намекаете, – сказал я, – что не мешало бы перебросить сюда еще наших?

Гвардейцы у входа все еще местные, даже Норберт поверил Юстеру, менять не стал, отсалютовали мне с таким рвением, что да, признают за мной все достоинства, главное – силу.

Келляве вошел следом, догнал и сказал совсем тихо:

– Вижу, вы тоже об этом думаете.

– Подумываю, – согласился я.

Он напомнил:

– Здесь не вся армия, сэр Ричард. Только те, кто был в окрестностях Штайнфурта и Воссу. На Севере остались армии герцогов Меганвейла и Шварцкопфа! Трудно найти более верных вам полководцев, на Севере граф Клемент Фицджеральд...

Я сказал во вздохом:

– Недостает и мудрого герцога Ришара, герцогов Ульриха и Готфрида... прекрасен и точен в решениях Бальдфаст Бредли, недаром я его назначил прокурором всей Ламбертинии, очень хорош Будакер, он остался охранять границы с Вендовером, недостает и пылкого Альвара Зольмса, что явился ко мне всего с двумя полками элитной рыцарской конницы, но вскоре командовал уже десятью полками... а его командир лорд Рейнфельс, у которого было под рукой при первой встрече двенадцать тысяч кнектов? Все они пригодились бы здесь...

– Тогда почему? – спросил он. – Если уже подумывали?

– Была надежда, – признался я, – что справимся. Но, похоже, переоценил наши силы. Я человек, не Бог, вон у него ангелы тоже дураки набитые...

Он сказал быстро:

– Думаю, вам нетрудно будет понудить Маркус передвинуться на Север, а там, взяв на борт наши армии, вернуться сюда?

– Подумаю, – пообещал я. – Я осторожен, сэр Гастон.

Глава 12

Женщины, мимо которых проходим, мило приседают и растопыривают платья, как куры крылья. Здесь та же мода, что и в империи Германа, разница лишь в том, что в Жемчужной приседают с прямыми спинами и смотрят в лицо повелителю, а здесь у всех головы покорно опущены.

Не знаю, то ли так подчеркивается женская стыдливость и высокие моральные устои, то ли кондовая домостроевщина, но мне лично приятнее видеть лица и устремленные на меня взгляды, пусть это и расценивается как предерзостное поведение.

Когда мы остановились поговорить, женщины, не дождавшись, когда пройдем мимо, сами запрогуливались в нашу сторону, а проходя мимо нас, приседали, стараясь обратить на себя внимание.

Правда, даже со склоненными головами сиськи в низком вырезе платьев видны хорошо. Может быть, именно для этого и склоняют головы, чтобы мужчины рассматривали внимательно и без помех, в этом случае вариант этикета разумен и правилен, это же мужской мир, все подчиняется его законам.

В одном из залов я успел обратить внимание в группе женщин на одну с нездешним лицом и непривычно умным взглядом, вообще-то все здесь красивые, но эту как будто сдернули с обложки журнала для бизнес-леди. В лице, повороте головы, взгляде что-то характерное для женщин, что не ограничивают себя только ролью женщин.

Все присели и склонили головы, она тоже опустилась синхронно с подругами, но голову чуть повернула, бросив на меня странный взгляд искоса.

Я благосклонно кивнул всем, а когда мы прошли дальше, Келляве шепнул украдкой:

– Заметили женщину с изумрудными глазами?

– В синем платье? – спросил я. – Или в красном?..

– Заметить цвет платья, – ответил он, – это слишком сложно. Но сиськи у нее так и просятся в ладони!.. Ага, заметили! Все верно, мы замечаем самое важное. Это простолюдины углубляются в детали, а рожденные править смотрят сразу в корень.

Я перебил:

– Так что насчет этой женщины?

Он помедлил, мне показалось, заметил мой повышенный интерес, сказал совсем тихо:

– Кое-что успел случайно про нее услышать... Так, от моей случайной, но уже в чем-то близкой знакомой. Эту, с глазами, добивался сам император, но императрица, приревновав, велела не брать с остальными в убежище. Хотя на остальных любовниц императора внимания не обращала.

Я пробормотал:

– Так-так... ну да ладно, это вроде бы не наше дело.

Он подсказал:

– Вообще-то мы ее уже спасли. Попутно.

– Да, – согласился я. – Это так. А остальное, как уже сказал, не наше дело. Здесь суверенитет.

– Какой такой?

– Ограниченный, – пояснил я. – Что, надо пояснить?

Он отшатнулся:

– Что вы, сэр Ричард! Как можно было такое подумать?.. Неограниченный только у вас, у нас полуограниченный, а у местных совсем куцый, как хвост у зайца.

– Соображаете, – одобрил я. – Но во всем остальном дадим свободы. Которых, естественно, не захотят и даже будут активно протестовать.

Он спросил в изумлении:

– Это против каких же свобод?

– Свободы и права на труд, – пояснил я. – Права самим выращивать хлеб и строить свои дома, а не получать готовое, что как-то позорно и не по-мужски.

Он спросил озадаченно:

– Почему позорно?.. Я бы от готового не отказался...

– Вот и другие не отказываются, – сказал я сварливо. – А потом приходят дикие свирепые варвары, что привыкли сами трудиться, и рушат исполнинскую и вроде бы несокрушимую Римскую империю. И все раскрывают рты: как же так? А вот так! Кем хотите быть, богатыми и толстыми, что пали под натиском варваров, или теми свирепыми варварами?

– А можно...

– Нельзя, – прервал я. – Либо – либо.

Он сказал с надеждой:

– Вы придумаете, ваше величество! И мы будем богатыми и толстыми варварами.

Он по-военному коротко распрошался у входа на второй этаж, Хрурт побежал вперед, проверяя, все ли за поворотом в порядке, Умальд продолжал грузно топать позади.

Я вдруг понял, что впервые замечаю, что стены от выложенного цветными плитками пола и до потолка разрисованы так, что негде пальцем ткнуть в свободное место. Даже на потолке яркие цветные картины с летающими конями, кабанами и грифонами, на стенах целые полотнища великих битв, откуда только срисовывали, а под ногами такая искусственная и затейливая мозаика, что часами можно было рассматривать игру цвета и хитросплетение линий, если бы я вдруг оказался – тьфу-тьфу! – эстетом.

Похоже, внутреннее напряжение начинает оставлять меня, если начинаю видеть и такие мелочи.

Далеко впереди Периальд дежурит у двери моих покоев, Хрурт подошел, спросил что-то, оба одновременно развернулись и встали у стены по обе стороны двери.

– Не перестарайтесь, – посоветовал я. – Это у местных больше показуха, а у нас все по-настоящему.

Все трое смотрятся странно и дико в этом изысканно изнеженном мире: могучие и в стальных доспехах с головы до ног, никакой одеждой не прикрытых, одинаковые по росту и ширине плеч, только Умальд не расстается с великанской секирой, а Хрурт, как и Периальд, предпочитает длинный меч с широким лезвием.

Все трое немногословные, идеальные телохранители, но сейчас Умальд сказал тихонько:

– Сэр Ричард, а что... насчет Великих Магов? Мне такого нарассказывали... трясет так, что зубы стучат!

– Так я и поверил, – ответил я подчеркнуто бодро. – Подумаешь, трясет!.. Мы тоже всех трясем. Что нам маги? В людскую жизнь не вмешиваются, этим занимаются самые мелкие. А Великие только великими делами, не покидая башен.

– Мелким настучите по рогам, – предположил он, – в ответ пришлют посильнее, вы настучите и тем... А дальше?

Я ответил с неохотой:

– Великие Маги не могут быть... э-э... доблестными воинами. Они

умные, иначе таких высот магии не достичь. А это значит, сто раз подумают, прежде чем.

– Прежде чем?

– Именно, – подтвердил я. – Да и на Багровую Звезду поглядывают, выводы делают...

– Но у них, говорят, могучие демоны в услужении!

Я пробормотал:

– В услужении?.. Я бы назвал это принудительным трудом, даже эксплуатацией военнопленных. Это не совсем хорошо, хоть и правильно.

– Это... как?

– Наши этические принципы против, – пояснил я, – мы же гуманисты!

Но политики должны руководствоваться реалистичными интересами, потому мы идем, как стая крокодилов, только вперед!.. Кстати, сейчас я буду мыслить наедине, потому ко мне никому не входить и никого не впускать!.. Поняли? Пока сам не изволю соизволить важно выйти собственной персоной. Не входить, даже если почудится, что ваш лорд в опасности!..

Умальд сказал уважительно:

– Понятно, сэр Ричард. Это они, из какого бы ада к вам ни явились, будут в опасности.

– Молодец, – ответил я. – Понимаешь.

Я сам отворил дверь, оба еще не догадываются, что император должен о высоком, а не двери открывать, Умальд попытался войти следом, я остановил его жестом.

– Мне нужно помыслить наедине. Как только, так сразу. И позову, обещаю.

Все трое заворчали, но я захлопнул двери, слышно было, как подошли еще стражники, Периальд начал распоряжаться, расставляя их на лестнице и в этом коридоре.

Я еще на всякий случай задвинул на засов – довольно примитивное устройство, хотя и помпезно украшенное золотыми накладками с изображением битв героев с демонами.

Времени мало, сейчас по двору пойдет слух, что сэр Ричард зачем-то заперся в покоях, а это значит, тут же сюда попрут страстно желающие узнать, как, что и почему.

– Кеша, – сказал я, собрался с духом и произнес как можно более твердым и спокойным голосом: – Кеша, явись перед грозны очи своего хозяина и повелителя.

Меня мягко отодвинуло к стене, в зале пахнуло жаром, в середине

возникла и начала разгибаться гигантская фигура, смахивающая на раскаленный утес из стали. Сперва услышал тяжелый вздох, скрип, треск, затем неуклюжие слова, демон искал диапазон, в котором следует общаться с человеком:

– Слушаю и повинуюсь, повелитель.

– Стой там, – велел я, – и жди, когда обращусь к тебе и подобным с речью... Гоша!

В зале рядом с пылающим демоном появился совсем крохотный, всего в два человеческих роста черный смерч.

– Слушаю и повинуюсь, повелитель...

– Жди там, – велел я. – Мишка!.. Явись пред грозны очи... Ящер!... Габриэлла!..

В зале поместились всего семеро, я же выбирал покрупнее, восьмому пришлось бы стоять в коридоре, пугая народ, потому смирил аппетиты и сказал властно, как и надлежит повелителю демонов:

– И вот я по вашим многочисленным просьбам призвал вас на службу. Повторю еще раз, если кто вдруг забыл! Тех, кто явился ко мне в первый же день в трудный час, я отпустил сразу же. Воевали доблестно, потому свободу обрели враз. Вы же трусили, хитрили, выгадывали, а потом хотели получить то же самое, но на халяву. Я вас честно предупредил, что героев и халавщиков не уравниваю. Но вы все равно назвали мне свои имена, отдавая себя на свой страх и риск в мое вечное рабство.

Я перевел дыхание, поговорить люблю, все лодыри в этом великие труженики, но сейчас приходится выбирать слова особенно тщательно.

– Конечно, – сказал я, – в этом тоже хитрость и расчет: ваши имена мог бы раскрыть другой маг, и тогда вы в гораздо худшем рабстве, к тому же точно на всю жизнь. Но, ладно, я все же пойду вам навстречу. Хотя, чтобы не уравнивать с героями, что обрели свободу за полчаса службы у меня, вы послужите дольше... Сколько? Не знаю, но чтобы вы знали, я не рабовладелец, а вы у меня просто нанятые сезонные рабочие, гастарбайтеры. Сразу определим срок... Например, от каждого из вас потребую... ну, скажем, по пять услуг. Могу в особых случаях сократить до трех. Но по истечении пятого вызова в любом случае обретаете полную и гарантированную свободу. Как от меня, так и от всех магов на свете, и возвращаетесь в свой плазменный мир. Этот вызов за услугу не считается, предупреждаю, но призову всех вас в самом деле очень скоро. Если кто-то из ваших, кто сейчас отлеживается или отплывает в плазменном океане, готов будет послужить на таких же условиях, я рассмотрю их просьбы. Но учтите, акция одноразовая, на будущее таких льготных

условий ни у кого не будет... Кто не успел, тот опоздол. А теперь изыдите!

Они исчезли, а я услышал в коридоре взволнованные голоса. Отодвинул засов, но никто дверь не открывает, хорошо, мои приказы несокрушимы. Я выглянул в коридор, с обеих сторон от лестницы вбегают с обнаженными мечами в руках Чекард, Мальcolm, Амброз, а за ними спешат взволнованные гвардейцы, кто-то примчался даже с верхнего этажа.

Наконец дверь моего кабинета приоткрылась, заглянули Умальд и Хрурт, тоже с мечами в руках, им можно, мои вечные телохранители еще с тех времен, когда я был простым, совсем простым бароном.

– Чё? – спросил я с высокомерным недовольством. – Что тут за шум и конский топот ластами? Помыслить своему сюзерену не даете!

Хрурт сказал вздрагивающим голосом:

– Сэр Ричард!.. Даже во дворе народ видел страшное зарево, что полыхнуло из всех окон ваших покоев!

– И что? – сказал я сварливо. – Озарение у вашего лорда!

– Чего... чего?

– Озарение, – повторил я. – Радоваться надо, а не. У меня пламенные мысли! Я же не хто-нибудь, а уже кто-то! А вы догадуетесь, кто!

Чекард сказал из-за его спины:

– Но во дворе замелькали такие тени! Даже на освещенных солнцем плитах черные как уголь! И какой-то рев, стены тряслись...

– Ребята, – сказал я с укором, – ну что вы такие не такие?.. Мыслил я, мыслил!.. Может быть, что-то пробормотал.

– Ваше величество?

– Или это мои мысли пробормотали, – уточнил я. – Они иногда живут отдельно от хозяина. А то и вообще поднимают бунт, совершают революцию или зовут в кабак. Будьте проще, как вот я, образец всего, что надо и не надо! А сейчас расходитесь, здесь вам не цирк, хотя вообще-то еще какой... но он везде, куда ни глянь... Топайте, топайте!.. Да не в буквальности, а в переносности. В смысле, учитесь ходить, как церковные мыши, а не брабантские кони по водопроводам Рима!

Глава 13

Я закрыл перед их полными непонимания лицами дверь, постоял в тишине, прислушиваясь. Позвякивание металла отдалилось, слышно, как мечи вдвигают в ножны, народ расходится, остались только прохаживающиеся у моей двери с той стороны Умальд, Хрурт и Периальд.

Когда я тихонько приоткрыл, все трое моментально повернулись, я сказал быстрым шепотом:

– Никого не впускать!.. Даже герцогов Гуммельсберга и Дарабоса!.. Вообще никого, ясно?.. У меня назревает медитация. Своеобразная такая. Для благородных.

Хрурт ответил таинственным шепотом:

– Все сделаем!.. А медитация... это чё?

– Подготовка к войне, – объяснил за его спиной Умальд авторитетно. – Дурень, понимать надо. Это же наш сэр Ричард!

– Все-то вы знаете, – сказал я со вздохом. – То ли повысить вас, то ли повесить...

Снова закрыл, в коридоре вроде бы тихо, я вздохнул несколько раз, насыщая легкие кислородом.

– Серфик... Ты здесь?

Над столом мелькнула искорка вокруг пламени свечи.

– Господин?

– Серфик, – сказал я, – ты переговорил с тем вашим единственным специалистом по стене между мирами, дай ему долгой жизни ваш великий Океан Плазмы?

– Четырестацкнаеранненным?

– Да, – ответил я, не рискуя повторить такое имя. – Он установит?

– А он больше ничего не умеет, – пропищал Серфик. – Установит, это никаких усилий.

– А ты как насчет потолковать с демонами?

– Да, – ответил он с заминкой. – Не заинтересовались... но послушать придут.

Я сказал с тревогой:

– Тогда приступим. Попроси установить вашу ширму для переговоров, как и положено в случае сложных дипломатических переговоров... Дабы мы не оскверняли друг друга зловонным дыханием или еще чем.

– Слушаюсь...

Я задержал дыхание, готовясь к шоку, но зрелище плазменного моря звездных температур тряхнуло с головы до ног так, что лязгнули зубы.

Половина кабинета исчезла в диком пламени. От стены до стены и от пола до потолка дикий жар ядра нашего или чужого солнца, взрывы ста тысяч мегатонных бомб, вихри немыслимых скоростей и ударной мощи, возникают и пропадают в красном и оранжевом зареве мириады существ...

Или протуберанцы, или живые вихри, а когда начали появляться фигуры демонов, я даже вздохнул с облегчением, все-таки

упорядоченность, четкие контуры, никакой размытости, разве что двигаются с немыслимой скоростью, появляясь прямо передо мной с той стороны незримой стены и тут же возникая у другого края.

Я собрался с силами и заговорил медленно и внятно, контролируя себя изо всех сил, стараясь не дать голосу сорваться на жалкий писк:

– Поздравляю вас всех! Настало самое счастливое время!.. Все Великие Маги попрятались под землю, разве не щасте?.. Но это продлится недолго. Через несколько дней или месяцев выберутся на поверхность и снова начнут открывать ваши тайные имена, закабалять и мучить...

Они слушают, как надеюсь, внимательно, хотя понять, чем заняты в том огненном вихре, даже не пытаюсь.

Я перевел дыхание и сказал с нажимом:

– Но есть возможность спасти вас!.. Одним махом!.. Всех!..

С той стороны образовалось из огненного вихря ужасающее лицо размером с сарай, оранжевый огонь ударил изо рта и глаз.

Страшный голос прошипел:

– А что получишь ты?

– Хороший вопрос, – одобрил я. – Я получу, как и вы, свободу от магов.

– Ты не свободен?

– Как птица, – сказал я гордо, подумал, что не поймут, уточнил: – Надо мной маги не властвуют, но создают определенную угрозу. Разница в том, что для вас угроза огромная и смертельная, а для меня крохотная... но чуточку раздражающая. Я привык к безоблачному комфорту, знаете ли... Я же человек, а мы всегда чем-то недовольны, потому и прогрессируем.

Тот же голос сказал уже тише:

– Что ты... хочешь?

– Сейчас для вас самый удачный момент, – объяснил я с нажимом. – Больше он не повторится. Как сказал один великий маг, вчера было рано, а завтра будет поздно, нужно щас!.. Магов в Башнях нет, за это время нужно изъять оттуда все магические кольца, браслеты, шляпы, сапоги и прочие вещи, что дают магам особые способности... и делают угнетателями демонов! Да-да, все собрать и принести мне, вашему другу и защитнику.

Несмотря на плазменные бури на той стороне стены, я догадывался по паузе, что там то ли наступило молчание, то ли началось жаркое обсуждение.

Наконец уже другое лицо, из горящего металла, приблизилось к стене с такой стремительностью, что я отшатнулся.

– Человек, – проскрипел голос, – но ты же знаешь, мы не можем

ничего делать в вашем мире!

– Сами по себе, – согласился я, – но под моей уверенной и властной дланью отца-покровителя?

Демон на мгновение вычленился из огненного вихря почти целиком, раскаленная глыба металла, вперил в меня злой взгляд.

– Это ловушка, – ответил со злым шипением. – Чтобы выйти в твой мир, нам пришлось бы назвать тебе свои тайные имена.

– И что? – спросил я как можно бодрее и беспечнее. – Среди вас уже есть те, которые доверили мне свои имена и пароли! Я таких не просто освободил, но и защитил так, как никто и никогда!

– Ты мог сделать это нарочно, – сказал демон.

– Зачем?

– Чтобы получить власть над более могучими!

– Да, – согласился я, – это риск. Никакого залога дать не могу, но еще раз сошлюсь на тех, кто мне поверил и обрел свободу!.. Это все.

Они выслушивали молча, только Серфик, самый проворный, спросил быстро-быстро, я едва разобрал его тараторящую речь:

– А если башни защищены?

Я мотнул головой:

– Сомневаюсь. От кого? Мир должен рухнуть. Погибнет и тот, кто ухитрился бы забраться в такую башню и что-то спрятать оттуда.

Серфик сказал так же быстро:

– Если маги узнают, что кто-то прикасался к их кольцам, того обрекут на самые страшные муки!

Он порхал вдоль стены, я посмотрел свысока, хотя для этого пришлось задирать голову.

– Ладно, скажи им, что могут не собирать. Я хотел для них как лучше!.. А так кто-то из магов с помощью этих вещей быстрее подберет ключи к вашим тайным именам...

Багровый демон прорычал:

– Погоди... Но ты должен приказать, назвав имя. Мы не можем без приказа.

– Даже, – пискнул Серфик, – если нам это очень нужно. Но мой господин это знает!

– Ну так что? – поинтересовался я. – Кто-то рискнет минутами страха ради вечного блаженства?

После паузы демоны начали отступать, растворяться в бушующем огне. Трепещущий пурпурный свет из кабинета медленно уходил, в огромном помещении стало мрачно и уныло, словно в заброшенном сарае,

я даже подумал, что ушли все, но там из глубины багровой тьмы приблизилась и остановилась, чуть покачиваясь в пламени, багровая фигура, похожая на исполинского краба.

По страшной морде не угадать, что это чудовище намыслило, я спросил властным тоном:

– А ты?

– Согласен, – прогрохотал он медленно. – Мое имя Кракандельт.

– Да, – ответил я, – с таким именем даже удивительно, как еще не расшифровали... Кракандельт!

Он вздрогнул, фигура моментально преобразилась в красную глыбу, явно это базовое состояние, а голос теперь прозвучал безжизненно и монотонно:

– Слушаюсь и повинуюсь, господин.

– Ты решился всего один, – сказал я, – но потом тебе будут завидовать и кусать локти или хвосты миллионы сородичей. Перейди в мой мир!

Он с усилием вдавился в призрачную стену, она не сдвинулась с места, лишь потемнела на миг, засверкала мелкими искрами, но демон прошел ее нас kvозь, и она стала снова монолитно прозрачной.

Демон замер в недвижимости, плитки пола под его когтистыми лапами моментально почернели, но он быстро остыл, смотрел на меня ничего не выражаящими глазами, молчал, скованный базовыми заклятиями.

– Отлично, – сказал я с сильно стучащим сердцем, – задание тебе простое... Сейчас, как уже сказал, все Великие Маги в подземных убежищах. Их башни и крепости без охраны. Заходи и бери. Или бесчинствуй, что еще интереснее. Но это потом, если захочешь, я разрешу. Нужно пробежаться по всем башням и забрать оттуда все магическое. В первую очередь кольца, браслеты, амулеты и талисманы, а также посохи и все-все, что обладает магическими свойствами. Все, кроме камней стен, где тоже, как я слышал, накапливается магия.

Он прогрохотал негромко:

– Слушаюсь и повинуюсь, господин.

Я указал в окно.

– Видишь вон рядом с этим дворцом еще одно здание, выше остальных, почти башня?.. Там плоская крыша с оградой по периметру. Я уберу оттуда часовых, а ты перенесешь и сложишь там все кольца, амулеты, талисманы и посохи с жезлами и прочими магическими штуками, понял?..

Он прогрохотал мощным голосом в таком инфразвуковом диапазоне, что я едва вычленил слова в низком гуле:

– Повинуюсь, мой господин.

– Подожди, – велел я, – еще не все... Габриэлла!

В помещении возникла почти женская фигура из раскаленного металла, только рук шесть, как у кузнечика, а сисек даже восемь, как у хорошей породистой свиньи.

– Слушаюсь и повинуюсь, господин, – проговорила она низким голосом.

– Габриэлла, – сказал я, – тебе будет задание... после чего отпущу на вечную свободу.

– Повинуюсь...

Я присмотрелся к демону, просто огромный, но у демонов масса не мешает скорости движений. Гиганты могут носиться намного быстрее мелких, как самолеты умеют перемещаться быстрее воробьев.

– Габриэлла, – сказал я, – тебе задание – охранять все, что принесет Кракандельт!.. Никто не смеет подняться к нему на крышу. Как только увидишь кого-то еще на лестнице выше второго... нет, третьего этажа – это враг! Убей сразу. Но сама затаись. Пусть тебя не видят ни враги, ни мои люди.

Она ответила кратко:

– Повинуюсь, господин.

Я хотел добавить, что они оба заинтересованы собрать все амулеты и передать мне в сохранности, чтобы ими не завладели маги и снова не начали повергать их в мучительное рабство, однако и Кракандельт и Габриэлла сейчас бессловесные механизмы, рассуждать смогут с момента, когда дам свободу, потому сказал лишь:

– Страйтесь, ребята. Час победы близок! Кракандельт, за сколько управишься? Не денег, конечно, а сколько затратишь времени?

Он подумал, прогрохотал тяжелым голосом:

– Если я один, то этот день, потом ночь... еще примерно две... а затем все.

Я охнул.

– Так быстро? Это же просто... волшебно! А я хотел собирать целую ораву. Прекрасно, управишься один, у нас уйма времени, хоть вообще-то какая-то маленькая уйма. Приступай прямо сейчас, а я завтра утром поднимусь туда, проверю. Помни, это ответственнейшее задание, что освободит угнетенную расу демонов!

Во дворе Чекард подбежал, издали заметив мой повелительный взмах императорской длань.

– Ваше величество?

Я указал кивком на самое высокое здание дворца.

– Кто-нибудь есть на крыше?

Он покачал головой:

– Ваше величество, сэр Максимилиан убедился, что опасного нет, с того момента никого... Послать?

– Не нужно, – ответил я. – Максимилиан хоть и романтик, но все сделал правильно. А ты у входа поставь охрану. И пару крепких ребят на первом этаже. Можно на втором, чтобы не слишком привлекали внимание. Да, лучше на втором.

Он спросил встревоженно:

– Сэр Ричард, мне легче выполнить, если буду знать, что охраняю.

– Особо важное имущество, – сказал я значительно, – полученное по репатриации... или по reparations? В общем, и тебе что-то перепадет, как существу из победившей стаи. Как и многим моим соратникам. Но мой строжайший наказ: охранять только вход и первый этаж!

– Понял, – сказал он, но на лице непонимание стало еще заметнее, – выше опасно?

– Очень, – подчеркнул я. – А терять людей по их дури и недисциплинированности не хочется. Я хозяйственный император.

– Прослежу лично, – пообещал он. – Охрану на постоянной основе?

– Суток на трое-четверо, – ответил я. – Надеюсь. Потом снимешь... когда сочту безопасным.

Он, чуть повеселев, сейчас каждый человек на счету, отчеканил браво:

– Сейчас же пошлю лучших!

Норберт, издали увидев, что распоряжаюсь его людьми, подошел с самым встревоженным видом.

– Ваше величество?

– Все в порядке, – сказал я. – Просто уточняю... Как вам этот мир?

– Еще не всмотрелся в деталях, – ответил он холодно. – Потом как-нибудь. Но какой-то, на мой взгляд, больной весь.

Я спросил с интересом:

– Больной? И вы это чувствуете?

Он кивнул на катящиеся со стороны ворот сада легкие двухколесные тележки с роскошными навесами, защищающими от прямых лучей солнца. В них восседают очень красиво и пышно одетые люди, а дюжие молодые лакеи бодро волокут эти тележки, держа под мышками позолоченные

оглобли.

– Да, – сказал я с удовольствием. – Гедонизм разрушил не одну империю. Здесь тот же процесс...

– Как им не стыдно? – спросил он мрачно.

– А чего им стыдиться? Хорошо устроились.

Он взглянул на меня с изумлением.

– Не проще на коне? И удобнее, и быстрее! В колясках совсем не старики, посмотрите!

– Здесь не спешат, – заметил я. – Тысячу лет было все точно так же. Заставший мир. Благополучный и заставший.

– Берегут себя, – буркнул он. – Разве так можно? Мужчины не имеют права себя беречь! Беречь нужно женщин и детей. А мужчина вот так в тележку... разве что с тяжелой раной!

– Расстояния здесь весьма, – сказал я миролюбиво. – Ладно, нам лишь бы самим такими не стать. Что насчет укативших на багерах?

– Ждем со средних дистанций, ваше величество.

К вечеру уже и сам Норберт начал нервничать, то и дело выходил из дворца во двор, высматривал разведчиков, посыпал гонцов в сторону приナルной башни для багеров.

Я сам прогуливался перед зданием, важно отдавая величественные и несколько туманные, как я сам, распоряжения. Пусть все видят, что у нас все схвачено, все под контролем, а то, что мне с каждым днем на этом континенте все беспокойнее, да никто не узрит из чужих или своих.

Разведчики со стороны распахнутых ворот помчались лихим наметом, здесь даже по прямой аллее больше километра, а каждая минута дорога, прыгали с седел на ходу.

Норберт уже притопывает в нетерпении, разведчики ринулись с бумагами в вытянутых руках.

– Сэр Норберт!.. Самые точные данные!

Я пошел к ним неспешно, за нами наблюдают местные, не стоит им демонстрировать нашу ошеломленность их не такой уж удивительной, как им кажется, жизнью.

Моя личная охрана, уловив знак, встала на расстоянии так, чтобы никто из придворных не мешал настоящим хозяевам жизни общаться. Норберт принял ворох бумаг с наспех составленными картами, некоторые сразу сличил.

Я видел, как лицо его приняло озадаченное выражение.

– Что-то слишком, – проговорил он в затруднении. – Неужели в самом деле столько городов?.. И земли больно... хорошие.

Один из разведчиков сказал со вздохом:

– Городов наверняка больше.

– В смысле?

Разведчик пояснил торопливо:

– Мы же заносили на карту только те, над которыми шел багер!.. А что справа и слева, не знают сами местные.

Я подошел ближе, все умолкли и повернулись ко мне.

– Земля хорошая, – согласился я, – ровная. Даже как-то слишком. Явно с нею поработали маги. Гору снести, пусть даже не за один раз, болото или ненужное озеро высушить... или каменистые почвы засыпать плодородной землей... Думаю, это вполне возможно, хотя и затратноресурсно.

Норберт взглянул озадаченно:

– Как?

– Принести ее ураганом оттуда, – пояснил я, – где ее слишком много.

Он посмотрел исподлобья:

– Сэр Ричард, признайтесь, уже такое проделывали?

– Что вы, сэр Норберт, – ответил я с достоинством. – Я же не маг!.. Мне достоинство и хорошее воспитание не позволяют. А маги да, им все можно, люди простого звания. Проделывали, да еще как...

– По вашему указанию? – уточнил он и, не дожидаясь ответа, подозрительно добавил: – Милфорд, а где твои бумаги?

Крепкий молодой парень с серьезным лицом и умными глазами отчеканил:

– Чекард забрал!..

– Что случилось?

– Я отметил, – пояснил Милфорд, – две Зоны, их рассмотреть не удалось, хотя прошли прямо над ними. Чекард сказал, сэр Ричард интересуется такими особо.

Норберт перевел вопросивающий взгляд на меня, я ответил раздраженно:

– А вас бы не беспокоили?.. Противника нужно знать, а здесь все противники, а то и вовсе враги!.. Вас не волнительствует, что в этих Скрытых Зонах ничего не видно?

Норберт ответил уклончиво:

– Пока нет. От других зон голова болит. А где опасность?

– Герцог, – сказал я с укором, – герцог... Эти Особые Места не возникают всякий раз заново, как прочие села, города и королевства. Понимаете?.. Они каким-то образом уцелевают при катаклизмах!.. Маркус превращает в руины все, кроме тех земель!..

Судя по его виду, на этот раз дошло, даже посерел лицом.

– Господи, – сказал он сдержанно, – только бы не вышли из своих Зон...

Я сказал с тревожным оптимизмом:

– Видимо, некий барьер не впускает и не выпускает. Иначе бы уже захватили мир. Представляете, столько эпох пережили!

– Но, – сказал он, – если тот барьер вечен...

– Ничто не вечно, – ответил я невесело. – Вон вроде бы вечные багеры, которые пережили столько визитов Маркуса, тоже разрушаются!.. В летописях отмечено, как взрываются и падают... Их уже вдвое меньше, чем было. Но разленившиеся люди все равно не хотят строить дороги!

– И потому какие-то связи обрываются?

– Вот-вот!.. И кто знает, что зреет в тех местах, куда перестали ходить багеры?

Он помрачнел, поднял на меня испытующий взгляд:

– И что планируете?

– Под нами пожар, – сказал я сварливо, – ходим босыми ногами по углам, до исследований ли сейчас?

– Откладываем?

– Как очень многое, сэр Норберт, как очень многое... Взгляните вот сюда. Даже Великие Маги не могут выровнять рельеф по всей империи!.. Да, постепенно отвоевывают у руин по клочку земли, но ровно настолько, чтобы люди могли селиться на новом месте, распахивать поля, выращивать сады... а вовсе не для завоевательных походов от моря и до моря силами многотысячных конных степных орд.

Он сказал с подозрением в голосе:

– Может, так делают нарочно.

– Зачем?

– Чтобы сохранялись естественные границы, – пояснил он. – Сейчас даже из города в соседний город так просто не пройти из-за нагромождения скал! Если бы такое не мешало, почему бы не вторгнуться в чужую империю?

Я кивнул:

– Да, конечно, великий соблазн наклонить соседа.

Он водил по карте пальцем, выбирая на карте места, над которыми пролегают маршруты багеров, но нет причальных пирамид.

– Ваше величество, обратите внимание... По этому маршруту уже два таких!.. Города есть, села есть, багеры над ними останавливаются, ждут, прут дальше.

Я проследил за его пальцем, кивнул:

– Да, одно так себе, а второе крупноватое... и города огромные. Непорядок!.. Автономия внутри империи? А то и полная независимость?

Он поддакнул:

– Еще какой непорядок! Как смеют не поклониться вашему величеству?

Я помолчал, а он кивнул и, на ходу просматривая бумаги с каракулями, отправился к зданию.

Умальд и Хруерт строго поглядывают на местных, те еще робеют, но уже выполняют свою работу, то есть присутствуют и придают блеск дворцу, без их пестрой толпы вся величественная архитектура выглядит мертвой и бесцельной.

Вроде бы прогуливаясь для собственного удовольствия, это чтобы вселить уверенность в наших и не наших, наблюдал за кажущейся бесцельной суетой, отправлял с распоряжениями телохранителей, а иначе зачем они мне, корректировал даже не саму работу, а задавал направления, бдил и старался предусмотреть хотя бы самые опасные подвохи, что наверняка ждут на ближайшем повороте.

Норберт, как вижу, лично встречает разведчиков, сходящих с багеров, ему отдают все листки с новыми данными, а он уже сам торопливо сводит воедино на огромном листе бумаги, выделанном из лучшей ткани, превратив ее в подробнейшую карту.

Когда поймал меня между зданиями канцелярии и художественной галереи, вид у него был предельно встревоженный.

– Вот, – сказал он без предисловий, – взгляните.

Карта выглядит как худосочная снежинка с тонкими и сильно вытянутыми лучами. Все обрываются на примерно одном расстоянии от центра, в котором Волсингсбор, столица империи.

Я взял уголек и провел по кончикам лучей линию, Норберт следил внимательно, понимая, что очерчиваю границы империи, но его усы приподнялись то ли победно, то ли в озабоченности.

– Ваше величество?

– Идеальный круг, – пояснил я. – Получается идеальный круг. Как вам?

– Удобно, – пробормотал он.

– А что, – поинтересовался я, – бывают ли государства с такими ровными, как по циркулю, границами?

Он сказал неуверенно:

– Не встречал, но... может быть, здесь?

– Империя Германа такая же, – заверил я. – А как соприкасаются?

Были бы границы по линейке, еще понятно, но круглое с круглым... А что в пространствах между этими кругами?

Он потыкал пальцем в карту.

— Самые дальние маршруты, как видим, проходят через ряд королевств, сэр Ричард. Но какие, сколько? Вы сказали, в составе империи Скагеррака двадцать восемь королевств и туча княжеств, но нам с высоты видно только реки, озера, леса!

— А между ними крупные и очень крупные города, — сказал я, — но совершенно не видно тонких, но отчетливых ниток дорог, так?

— Да...

— Без коллаборационистов не обойтись, — произнес я. — Мы сразу, честь нам и хвала, привлекли к работе тех, на ком быть, а теперь надо отыскать стратегистов. Стратеги стратегируют обычно над картами и графиками, что мы им и подсунем под их местные морды.

— Под скагеррачи морды, — согласился он. — Не думаете, что император взял их с собой?

Я сделал отметающий жест.

— Маркус полностью уничтожает старый мир, забыли? Потому стратеги понадобятся императору очень не скоро. Через несколько поколений. В пещерах дюжина землекопов и плотников важнее сотни герцогов и принцев крови.

Он подумал, кивнул:

— Поищу по городу. Думаю, такие люди предпочли встретить конец мира в кругу семей.

Глава 15

Норберт сработал молниеносно, несмотря на приближающуюся ночь. Я трудился в кабинете императора, разбирая его бумаги, когда через полчаса примчался захеканный разведчик и доложил, что среди оставленных на гибель найден, как я и предположил, главный казначей императора.

— Немедленно ко мне, — велел я.

— Уже ведут, — сказал он счастливым голосом, все рады исполнить приказы точно и вовремя, это работает на устойчивость нашего захвата. — Сэр Норберт велел доставить его со всеми предосторожностями.

— Введите.

Лакей распахнул дверь, в коридоре двое стражей поддерживают под

руки массивного и очень пожилого мужчину, крупного телом. Лицо не просто крупное, но тяжелое и с массивной нижней челюстью, значительное и вельможное, брови вздернуты высокими дугами, под длинным носом седые усы вразлет и с бодро загнутыми кверху кончиками, почти как у сэра Норберта, только втрое мощнее и гуще.

Парик древнего образца ниспадает крупными белыми локонами почти до плеч, закрывая уши, шею укрывает кружевной белоснежный платок из тончайшего полотна, спускающийся пышной пеной до середины груди, а сам казначей, несмотря на сгорбленный вид и резную трость, выглядит значительно и вельможно.

В коридоре все еще робеющий церемониймейстер провозгласил с почтительной торжественностью:

– Граф Джуллиан Варессер к его величеству!

Вельможа вдвинулся в распахнутые двери медленно и с осторожностью, опираясь на толстую трость с крупным набалдашником, церемонно и с натугой поклонился.

Я поднялся, а он проговорил хриплым надтреснутым голосом:

– Ваше величество, прошу простить, не могу поклониться со всей учтивостью...

Я вышел из-за стола, сам тоже вельможный донельзя, улыбающийся, а когда заговорил, ощущил, как вся комната заполняется сладкой тягучей патокой:

– Дорогой сэр Джуллиан!.. Империи повезло, что вы решили остаться и взглянуть на Багровую Звезду своими глазами.

Он коротко поклонился:

– Сэр... простите, не знаю вашего титула...

Я сказал небрежно:

– Да, пустяки, как вы уже слышали, всего лишь император. Что титулы, нам важнее человек, а титулы наследуются, что вообще-то несправедливо, но разве мир справедлив? Это обязаны сделать мы. Позвольте, помогу сесть...

Он дернулся, но я взял его под руку и помог доковылять до кресла. Опустился он с тяжелым вздохом, я взял его за кисть тем профессиональным жестом медика, который щупает пульс, и сразу ощутил, что этот старик не совсем старик, но в его теле вовсю разгулялось некое мощное воспаление.

– Погодите, – сказал я, когда он попытался высвободить руку. – Вы ранены... нет, не снаружи, а где-то внутри. Враг не дремлет, сэр Джуллиан!.. Потерпите...

Когда я убрал руку, он еще некоторое время сидел молча, прислушиваясь к ощущениям, наконец вскинул голову и посмотрел на меня засиявшими глазами.

– Ваше величество... это просто чудо...

Я отмахнулся:

– Да пустяки, не обращайте внимания. Я пригласил вас для серьезного разговора. Вы казначай императора, а значит, по сути управляющий делами империи.

Он поправил с непонятной улыбкой:

– Вообще-то я Верховный Псарь.

– Верховный Псарь? – переспросил я с интересом.

Он поклонился:

– Ваше величество, это дань традиции. Скагеррак Первый был страстным любителем охоты и лично следил за разведением породистых собак. В его псарнях было больше двух сотен наиболее быстрых и сильных псов, а управление ими поручил самому доверенному человеку... История не сохранила его имени, но с той эпохи главную должность в империи занимал всегда Верховный Псарь, хотя уже Скагеррак Второй отцовскую псарню распустил, а сам собак не заводил.

Я отмахнулся:

– Пустяки. В моем королевстве самая высокая должность была у постельничего, а в соседнем – конюшенного, у них он назывался коннетаблем, так как король обожал коней. Важнее реальная власть, а не название. Вы первый человек после императора, не так ли?

Он ответил медленно:

– Это как считать. Я всего лишь граф, а в империи графов как гусей на базаре. Одних принцев крови девять человек, не считаяbastardov.

– А по должности?

– Ваше величество, – ответил он с щепетильной скромностью, – для работы подбирают не по титулам.

– Понятно, – сказал я. – Герцогом не родились?

– Я родился в благородной семье, – ответил он с достоинством, – хоть и бедной.

Я с удовлетворением потер ладони.

– Прекрасно. Предпочитаю людей из низов, что за таланты и работоспособность поднимаются до высот. Сам такой.

Он дернулся.

– Ваше величество...

Я остановил его жестом.

– Да-да, я не родился императором, потому крут, подозрителен и звероподобен... Теперь к делу, сэр Джуллиан. Как вы уже знаете, Багровая Звезда захвачена героями Севера. Вон посмотрите в окно...

Он покачал головой, избегая взглянуть в ту сторону.

– Насмотрелся, когда везли сюда. И наслушался ваших людей. К счастью, окна моего дома выходят в другую сторону. Но все еще не могу поверить. Если победили там, на Севере...

– ...почему не победили здешние? – закончил я. – На Севере люди отважнее, потому что беднее. А здесь народ погряз в довольстве. Но речь не о сравнении экономических систем. Мы прибыли предотвратить массовые грабежи, убийства и бесчинства, что сопровождают любое прибытие Багровой Звезды. В летописях скучо говорится, что при виде красной звезды люди сходят с ума, но мы взрослые с вами, понимаем... Чернь вдруг осознает, что власти нет, перед неизбежной смертью можно творить что хочется, грабить и убивать, кого возжелается и как изволится.

Он слушал внимательно, хотя я видел, как начал сгибать и разгибать покрученные подагрой пальцы, а спину хоть с усилием, но все же медленно выпрямляет.

– А чем могу помочь я? – спросил он наконец.

– О, – воскликнул я, – человек с вашими талантами управленца может помочь многим! И просто обязан. В данный момент мне нужны карты. Во дворце императора не отыскали, однако мои люди прокатились на багерах и нанесли на чистый лист все города, реки и озера по всей линии маршрута. А вы, как человек, знающий империю, можете указать границы, отделяющие одно королевство от другого. И вообще нанести на карту не замеченные с багеров города.

Он медленно наклонил голову, не сводя с меня изучающего взгляда.

– Неужели намереваетесь... прекратить разбои по всей империи?

– Есть такое стремление, – ответил я скромно. – А дальше как получится.

Он поинтересовался:

– А что получится, как предполагаете, в результате?

– Посмотрим, – ответил я уклончиво. – Хотя мы прибыли на Звезде Зла, но принесли Добро. А также мир и порядок. Потому что Зло и есть Добро, только красивше. И, конечно, симпатичнее.

– У вас большая армия?

Я ответил подчеркнуто беспечно:

– У нас Багровая Звезда Смерти, дорогой герцог. Да-да, графом вы были до того момента, как приняли предложение о сотрудничестве на благо

империи, закона и порядка, а теперь вы герцог. Бумаги подготавлят... Так вот, по мановению моего мизинца, хоть левого, хоть правого, Багровая Звезда моментально превратит эту империю... или другую... в пылающий ад. Потому армия здесь для того, чтобы я не скучал. Люблю, когда ходят строем. Это же мечта любого правителя! Даже демократичнейшего, хоть демократичнейший и не признается... Но я не демократ, потому честен и говорю правду. Так что мои войска просто свита, типа туристов. Вежливые такие люди.

Лицо его не изменилось, опытный царедворец, но, думаю, напоминание о Багровой Звезде прошлось как кнутом по нервам.

— Ваше величество, — сказал он несколько иным тоном, — помогу, чем смогу. Я всегда работал на благо империи.

— Сможете, — заверил я, — сам я весьма ленив, как всемерно развитая и творческая личность, потому подбираю людей умных и работоспособных. Империя должна жить и трудиться, не так ли?

Он поклонился, не сводя с меня настороженного взгляда.

— Ваше величество...

Я сделал знак застывшему у дальней двери лакею.

— Пригласи сэра Норберта.

Норберт явился с огромной картой и ворохом листков, покрытых каракулями разведчиков. Все это еще предстоит дорасшифровать и уточнить, исправляя нарисованное на карте.

Я пожелал успехов в творчестве и личной жизни, Нортон подчеркнуто почтительно поклонился, подавая сэру Джуллиану пример, а я торжественно выбрел в коридор, где все еще пусто, если не считать Периальда и Хурта с Ульманом, и печально тихо.

Часть слуг и придворных император взял с собой, остальные вышколенно не решаются подниматься выше указанных им мест, потому беспоклонно прошел к лестнице, отвечая на приветствие моих орлов, а когда спустился на этаж ниже, первое, что увидел... пару лебедей.

Две изящные гордые птицы красиво скользят, отражаясь в зеркальном паркете, по его глади. Двою придворных, мило улыбаясь, дали им дорогу, отступив в сторону, и лебеди царственны проплыли дальше, тихонько курлыкая и прижимаясь друг к другу головами на длинных изящных шеях.

Я тряхнул головой, пытаясь очистить взор от дури, но в самом деле лебеди красиво и грациозно плывут по паркету, как по воде. Лапы с розовыми перепонками где-то под поверхностью, даже волны слегка расходятся, тут же гаснут, я на всякий случай потопал по толстым плитам: плотные доски из старого дуба, что тут за гребаные лебеди?..

Попробовать бы пнуть хоть одного, проверить, настоящие ли, даже тень за ними не убеждает в реальности, тактильность можно натянуть на любое изображение, от достаточно сильного пинка точно прорвется...

Нет, император должен вести себя, а не, я прошел мимо, стараясь не выказывать интереса, а на поклоны отвечал рассеянно отеческой улыбкой, якобы мыслю о судьбах мира, но и простых людей, а здесь они проще некуда, ниже графа нет ни одного, тоже замечаю и милостиво привечаю.

В недрах дворца меня отыскал сэр Рокгаллер, толстый, красный и отдувающийся, как принц Гамлет, спросил задыхающимся голосом:

– Сэр Ричард? Вы все еще не спите?

Я вытянул обе руки, посмотрел, перевел взгляд на сапоги.

– Да вроде бы не... А что, похож на лунатика?

– Все мы тут ими станем! – вскрикнул он с возмущением. – Что они тут настроили? Заблудиться можно!.. Ваше величество, у меня вопросы по управлению городом!

Я спросил с подчеркнутым удивлением:

– Разве сложно?.. С вашим-то опытом!

Он расправил плечи и проговорил уже не с таким накалом:

– Да, я весьма в хозяйствовании, всегда важно наладить взаимодействие... но, ваше величество, я никогда не управлял городами, а это не просто город, а столица империи!.. Сейчас просто поддерживаю, чтобы ничего не рухнуло и не придавило нас...

– Разумно, – ответил я, – а преобразования, на которые намекаете, конечно, будут. Именно те, которые вы и ждете.

Он спросил с настороженностью:

– А на что я намекиваю?

Я сказал веско:

– Император увел с собой всего лишь тысячную долю даже не населения империи, а высшего звена!.. Совсем мизер. Но этот мизер владел большинством земель, замков и городов в империи. Что для нас очень удобно, не так?

– Ваше величество? – спросил он осторожно, но глазки заблестели, даже ладони потер одну о другую.

Я сказал сварливо:

– Не прикидывайтесь, все-то вы поняли. Мы убиваем одним камнем несколько зайцев, что мне очень не нравится... Зайцев убивать не нравится, я их никогда не бил!.. А людей что, их не жалко. Бросившие вверенное им население на гибель объявляются...

– Преступниками?

– Да, – ответил я с натугой, – но, принимая во внимание разные особенности нашего избирательного гуманизма, потом уточним, приговор смягчаем.

Он поинтересовался:

– В какой степени?

– Милосердно оставляем жизнь и свободу, – пояснил я, – всего лишь отобрав в пользу казны их земли, имущества и привилегии. Так, по мелочи, верно?

– Сущие пустяки, – подтвердил он. – Это все мирское! А что насчет титулов?

– Титулы оставим, – сказал я великодушно. – Нам важнее земли и деньги, а им важнее титулы. На том и разойдемся. Все довольны, все поют.

Он вздохнул, покачал головой:

– Да как-то непривычно, если по дорогам будут бродить оборванные бродяги с титулами герцогов, графов, баронов...

– Мир меняется, – напомнил я.

– Да уж очень быстро, – ответил он, как мне показалось, с некоторым испугом. – И как-то резко. Я по характеру и привычкам больше охранятель обычаев, чем ломатель.

– Так вы и охраняете, – сказал я. – Наши обычай! А здесь будет перестройка и ускорение. Новая политика в экономике и... э-э... политике. Этим и руководствуйтесь.

– Будет выполнено.

Голос его звучал все еще нерешительно, я заверил:

– А нормативные акты вскоре подгоним! Мы должны действовать медленно, но быстро!.. На опережение. У нас еще не спросили, а мы уже ответили ясно и так четко, что больше спрашивать не захочется.

Он медленно наклонил голову, не сводя с меня испытующего взгляда.

– Ваше величество... Вижу, мы здесь задержимся... на какое-то время.

– Сэр Рокгаллер...

Он поклонился.

– Ваше величество...

Часть вторая

Глава 1

Женщины мало чем отличаются нарядами от тех, что остались в империи Германа Третьего, а мужчин и здесь не миновало поветрие насчет париков, хотя в моем мире их ввел в моду только Луи Четырнадцатый, потому что смолоду был лыс, чего страшно стыдился. Если бы не его лысина, мир никогда бы не узнал, что такие парики. Не косметические, а вот такие декоративные, напоказные.

Женщины, быстро сообразив, что пьяная солдатня если и вошла в столицу, то к императорскому дворцу ее и близко не допустят, в лучших нарядах толкуются в самых посещаемых залах и картинных галереях, на новых хозяев смотрят с испугом и надеждой.

То ли не знают, что Багровая Звезда уже в наших руках, то ли знают, но не могут поверить. Для них достаточно и того, что спасли дворец от восставшей черни.

Что я и есть глава этих таинственных воинов, одетых и вооруженных так странно, поняли сразу по тому, как кланяются мне эти спасители. Я на каждом шагу видел сияющие глаза и многообещающие улыбки, предлагающие вот прямо сейчас и сразу.

Я посматривал с вялым интересом, красивую женщину легко отличить от некрасивой, но среди конкурсанток на титул лучшей красавицы мира трудно выбрать самую-самую, а во дворце императора собраны самые прекрасные женщины империи.

Сейчас вот у перехода в коридор три женщины торопливо присели в почтительном поклоне, я шагнул было мимо, но что-то остановило, повернулся, все одинаково блещут красотой...

Я взглянул на крайнюю слева.

– Леди, вы готовы разделить сегодня со мной постель?

Ее полные губы тронула едва заметная улыбка.

– Отважный вождь, все женщины мира были бы счастливы разделить с вами постель. Но почему я?.. Вот моя подруга, леди Эльзивелла, почти вдвое моложе... посмотрите, как она свежа!

– Весьма, – согласился я. – Жду вас в покоях императора. Кстати, уже ночь, если вы заметили.

Они остались в полуприседе, а я пошел за ожидающим меня Чекардом. Хрен они заметили, мелькнула сердитая мысль. Это мы засиживаемся на службе до полуночи, а для них жизнь только начинается вечером, в полночь самый разгар, танцы, адюльтер...

У лестницы на каждом этаже по двое наших, но во дворце тихо и пустынно, Чекард впереди обернулся, живой и сверкающий белоснежной улыбкой.

– Ваше величество, вот покой императора. Мы все проверили, посторонних нет, но трогать ничего не трогали, поэтому все же будьте осторожнее.

– А почему вчера не проверили? – спросил я сварливо. – На ложе обнаружил какую-то бабу... Еле выгнал!

Он сказал виновато:

– Ваше величество, через дверь никто не проходил. Мы еще раз простучим и осмотрим все стены. А через коридор муха не пролетит!

Я толкнул дверь, из покоев императора хлынул яркий свет. Огромные покой выглядят торжественно и помпезно, а высокое ложе под красным балдахином почти затерялось в этих просторах.

– Я поставлю охрану и внутри, – предложил Чекард.

Я отмахнулся:

– Достаточно тех орлов, что у лестницы. Империя огромная, а нас маловато. Распределяй людей мудро. Ладно, одного поставь и в спальне, но только не рядом с кроватью. Хотя нет, оставлю одного из своих.

Он поклонился и, отступив в коридор, закрыл дверь. Одежду я сбросил на спинку кресла, привычек не меняю, а приученные слуги уже не бросаются помогать одеваться и раздеваться. Давно объяснил, что еще не инвалид, в походах не до церемоний, а я весь из походов, завоеваний и побед, запомните, морды.

На столике подле ложа мелкие красиво оформленные вещицы. То ли для выстригания волос в носу, то ли чтобы пудрить щеки, и пока я осторожно перебирал их, стараясь ощутить, есть ли магия, дверь неслышно приоткрылась.

Осторожно вошла та красивая женщина, волосы все еще в высокой причудливой прическе, но платье сменила на нечто среднее между длинным плащом и халатом, нижний край послушно тащится сзади по полу.

– Ваше величество, – прошептала она, – ваш страж направил меня сюда...

Я поманил ее кончиками пальцев.

– Поближе, леди.

Она так же медленно приблизилась, глаза крупные, в некотором испуге расширенные, проговорила тихо:

– Вы из тех мужчин, которые используют женщин только для удовлетворения естественных нужд. Потому почему я?

Я смотрел, как она медленно потянула завязки плаща у горла. Тяжелая ткань потянула вниз, плащ соскользнул на пол, а она, совершенно нагая, просто и без жеманства вышла, как из раковины, и, отодвинув одеяло, легла, глядя в потолок.

– Сдвиньте ноги, – посоветовал я, присев рядом с ней. – Успеем. Вы здесь потому, что показались мне умнее остальных. Как своих подруг, так и остальных в залах. Может, на самую малость, но лучше больше, чем меньше. Конечно, я не всех видел, но все же... Расскажите про здешний двор, нравы, порядки.

Ее глаза чуть сощурились, во взгляде появилась ирония.

– Смогу ли удовлетворить человека, который безбоязненно ложится в постель самого императора?..

– Как женщина, – сообщил я, – меня любая служанка удовлетворит, а вот как умная женщина... посмотрим. Рассказывайте.

Она внимательно смотрела мне в глаза.

– А можно... точнее? О чем именно? Вы же понимаете, мир исчезнет через несколько дней, а то и часов.

– Предположите, – сказал я мягко, – что не исчезнет. В это трудно поверить, но Багровая Звезда Смерти отныне в наших руках. И теперь все зависит от того, как мы, победители, относимся к этому миру.

Ее глаза стали огромными, я едва услышал шепот:

– Шутите?

– Если не поверите вот так сразу, – сказал я, – просто предположите и... исходите из такой вот новой ситуации. А теперь рассказывайте. Сами выбирайте, с чего начинать.

Она чуть наклонила голову, не сводя с меня испытующего взгляда. Похоже, озадачил, вот так в роскошной нежнейшей постели рядом с молодой женщиной, обнаженной и сочной, задаю вопросы о порядках в этой империи, это что-то особенное, и нужно быть действительно мужчиной, чтобы не страшиться уронить свою репутацию самца.

– Хорошо, – произнесла она ровным контролируемым голосом, – в империи двадцать восемь королевств, около сотни княжеств и примерно две-три сотни герцогств...

– А почему только примерно?

– Есть места, – прощебетала она, – куда не ходят багеры. И невозможно определить, сколько там герцогств и даже княжеств. Возможно, там и королевств больше, чем принято считать.

Лицо ее оставалось непроницаемым, а голову чуть приподняла, чтобы глаза ушли в тень от балдахина, однако блеск в них стал только ярче, словно там зажглись звезды.

– Хороший ответ, – одобрил я. – Не по-женски точно и емко. И как император смотрит, что почти третья империи не контролирует?

– Чуть больше, – поправила она, – чем третья, однако... почему не контролирует? Те затемненные королевства заперты в своих границах. Значит, под контролем. Общим контролем.

– Хороший термин, – одобрил я. – Затемненные... В самом деле хорошо замечено. Не темные, не тайные, так как все же примерно понятно, что там происходит... но как относится к этому император?

– Император контролирует империю из двадцати восьми королевств, – напомнила она. – Этого достаточно.

– Достаточно?

Она не сводила с меня взгляда.

– Вы так не думаете?

– Вы тоже так не думаете, – ответил я. – Умные женщины замечают больше умных мужчин. А если еще умеют делать выводы... Вы же умеете?

Она произнесла осторожно:

– Насколько это удается...

– Император пытается подчинить затемненные?

– Император, – ответила она осторожно, – хотел бы подчинить все на свете, это привычный мужской зов... И, конечно, пытается. Но еще больше поглядывает на соседние империи, где все знакомо и понятно.

– Хотел бы распространить свою власть?

– Скорее, отщипывать по кусочку. По королевству, например.

Она отвечала осторожно, обдуманно, хотя и достаточно быстро, демонстрируя ясность и гибкость ума. Я наращивал темп вопросов, начал касаться экономики и прав различных сословий, а потом уже не касался, а влезал в самое нутро глубинных процессов, и снова она отвечала непривычно для женщины четко и без запинки.

Наконец я умолк, некоторое время лежал, закинув руки за голову, а она после паузы спросила тихо:

– Я могу идти, Ваша Небесность?

– Не позорьте грозного завоевателя, – ответил я недовольно, – сейчас кровь из мозгов отхлынет.

– Может, – предложила она так же тихо, – ей помочь?

Утром она выскользнула из покоя, укутавшись в плащ и опустив капюшон на голову. Никто не узнает, с кем провел ночь грозный властелин Багровой Звезды Смерти, хотя императорам нет нужды скрываться, а ужасным завоевателям с Севера тем более.

Я запоздало подумал, что даже не спросил ее имени, как раз тот случай, как завистливо сказал то ли Митчелл, то ли один из разведчиков Норберта, что их император брюхатит кого хочет, а имена ему ни к чему.

Свет в окна спальни падает со двора, в какой момент погас, как-то не заметил, нужно разобраться. Чудеса люблю, но только если сам ими управляю.

В дверь заглянул, услышав из коридора шевеление, Хруерт.

– Ваше величество, завтрак подать сюда?

– Поем со всеми, – сообщил я. – Мы сейчас в чужой стране, не забывай, дружище. Держитесь вместе! Поодиночке не... ну разве что к бабам. Но и то недалеко. Хотя к здешним можно и вдвоем.

Он поклонился, пряча заблестевшие глаза.

– Сэр Ричард, да кое-кто уже успел... Но я на посту, только завидовал. И Умальд со мной, хотя в пустом коридоре чего делать вдвоем?

– Не всегда же на посту, – сказал я с пониманием и добавил строго: – Но с местными даже в постели нужно думать о родине!

Он вытянулся, сообщил поспешно:

– Ваше величество, сэр Норберт велел сказать, стол накрывают в нижнем зале.

– Удобно, – одобрил я. – Местные должны видеть наше величие. Скажи там, я посовещаюсь с Господом и сразу приду к ним!

Глава 2

Неспешно и величаво спускаясь по широким ступеням, укрытым красным бархатом, услышал внизу знакомые голоса, бодрые и, как говорят, исполненные силы, что значит грубые и безоберточные, как бы простые и мужественные, мы не женщины, у которых должна быть богатая тональность.

Зал исполинский, но в нем всего три стола, только для военачальников, да и тем мест недостает, потому завтракают быстро, освобождая стулья.

В зал то и дело заглядывает из коридора, но не входит Юстер.

Блестящая кираса слегка помята, на выпуклой груди царапины, выглядит озабоченным, но не похоже, чтобы в чем-то создавал проблемы моим людям.

Я подошел со спины, он уловил по грохоту сапог моих телохранителей, что главное сзади, торопливо развернулся. Я милостиво кивнул ему, он поспешно отвесил короткий поклон.

– Сэр?

– Хорошая работа, сэр Юстер, – сказал я.

Он ответил хмурым голосом:

– Я не рыцарь.

– Отныне рыцарь, – сообщил я величественно. – Я, император, лично посвящаю вас в сие благородное сословие за отвагу и стойкость при исполнении долга. Продолжайте обеспечивать закон и порядок. Если понадобится, привлекайте моих людей. Мы, как вы заметили, олицетворяем закон и порядок, как и принято в армии. Похоже, эту ночь не спали?

Он ответил с заминкой:

– Как и две предыдущих. Потому, простите, соображаю плохо.

– Отоспитесь, – посоветовал я. – Пусть поработают ваши младшие командиры. Не все разбежались?

Он ответил с неловкостью:

– Все.

– Выберите из рядовых, – велел я, – кто остался верен долгу и вам, как отцу-командиру. Повысьте в должности, это даст и прибавку к жалованью. А так вообще ничего особого не случится.

Он всмотрелся в меня с тревожным ожиданием.

– А вы, сэр... почему вас называют императором?

– Не похож? – спросил я. – Потому что мы в походе, а в походе я полевой вождь, что гораздо выше любого наследного императорства.

От третьего стола уже орут и машут мне руками. Я улыбнулся Юстеру и пошел к ним, растопыривая руки для объятий, увидев сэра Растера, Макса и графа Келляве.

Слуги торопливо внесли еще стол, чуть поменьше, моментально уставили широкими блюдами с жареным мясом, рыбой, разложили большие круги сыра.

Макс предупредил торопливо:

– Я на минутку!.. Нужно пообщаться с сэром Рокгаллером, есть общие интересы насчет снабжения армии не только из столицы. Пуще на местах организовать...

– Успеешь, – заверил я и, обняв всех по очереди, усадил за стол. – Как у вас?

Растер прогрохотал довольно:

– Мы проверили и взяли под контроль казармы. Солдаты здесь хреновые, почти все разбежались. Правда, с оружием, что хорошо... и что, конечно, плохо... Зачищают от грабителей окрестные деревни, откуда везут сюда провизию и вино.

Передо мной поставили тарелку с парующим мясом, слуг пока на кухню решили не допускать, люди Норберта готовят сами, но вполне съедобно и даже вкусно.

– Как прошла ночь? – осведомился я. – Без нападений?.. Какие-то странности?

Докладывали не поднимаясь, я запретил, мы в походе, а не во дворце, хоть и во дворце, но в походе, не до пышных ритуалов.

Далеко у входа в холл еще пару раз мелькнула фигура Юстера, все никак не решится пойти спать. Ответственный командир, старается понять, кто же я такой, что за император, а сверкающая на солнце страшная громада Маркуса все еще не убеждает, слишком невероятно. В ту сторону местные стараются не смотреть, о Багровой Звезде Зла не говорят, это как неизбежная смерть, о которой пытаются даже не думать.

К тому времени, как перешли к десерту, все новости я услышал, да и какие здесь новости, все затаились и ждут. Наконец Кенговейн, верный вассал Альбрехта, сел рядом и сказал тихонько, глядя в тарелку:

– Ох, сэр Ричард...

– Что-то случилось? – спросил я с сочувствием.

– Мир перевернулся, – ответил он с каким-то странным смешком. – Я тогда тоже подумал, как и все, что вы пошутить изволили... ну, насчет доступных женщин, чем выше, тем... ну как бы...

– А-а-а, – сказал я, – кого-то уже?.. Герцогиню, не меньше?

Он ответил шепотом:

– Стыдно признаться, но не я, а меня... Даже не думал, что женщины могут быть такими смелыми. И пикнуть не успел... Даже и не знаю, сэр Ричард... как с этим вот будете бороться?.. Молодежь не удержим точно...

– Будем, – пообещал я. – Вы же молоды, сэр Бриан, а вот уже почти удерживаетесь.

– Как удержите?

– Пойдем от обратного, – пообещал я. – Никаких «низзя», не подействует, а напротив – сделаем еще доступнее! Чтоб никакой сладкой запретности. Укажем этим утехам их истинное место, а оно, если уж

правду, крайне низкое. Ценное только для простолюдинов. Это же любой таракан умеет! А уж про козлов вообще молчу.

– И что, – спросил он с недоверием, – откажутся?

– Не откажутся, – согласился я, – но не будут ценить и вообще придавать значение. То, что для местных ловеласов почти цель жизни, они все на уровне тараканов, для наших будет как посрать сходить. Необходимость есть, даже некоторое удовольствие, но на политику партии вашего лорда и предстоящий подъем сельского хозяйства влияния оказывать не будет.

Он покрутил головой.

– Ох, сэр Ричард... На все у вас есть решение.

– Вот только насчет императора нет, – ответил я тускло, – хотя с магами почти решил... Там как, народ уже собирается?

– Четверть армии готова загрузиться в Маркус, – заверил он. – Еще четверть подтягивается, жует на ходу. Остальные будут удерживать, как вы и велели, позиции здесь. У всех такой подъем, даже страшно. Все вообще-то готовились сражаться со всей яростью...

– Подъем, – сказал я, – всегда страшно. Потому что за подъемом... в общем, тоже дожуем на ходу. Но сперва дождемся разведчиков с последних багеров.

Подошел Альбрехт, вид достаточно разочарованный, издали покачал головой. Я указал ему место рядом, он сел, обеими руками придинул блюдо поближе, очень серьезный, покачал головой.

– Сэр Ричард, в канцелярии императора обшарили все.

– Насчет карт?.. Вы ешьте, дорогой герцог, а то как-то худеете неприлично.

Он ответил хмуро:

– Ни одной карты! То ли сожгли, то ли унесли с собой. Хотя не понимаю, какой смысл?

– Может быть, – предположил я, – для истории? Или ищут закономерности? Да ешьте же, а то скажут, что всех объедаю.

Он нехотя взял в руку нож, но есть еще не стал, поинтересовался:

– Какие закономерности?

– Сравнивают, – пояснил я, – с тем хаосом, что был после предыдущих визитов Маркуса? Вдруг разломы всегда на одних и тех же местах?.. Ладно, ждем возвращения разведчиков.

– Норберт уже во дворе, – предупредил он. – Там все время кто-то да возвращается. Есть и совсем интересные новости.

Я с энтузиазмом потер ладони:

— Прекрасно. Сейчас закончу с этой перепелкой, и пойдем. Хотя ладно, дожу на ходу...

Обглоданную ножку вручил обомлевшему лакею у выхода, Альбрехт по дороге рассказал, что сэр Джуллиан, Верховный Псарь, выказал себя настоящим государственником: гонцы по его указу ринулись на багеры, спеша попасть во все концы империи, а так как большинство его работников пребывают в столице, то уже к вечеру их доставили в его прежний кабинет, где всех впряг в работу, и сейчас вот еще пашут со вчерашнего вечера не поднимая головы.

Верховный Псарь как будто услышал, что разговор о нем, торопливо догнал нас, поклонился совсем не со вчерашней слоновьей грацией.

— Ваше величество, — заговорил он с подъемом, как и следует говорить с королями и императорами, — четверых-пятерых работников доставят завтра — и кабинет будет работать в полном объеме!

— Ваш кабинет, — сказал я.

Он спросил с радостно-пугливой настороженностью:

— Ваше величество?

— Это ваш прежний кабинет, — напомнил я, — вы их знаете и за них отвечаете. Потому уверен, у вас все пойдет без шероховатостей и весьма зело правильно. Империю нужно спасать, а ваши люди выступят в роли спасителей!.. Да-да, ваши. Мы всего лишь армия, репрессивный аппарат, который обеспечит проведение ваших мудрых решений в жизнь и моду.

Он польщенно улыбнулся:

— Ваше величество!.. Я все не могу прийти в себя, как вы помогли с моими хворями... Это просто чудо!

— Я действовал в интересах империи, — напомнил я величаво. — Теперь сумеете сделать для нее больше, не так ли?

Он учтиво поклонился, я отпустил его небрежным взмахом пальцев, Альбрехт некоторое время двигался рядом, все такой же церемонно подтянутый и нарядный, но телохранители по его знаку раздвинули вокруг нас пространство, а когда мы спустились по широким мраморным ступеням в бескрайний двор-сад, сказал негромко:

— Канцелярия императора заработала в полном составе. Почти в полном. Как, довольны?

— В общем, да, — ответил я настороженно. — А вы?

— Тоже, — ответил он. — Как можем быть недовольны, если сюзерен доволен?.. Но все-таки как бы вам сказать помягче...

— Ах, еще и помягче?

Он ответил очень серьезно:

– Мы уже об этом говорили... Вам не кажется, что все идет слишком... мирно? Не-нет, я не призываю убивать и грабить, но такое впечатление, что нас как бы и нет. Или есть, как некие любопытные декорации. Мы спасли мир, но он не слишком нас заметил!

Я нахмурился, кивнул:

– И вы почуяли?..

– Да, – ответил он с облегчением. – Рад, что и вы, а то уж начал было всякое думать! Все работают, с нами никто не спорит, но такое впечатление...

– Ну-ну?

– Вот появится их император, нас сдует как паутину, и все будет как прежде. А нас вроде бы и не было.

Я пробормотал:

– У вас хорошее чутье, герцог.

– Спасибо, – ответил он. – Но вы давно заметили? Или вообще сразу?

– И сейчас не знаю, – ответил я откровенно, – как переломить это вот все. Ладно, пойдемте. Кстати, срочно призовите сэра Рокгаллера.

– Он в своем кабинете...

– Хорошо, – сказал я. – Пусть со своими людьми зайдет в зал, где соберутся сотрудники Джуллиана.

Альбрехт посмотрел на одного из своих вассалов, что в двух шагах, внимательно слушает, тот по движению бровей сюзерена бросился от нас со всех ног к административному корпусу.

Мы неспешно прошлись по залитому солнцем двору, демонстрируя, что в Багдаде все спокойно, все схвачено, контролируем если не весь мир, то империю точно, а она и есть он весь, хотя большинство местных вообще не представляет, что жизнь продолжается и за стенами исполинской столицы.

По обе стороны ухоженные газоны и умело подстриженные клумбы с цветами, то ли садовники продолжают работу, несмотря на грядущую гибель мира, то ли маги постарались, чтобы как бы само.

Фонтанчики тоже бьют с перерывами, заодно поливая землю, дальше увидели большой бассейн, как предупредил Альбрехт. Я полагал, что этот гигантский водоем и есть большой бассейн, но за ним оказался еще один, настоящий пруд, по зеркальной глади величаво передвигаются лодки ярко-красного света под такими же красными, а то и вовсе оранжевыми навесами из тонкой ткани.

Видны фигурки ярко одетых женщин и кавалеров, доносятся звуки томной музыки.

На берегу озера сэр Норберт короткими взмахами рассыпает своих разведчиков, те с разбегу прыгают в седла, это у них признак элитности, и уносятся в бешеном галопе. Мы приблизились. Норберт повернулся к нам.

Альбрехт сказал ему насмешливо:

– А-а-а, на баб любуетесь?

Норберт ответил с холодным презрением:

– Не могу смотреть на такой позор. Такое только вам может понравиться, вы же такой нарядный...

– Поворачиваем, – велел я. – Надеюсь, в зале все уже собрались.

На ступеньках здания, когда мы возвращались, маячил человек Джуллиана. Мгновенно исчез, едва увидел нас, Альбрехт сказал едко:

– Как раз успеют перестать лупить друг друга папками и примут важный вид.

– И сделают вид, – добавил Норберт, – что трудятся не поднимая головы.

В коридоре пусто, только из распахнутой дальней двери высовывается голова в парике, а когда мы прошли половину пути, исчезла, донесся зычный голос:

– Его Небесное Величество Ричард Длинные Руки!..

Я вошел в зал тяжелыми, как надеюсь, шагами. Все уже стоят за столами, а при моем появлении низко склонились, так что вместо лиц мой грозный взгляд прошелся только по блестящим белым парикам.

С ходу окинув их таким же давящим, как и моя походка,ластным взглядом, я заговорил медленно и по-державному весомо:

– Лорды!.. В связи со сложной международной обстановкой и внутренними волнениями в государстве я со скорбью в сердце беру на себя полномочия Временного Правительства.

Все, выпрямившись, застыли, не решаясь даже шевельнуться, а я, как гигантский уж, посмотрел на них, вкусных жаб, обрекающим взглядом.

– Как вы поняли, – договорил я, – отныне все приказы, касающиеся важных вопросов, я имею в виду имперские, исходят только от меня. Сэр Альбрехт, вы будете скреплять печатью только те приказы и мудрые указания, что получите от меня лично!.. Или же те, которые мне подаст на рассмотрение сэр Джуллиан, а я великодушно одобрю. У причальных колонн отныне будет стража. На багеры пропускать только тех, у кого окажется пропуск именно из моей канцелярии!.. Все предыдущие пропуска отменяются. До отмены военного положения... Сэр Рокгаллер!

Рокгаллер поднялся бодро, почти вскочил, несмотря на солидный вес и общую осанистость знатнейшего вельможи.

– Ваше величество?

– Сэр Рокгаллер, – сказал я державно, – на ваших плечах, плечах военного коменданта с особыми полномочиями, вся столица!.. Сэр Максимилиан, здесь? Снова занят?.. Ему предписано обеспечивать порядок в империи. Пусть сам распределит, кто из его командиров отвечает за какое королевство. Они тоже считаются военными комендантами, но не столиц, а королевств. А вы все привлекайте для несения патрульной службы необходимое количество воинского контингента, любой ценой обеспечивайте закон и порядок с человечьим лицом!..

Альбрехт слушает с неподвижным лицом, Норберт тоже не двигается, только по глазам вижу, доволен.

– Сэр Джуллиан, – сказал я, – вся гражданская власть в ваших руках. Пользуйтесь ею решительно и бескомпромиссно. У нас сейчас уникальная смычка здорового воинского начала с мудрой гражданственностью! Это даст такие плоды, что даже подумать страшно.

Глава 3

Я красиво и величественно развернулся, каждое мое движение должно говорить о моци и власти, пошел к выходу, а за мной двинулись Альбрехт и Норберт.

Альбрехт спросил в коридоре шепотом:

– Сэр Ричард, зачем вам это?

– Что именно?

Он сказал еще тише:

– Затея с пропусками на багеры. Пока пусть только наши. А местные сидят на месте. Так спокойнее. А потом, когда все устаканится...

– В старину говорили, – напомнил я, – кто контролирует дороги, тот контролирует мир. Не говорили? Тогда это я сказал, а мое слово самое весомое и мудрое!.. Даже исполненное мудрости, а это еще весомее, хотя и не понимаю почему.

Норберт сказал сухо:

– С вашего разрешения я пойду проводить в жизнь ваши такие ясные, хоть и непонятные решения, Ваша Небесность. Пока не переиначили в связи с чем-то важным. Типа вожжа под хвост попала.

Он поклонился и отбыл, Альбрехт некоторое время задумчиво смотрел ему вслед.

– Главное, – сказал он примирительно, – результат, как вы уже

говорили. Не важно, как достигнут, зато все видят, что получилось... Сэр Ричард, а какой результат ожидаете? Что-то впервые не понимаю.

Я огрызнулся:

– Думаете, я понимаю? Вся надежда была на вас, герцог!.. Вот поймете раньше меня и вовремя подскажете, а я всем скажу, что сам придумал. Я же мудрый и отец народа! Правда, уже сам не знаю какого.

Он посмотрел с великим сочувствием в серых строгих глазах.

– Да, это не с бароном... как его звали?.. тягаться. Тогда было труднее, но проще. Сейчас легче, но труднее, верно?

– Вот-вот, – согласился я. – Легче, но труднее. И как быть? Теперь ни за кого не спрятаться. Сейчас, сэр Альбрехт, прячутся за нас. Неуютно как-то весьма.

– Даже зело, – согласился он. – Зело весьма... Или весьма зело?

– С вами и это забудешь, – огрызнулся я. – Где у нас узкие места?

Он заметно посерезнел, а голос прозвучал жестко:

– Как ни странно, но по всей империи. Даже здесь, в королевстве, как оно зовется?.. Более того, рядом со столицей.

Я насторожился:

– Ну-ну?

– Багеры, – напомнил он, – не охватывают всю империю и даже королевства.

Я сказал с неудовольствием:

– Знаю-знаю. Уже посмотрел карту, составленную Норбертом и подправленную Верховным Псарем. Кстати, стоило бы заменить ему титул на более благозвучный...

– Верховный Открыватель Дверей, – предложил он моментально. – Смотритель за окнами!.. Подаватель золотой чаши!.. Блюститель нравственности!

Я презрительно отмахнулся:

– Ну да, стоит шагнуть в сторону от серьезного разговора, у вас у всех сразу и мозги ожидают! Такие все находчивые, умные, изобретательные. Так вот, этот Джуллиан всего лишь надписал названия увиденных и отмеченных сверху городов. И все!.. Вы понимаете почему.

Он буркнул:

– Остальные знают еще меньше.

– Вот именно, – сказал я с досадой. – Зачем остальным такие абстрактные знания, а извозчики на что? Хоть он и Верховный Псарь, но тоже знает только те, над которым и пролегают маршруты багеров.

– И никто, – подчеркнул он, – даже император не знает большего. А

это опасно. Если смотреть как мы. Мы же смотрим?

– Приходится, – сказал я. – Мы не они, здесь просто живут, а мы заглядываем в завтра.

– Там очень страшно? – спросил он.

– От нас зависит, – ответил я мрачно. – В общем и целом карта империи выглядит как сплошная пустыня? Территория, куда не ходят багеры, как бы не существует?

– Именно, – подтвердил он. – А это девять частей из десяти. Представьте себе, император правит в реальности только десятой частью империи! Он даже не представляет, что в остальных.

Я посмотрел пристально, он перехватил мой взгляд и кивнул, подтверждая тревожную догадку.

– Куда не могут дотянуться императоры, – проговорил я замедленно, – туда могут маги... Вполне возможно, там их империя... Скрытая и очень опасная.

Завидев нас, оставив группу рыцарей, в нашу сторону пошел привычно тяжелым шагом граф Келляве. Сегодня он наконец-то сменил массивные устрашающие доспехи, где плечи и предплечья усажены короткими, но острыми шипами, сейчас на нем легкий панцирь из тонкой и прочной стали. Сверху набросил нечто из ярко-красной парчи, а вместо устрашающего стального шлема с острыми рогами в виде кривых зазубренных ножей голову украшает щегольская шляпа с пышными белоснежными перьями, похожими на взбитые сливки.

Альбрехт первым сорвал с головы причудливо оформленную шляпу и, согнувшись в поясе, замахал ею над выставленным вперед сапогом.

Келляве, к моему изумлению, тоже сдернул с головы шляпу и ответил почти таким же вычурным приветствием, хотя, конечно, не так элегантно и не так артистично, в этом Альбрехта никому в моей армии не перещеголять.

– Дорогойgraf, – сказал я с чувством, – я рад и счастлив, что вы так гибко ориентируетесь в этом мире!..

Он взглянул с недоверием.

– В самом деле так думаете?

– Граф, – сказал я с укором, – конечно!.. Это теперь наш мир!.. А они наши подданные, о чем скоро узнают. Потому из жалости и мужской снисходительности мы должны как бы уважать их обычай... в той мере, конечно, когда это и нам выгодно. А шляпу носить намного удобнее, чем тяжелый рыцарский шлем. Я сам...

– Вы шляпу не носите, – напомнил он с подозрением. – Правда, и

шлем тоже...

– Шляпу носить буду, – заверил я. – Когда дождь пойдет или чё... Или даже просто так, перед дамами походить петухом или Гоголем Николаем Васильевичем... Дорогой сэр Гастон, вы полководец, а в мире больших армий полководцы не скачут в бой впереди рыцарской конницы. Они наблюдают за битвами из тыла с дальнего холма! Зачем на холме тяжелые доспехи? А здесь вообще битвы отгремели две-три тысячи лет тому...

Он сказал с облегчением:

– Да я уже было засомневался. Сэр Растер пристыдил и обвинил в забвении рыцарских традиций...

– Рыцарские традиции, – заверил я торжественно, – переживут любые доспехи! Мы останемся рыцарями даже голыми. Доспехи, пусть самые изысканные, не сделают рыцарем надевшего их простолюдина! Вы все сделали верно, сэр Гастон.

– Да? А то сразу засомневался. Хожу, как будто в самом деле голый. Стыдно и перед дамами, а еще больше перед соратниками.

– Тогда и все здесь голые, а голым среди голых как и не голый вовсе. Вы просто раньше других схватываете новое. Как вам здесь?

– Прекрасно, – сказал он с чувством. – Даже не по себе. Только как-то все слишком празднично. Даже цвета такие... цветные! И чего то здесь, то там музыка? Куда ни пойди.

– Здесь живут радостно, – подтвердил я. – И радостью. Танцуют, слушают песни, любуются цветами... Сплошной отдых!

Он сказал ревниво:

– У них и работы настоящей нет, сражений нет, после чего отдыхать?

– Но все равно отдыхают, – ответил я. – Им почему-то кажется, что человек создан для вечного отдыха!

Он покрутил головой и сказал с чувством:

– Зря вы отца Дитриха не взяли!.. Здесь жечь и жечь...

– Жечь нужно отдельных несознательных граждан, – сказал я, – а когда таков весь народ?

– Лот сказал: «Господь, здесь спасать некого, жги!» И пять крупных городов как корова языком! Вместе с праведниками.

– Господь отныне, – напомнил я, – не вмешивается в дела людские и здесь.

– А кто теперь здесь Господь?

Мне показалось, спросил с неким ехидным намеком, потому ответил ему с торжественной напыщенностью властелина, который не опускается до шуточек:

– Мы! На Севере Господь, а здесь мы. И ни на кого не кивнешь, ни за чью спину не спрячешься, а как хочется, верно?.. Что натворим, то и получим. А Господь спросит с нас! По всей строгости милостивого и беспощадного христианства.

Он сказал примирительно:

– Здесь привыкли прятаться за спины магов.

– Изменим, – пообещал я.

– Как?

– Как всегда, – ответил я. – Магов уничтожим, а сами будем в панике выскакивать из-под падающей крыши дворца и рассыпающихся стен. А что делать дальше, будем думать на бегу.

– Да, – согласился он, – это верно как всегда. Веселая у нас жизнь! Каждый день по лезвию меча. Без всяких доспехов... Ваше величество?

– Сэр Гастон.

Он ушел, ступая так же тяжело и внушающе, словно все еще в тяжелых боевых доспехах.

Я проводил его взглядом, за спиной сопят Умальд и Хрурт, будто подталкивают к работе правителя. Ага, щас пойду работать, как же, я император, а не работник, а император, как теперь понимаю, это не только военный вождь и политик, но и вроде папы римского, только с поправками на реальность.

– Не оттопчите пятки, – сказал я сварливо. – И не дышите в затылок! Это у кого такое, как у дракона огнедышащего?..

У самого высокого здания у ворот, помимо двух охранников Юстера, маячит и разведчик Норберта, он кивнул, дескать, все под контролем.

Я повернулся к моим верным телохранителям:

– Ждите. Я недолго.

Хрурт ахнул:

– Но, сэр Ричард!

– Приказ, – отрезал я и, смягчив голос, добавил таинственно: – Дело государственной и международной важности! Если вы подсмотрите тайну, вас придется убить, чтобы спасти мир!

– Ох, – сказал Хрурт опасливо. – Чё, настолько серьезно?

Я таинственно улыбнулся и вошел вовнутрь. На лестнице между вторым и третьим этажами двое поджарых воинов из особого отряда Норberта вскочили на ноги.

– Ваше величество?

– Проверка, – сказал я веско. – Продолжайте. Враг не дремлет!

– Мы тоже, – сообщил он и, спохватившись, пугливо уточнил: – Но мы

как бы не враги.

Едва вышел на крышу, по глазам ударили радостный блеск драгоценных камней из груды колец, браслетов, подвесок и всякого рода амулетов на цепочках.

Я осторожно присел на корточки, пологая горка возвышается над полом на два кулака. Одних браслетов с полсотни, а кольцо так и вовсе не сосчитать, хороший ход я придумал...

Воздух сгустился, над головой звонко щелкнуло, словно лопнул воздушный шарик. В двух шагах возникла огромная фигура багрово-оранжевого цвета, пахнуло жаром.

Демон прижимает к груди широкими, как у тюленя ласты, ладонями крупный ларец, усеянный рубинами и темными агатами, а еще в ладонях блестит груда кольца и браслетов.

Он ступил ближе, молча высыпал все в кучу, развернулся на месте и мгновенно исчез с таким же хлопком.

Я проворчал с сильно стучащим от неожиданности сердцем:

– Хотя бы драсте...

Ларец выглядит таинственным и загадочным, замка нет, попробовал открыть, не получилось, крышка как приклеенная, ну да ладно, время еще будет... может быть.

Думаю, демон просто не заметил меня, у него задание, его и выполняет, ни на что не отвлекаясь, все бы так трудились, я бы вообще привел к щастю всех, кто остался бы жив.

Груда драгоценностей, что дороже любых бриллиантов и жемчугов, сверкает и просится в руки, но в груди начали разрастаться острые жалости и странное разочарование.

Как ликовал совсем недавно, заполучив даже простенькое колечко с волшебными свойствами! А сейчас вон целая куча...

На обратном пути, спускаясь по лестнице, шепнул:

– Габриэлла?

Из стены донесся негромкий голос:

– Повелитель?

– Продолжай, – велел я. – Он работает, ты охраняешь вверенный тебе объект. А потом свобода вас встретит радостно у входа.

Глава 4

На выходе из здания поджидал, как мне показалось, Альбрехт, хотя

виду не подавал, а когда увидел меня, приятно удивился, словно давно не видел, а я за это время прям похорошел и помолодел, хотя для этого мира это пока не главное.

– Все в порядке, Ваша Небеснозвездность?

– В относительном, – ответил я бодро, – а что у вас лицо какое-то не герцожье?.. Что беспокоит?

Не поднимая головы, он указал большим пальцем в небо.

– А вас не беспокоит?

Я взглянул, сказал недовольно:

– Могли бы и не заметить.

Он посмотрел с подозрением.

– Но вы заметили точно?

– Мне положено, – ответил я. – А вы должны заниматься насущными делами и заботами. Мы в дерьме по колено, а вы в небо смотрите? Может, еще и птичек слушаете?

Он ухмыльнулся:

– Думаю, вы эту штуку рассмотрели раньше всех. Она вас в самом деле ничуть-ничуть?

– Нисколько, – отрезал я. – На сегодняшний день.

– А как туда добраться, уже есть варианты?

Я сказал рассерженно:

– Герцог! До того ли нам? Ну ходит этот скайбагер в черном небе... да-да, оно там черное, ну и пусть ходит! Нам что?.. Мы должны думать о подъеме сельского хозяйства, если уж везде все так хорошо, а оно совсем не хорошо. Вы это знаете, но злостно скрываете!

– От вас никто не скроется, – заверил он. – Вы у нас раскрыватель великих тайн. Или даже Великий раскрыватель тайн!

– А можно Великий Раскрыватель Великих тайн? – спросил я. – Да?.. Хорошо. Тогда завтра с утра оставлю вас править, а сам отлучусь посмотреть на эти башни вблизи, на которые вы намекаете злостным молчанием. И раскрыть их великие тайны. Хотя вообще-то они не великие, да и, собственно, никаких тайн тоже нет.

Он спросил с подозрением:

– Что значит в одиночку? Император никогда не бывает один. Статус!.. Даже у брачного ложа должны стоять с обнаженными мечами двенадцать рыцарей из наиболее знатных семей, допущенных удостоверить подлинность консумации.

Я поморщился:

– А не на брачном?

– Шесть, – ответил он незамедлительно.

– Гм, – сказал я. – А если простую селянку на сеновале?

– Четверо, – сказал он непреклонно. – Мечи можно держать в ножнах, но за процессом должны наблюдать строго и непредвзято!.. Рождениеbastarda может быть великим благом, а может и великой бедой и потрясениями! Потому все должно быть под контролем наиболее знатных семей.

– Добрый вы, – сказал я с упреком. – И знаток рыцарских обычаев! Вроде сэра Растира. Вас двое, только он больше по воинской линии, а вы по придворной... Слушая вас, лучше понимаешь стремление монархов к самодержавию.

– Ваше величество?

Я отмахнулся.

– Кстати, вы первый уловили, что мы в железе выглядим немножко...

– Нелепо?

– Лепо, но не совсем, – уточнил я, – учитывая местные особенности. Здесь давно не было войн, нет необходимости в доспехах. Разве что у стражников легкие латы, заметили? А так у всех под роскошными камзолами даже кольчуг нет, удивительно? И какая это стража?

– Это я заметил, – сообщил он. – Почему-то не удивился. Наверное, для них это естественно. Да и я привыкаю к удобствам быстро. Старею, наверное.

Я сказал сердито:

– Здесь все смолоду старики. Мы не должны принимать их моду, иначе выкажем себя в чем-то ниже их. Но и таскать на себе железо не стоит. Постоянно не стоит. Мы уже победители! Сейчас всего лишь поддерживаем закон и порядок.

Кенговейн, который старается по возможности не слишком далеко отлучаться от своего суворена, услышал, спросил с непониманием:

– Я готов снять часть доспехов... но не ущемит ли достоинство?

– Не ущемит, – заверил я. – И даже тяжелое оружие можно убрать. Двуручные мечи и боевые топоры глупо таскать по дворцу. Мы ничего не боимся в этом изнеженном мире!.. Но кинжалы на поясах оставьте. Это наш статус и напоминание, кто хозяин.

Он спросил быстро:

– Местные не носят?

– И не будут, – подчеркнул я. – А вот вы да!.. Потому как бы ярко ни наряжались, но оружие дает власть, как сказал великий полководец Мао Самое Красное Солнце. Сообщите всем нашим! У северянцев собственная

гордость, на клонзейдцев смотрим свысока!..

Он сказал с облегчением:

– Спасибо, сэр Ричард!.. У вас все в порядке? У вас такое лицо...

Я спросил с раздражением:

– Да что с ним не так?

Альбрехт ответил за своего вассала:

– Озабоченное какое-то. Весьма. А правитель должен быть весел и ясен, как светлый и радостный дурак. Тогда и все вокруг проясняются. Король – это все на свете, а император так вообще.

– Ага, – сказал я, – король-солнце. Всех освещает. Хотите составить компанию?

Он отшатнулся:

– Освещать?

– Нет, – успокоил я. – Подняться раньше солнца и посмотреть, как солнце, на мир сверху. Вы здорово меня тряхнули, дорогой друг. Я ночь не спал, думал о местах, где не проходят маршруты багеров. Представляете, рядом со мной теплая и мягкая женщина, а я о багерах!

Он сказал с сочувствием:

– Плата за власть.

– Не забудьте листы бумаги пошире, – посоветовал я. – Где не проходят багеры, пройдет Маркус. Увидим то, о чем не догадывается сам император!..

Он сказал с нажимом и очень серьезно:

– Но маги знают больше императоров.

– Да? – спросил я. – Тогда готовьте десантные отряды. Или уже готовы?

Он дернулся, слишком уж резкие у меня переходы от одной темы к другой, даже отодвинулся на полшага.

– Ваше величество?

– Нельзя с багера, – отрубил я, – можно с Маркуса. Он у нас всеполетный внедорожник.

Он сказал быстро, словно тоже раздумывал над подобными вариантами:

– У нас мало свободных людей!..

Кенговейн уточнил:

– Вообще нет, если честно. Все расписано.

– Попробовали бы со мной говорить нечестно, – ответил я с угрозой. – Снимите два-три десятка из тех, кто не слишком загружен и кого можно изъять... .

– Хорошо, – ответил он послушно. – На какое время?

– Пока не выстроят причальные пирамиды, – отрезал я. – В тех местах, над которыми багеры останавливаются и зависают хотя бы на минуту. Потом сразу могут вернуться.

– Думаете, после их ухода местные не разрушат?

Я посмотрел с интересом.

– Шутите? После того, как спустимся перед их столицами на Багровой Звезде Зла?

Он смущенно потупился.

– Простите, ваше величество. Сглупил.

– Пирамиды пока любые, – уточнил я. – Пусть хоть из дерева и веревок! Не сами, конечно, они ж теперь все благородны! Сгонят простых неблагородных и заставят поработать на благо империи. Да и на свое тоже. Мы несем культуру в массы!.. Кто попробует остаться безкультурным, горько пожалеет. Высокая культура безжалостна.

Он спросил с недоверием:

– А как… местные?

– В смысле?

– Если воспротивятся?

– В таких местах нет армий, – напомнил я. – Из-за бесполезности. Разве что городская стража, что ловит воришек. Потому препятствий не будет, но действуйте жестко и безжалостно. Будете миндальничать – сразу обнаглеют, по себе знаете. Кстати, сам попозже побываю в таких местах, проверю, почему вдруг решили жить в изоляции. Вдруг это воля народа, а не короля-деспота?

Он спросил вкрадчиво:

– А если в самом деле воля народа?

Я посмотрел исподлобья и ответил с нажимом:

– Думаете, я не демократ? Именно как демократ я заставлю народ делать то, чего желает культура и бесчеловечный, но необходимый лучшим людям населения прогресс!

Он поклонился, разводя перед собой руками, словно разбрасывал пеликанам мелкую рыбку.

– Уверен, ваше величество в первом же таком скрытом месте отыщет… да-да, отыщет универсальный рецепт по осчастливливанию народа и населения любого из королевств. Как скрытых, так и открытых.

Кенговейн уточнил с трусливым восторгом:

– По всем таким… безбагерным?

– Как базовый, – уточнил я. – А вообще применим везде, где влезем.

Людей нужно делать счастливыми! Хотят они того или нет.

Перед сном я поднялся на крышу, Кракандельт за это время натаскал сверкающую горку высотой мне до колена, я полюбовался, вздохнул, снова вспомнив, как ликовал когда-то, заполучив первое колечко с магическими свойствами.

Демоны, к счастью, не знают понятия сна, Габриэлла бдит на охране, Кракандельт неустанно очищает брошенные Башни, я постоял пару минут, чувствуя странную тоску и некую утрату, когда наконец-то вот она, абсолютная власть, а как будто потерял больше, чем приобрел.

На обратном пути, осваивая новые маршруты, прошел через анфиладу залов, параллельную тем, что прямо от входа, мужчины предпочитают прямые пути и даже дороги.

Как и подумал, здесь больше для женщин, в одном из залов даже роскошный сад, деревья здоровые и здоровенные, некоторые цветут, другие уже в багрянце осени, в кронах распеваются птицы, носятся по веткам белки, прыгают с дерева на дерево.

Я остановился, наблюдая, как по саду идет в длинном платье, загребающем листва, юная девушка с пышным букетом свежесорванных цветов, впереди почти в центре зала слегка покачиваются качели в виде резной доски из красного дерева. Цепи качелей густо увиты гирляндами цветов, это должно смотреться красиво, да и смотрелось всегда под этим углом простодушных дикарей, но я продукт иного воспитания, вижу дикую дуру, что не понимает, если цветок нравится, то надо хотя бы не трогать, если лень полить или укрыть от солнца.

Так нет же, понравившийся цветок обязательно тут же убьет, сорвав, чтобы поносить какое-то время и выбросить, потому что сорванный цветок – мертвый цветок, быстро выказывает признаки смерти и разложения, вянет и превращается в слизь.

И все эти букеты цветов – собрание трупов цветов, причем именно отрезанных половых органов, что вскоре будут выброшены, едва завянут, тем самым не дадут красивым цветам размножаться, а вот сорнякам такое на радость, их не рвут.

Я прошел мимо, даже голову отвернул, чтоб не замечать ее присед, хотя наивная дура не виновата. Девушки с цветами в руках всегда воспевались, сколько таких портретов кисти старых мастеров, поэты, любители прекрасного, им бы еще кроликов резать, чтобы любоваться судорогами несчастных существ, а цветы тоже существа.

Делая вид, что просто бесцельно прогуливаюсь, прошелся по залам,

осматривая стены в портретах, красочные gobelены, мраморные статуи в нишах и затейливые лепные украшения на своде и стенах.

Придворные торопливо бросаются навстречу, но, остановившись шагах в пяти, как велит строгий этикет, склоняют головы, а женщины приседают, придерживая края платья растопыренными в стороны.

Долго искать не пришлось, женщина с умными глазами с двумя теми же подругами весело щебечет почти на том же месте, где я ее увидел вчера.

Все трое присели, я замедлил шаг, две в ужасе смотрят в пол, а одна медленно подняла голову.

Наши взгляды встретились, я сказал негромко:

– Леди, вы не закончили вчера о ритуалах вашего королевства, бесстыдно захрапев на самом интересном месте... Рассчитываю, сегодня закончите свой рассказ.

И, не дожидаясь ее ответа, пошел дальше, уже строгий и государственный, весь в думах о народе, свободах и насчет усиления военного режима в интересах роста ценностей демократии с человеческим лицом.

Хруерт расположился было с внутренней стороны двери спальни, я сказал с сочувствием:

– Я еще не настоящий император. Потому пока марш в коридор!.. Потом видно будет. Может быть, даже придворных будем допускать смотреть, как император просыпается, зевает, потягивается, как его одевают и причесывают... Но я человек деловой, буду за это брать деньги. А тебя поставим кассиром!

Он ухмыльнулся и вышел в коридор. Я едва успел раздеться, как дверь снова приоткрылась. На миг мелькнула рожа Хрурта, в комнату проскользнула женщина в длинном плаще с надвинутым на лицо капюшоном.

– Спасибо, – сказал я, – не люблю ждать.

– Как может ждать император, – прошептала она. – А если бы заснул, какой ужас!..

– Не представляю, – согласился я.

Я отодвинулся, давая ей место с краю, хотя на ложе можно разместить команду чирлидерш, она тихонько скользнула под одеяло и замерла там тихая, как мышь.

– Ну чё, – сказал я лениво, – приступим к удовлетворению животных потребностей?

Она перевернулась на спину и послушно раздвинула ноги, но что-то уловила в моем голосе, как будто иронию над собой же, быстро взглянула

как-то по-птичьи боком и спросила нерешительно:

– Если вы поэт, то почему так просто? Где же безумство юности?

Я охнул.

– Шутите? Я самое трусливое существо на свете!.. Если когда-то и был безумным... как вы говорите... то это было очень-очень давно!.. даже и не помню такую древность.

Она посмотрела серьезными глазами.

– Шутите? Даже давно?

– Очень, – подтвердил я. – Не меньше года, а то и полтора... Хотя, роясь в памяти, не могу сказать, что и тогда был в некоем безумстве... А сейчас, когда на мне такое, чихнуть боюсь. Вдруг что-то сдую или разрушу, а оно пригодилось бы в сельском хозяйстве? Каждый шаг сверяю, как старик какой!.. Если споткнусь, со мной споткнется вся империя!

Она сказала зябко:

– Да, грохоту будет. Вам лучше смотреть под ноги.

– Этим и занят, – ответил я горько, – но когда смотришь под ноги, ваши сиськи не видно. А когда поднимаю взгляд, точно споткнусь! Как жить в таком мире?

Она сказала с сочувствием:

– Может, их спрятать?

– Ни в коем случае, – запротестовал я. – Иначе зачем жить?

– Ох, – сказала она озадаченно, – у вас, мужчин, такой трудный выбор! А тут еще мир спасать надо. И править в нем по вашей мужской справедливости, что просто самая справедливая, потому что ваша.

Я сказал строго:

– Что-то не слышу в вашем голосе почтения к мужской доминантности.

– У меня почтение к мужской красоте, – ответила она со смирением, – и чистоте стремлений, как у детей.

– Кстати, леди, – сказал я сварливо, – вы так и не назвались!.. Это нечестно. Может быть, я очень достойному человеку рога наставляю?

Она спросила в изумлении:

– А вы спрашивали? Мне казалось, вам так проще. Чего нас запоминать, все женщины одинаковы.

– Чё, правда? – спросил я.

Она мягко улыбнулась:

– Так считают мужчины, а мы живем в мужском мире и подчиняемся их правилам. Меня зовут Мишелла. Мишелла Моррисон, ваше величество.

– Привет, Мишелла, – сказал я. – Меня зовут Ричард, Ричард Длинные

Руки.

Она вскинула брови:

– Да? Мне казалось, у вас такие грозные имена и титулы, что даже вышептать страшно.

– Ими можете тоже, – разрешил я. – Вам многое можно, Мишелла. Я слышал, вы чем-то рассердили императора?

Она взглянула в изумлении.

– Так и говорят? Ваше величество, это преувеличение. Просто... в императорский дворец не так просто войти, о таких все знают заранее. Императрица решила, что я могу быть чем-то опасной для устоев империи, потому поспешила отстранить еще до того, как император меня разглядел.

Я всмотрелся в ее гордое лицо с аристократически приподнятыми скулами и не по-женски выдвинутым вперед подбородком.

– Я понимаю императрицу.

Она в испуге округлила глаза.

– Ваше величество?

– Красота спасет мир, – пояснил я, – как сказал один великий бомбист, но она же и погубит, если дать ей шанс. Не прикидывайтесь, вы знаете, что безумно красивы, хотя и по нездешним меркам. Точнее, по меркам завтрашнего времени, а оно уже угадывается... Люди чуткие, как мыши, еще не поняли, что вы ярче всех женщин, но чувствуют.

– Ой, – сказала она польщенно, – как приятно такое слышать. Да еще от потрясателя вселенной! Я тоже вот прямо потрясена и вздрогнула!

– Но вам твердили с детства, – закончил я, – что не блещете женской красотой, и вы поневоле развивали мозги.

– Ой... правда?

– Это и ощутила императрица, – сказал я. – Императрица обязана быть чуткой и волчестной в вопросах государственной безопасности. Иначе какая она императрица?

Она посмотрела на меня круглыми глазами.

– Даже и не думала...

– Но императрица, – сказал я, – всегда на страже устоев, верно?

– Во дворце все на страже, – ответила она серьезно. – Вы поступили очень мудро, везде подчеркивая, что вы власть и порядок. Здесь все за власть и порядок. И вас молча, но поддерживают. До возвращения императора, конечно.

Я промолчал, она взглянула с вопросом в глазах, но я зевнул и подгреб ближе ее горячее нежное тело. Она с готовностью переместила голову на мое плечо, а ногу закинула на пузо.

– Мишелла... Мне нравится, что вы так четко и беспристрастно рассказываете...

– Вас что-то тревожит во мне, мой лорд?

Я пробормотал:

– Женщины всегда стараются влиять на мужчин. Но если те рубят лес или пашут землю – одно, но когда на троне...

– Ваше величество, – воскликнула она в страхе, – как бы я посмела!

– А чего встревожилась императрица? – напомнил я. – Ладно-ладно, я рад, если и на будущее не попытается.

Она постаралась сдержать лиющую улыбку, я же отчетливо намекнул на некое будущее, но глаза засияли, на щеках появились умильные ямочки.

– Не попытаюсь, – заверила она, стараясь сдерживаться, чтобы я не ощутил жар в ее словах. – У меня нет амбиций. Моя родня слишком далеко, чтобы я пыталась выпрашивать для них земли или должности. Я счастлива тем, что жива, что мир не рухнул!.. Разве этого мало? Но...

– Да? – спросил я.

Она улыбнулась:

– Вы насторожились, мой лорд. И совершенно правы. На вас будут стараться влиять все. А вы, как мне кажется, прибыли из земель, где люди не столь искушены в интригах.

– Это так заметно?

Она чуть наклонила голову.

– Заметно. Вас спасает только сила. Силу не побороть, но можно обмануть.

Глаза у нее стали серьезными, я ответил как можно легче, тоже стараясь, чтобы не ощущала в моем державном голосе совсем не державную тревогу:

– Можно. Еще как можно. Но это обоюдное оружие. Потому у меня, честно говоря, подlamываются колени. Как просто рядовым рыцарем!.. даже бароном... Да-да, я не родился императором. Разве не видно, что я с мечом в руке прошел по всем ступеням до самого трона? И потому на этой высоте так хочется вернуться и спрятаться с головой под одеяло. А проблемы пусть решатся сами по себе.

Она проговорила с сочувствием:

– Странный вы император... Что за ношу взвалили на себя, если могли не взваливать? Говорят, человек рожден для радости!

– Сама взвалилась, – пояснил я. – Сам бы ни за что. Я что, похож на подвижника? Ах да, здесь и слова такого не слыхивали... Но раз уж рожден

для этой самой... как говорите, зовется?

Голос ее прозвучал тихо и нежно:

– Тогда спрячьтесь под одеяло, ваше величество. Переведите дух...

Я ответил безнадежным голосом:

– Уже под одеялом... Нет-нет, так далеко меня не щупайте. Мужчины существа простые, а если их щупать, то щупать уж сразу и без прелюдий Франца Ференца Листа и пролегоменов Иммануила Канта...

Глава 5

Утром она привычно закуталась в плащ, опустила капюшон до самого подбородка и неслышно выскоцкнула из покоев. Смешные предосторожности, я же вчера при ее подругах ясно сказал, что она даже спит со мной, а не просто удовлетворяет мои плотские запросы.

Хотя вообще-то умненько, любая другая вовсю бы хвасталась своим положением, но эта в самом деле не любая, не любая. Да и я молодец, заметил ее необычность даже в толпе таких же вроде бы красоток в безумно яких платьях.

Ряд военачальников за эти дни отбыли в столицы королевств, входящих в империю Скагеррака, зато другие, справившись с первыми заданиями, вернулись с докладами, для них добавили еще два стола.

У дверей небольшой шум, доносятся свирепые голоса стражи. Я поинтересовался, что там и с какого перепугу, у нас же все под контролем.

Один из стражей подбежал и сообщил раздраженным шепотом:

– Тут какие-то ряженые хотели войти в зал и смотреть, как вы завтракаете!

– И что, – спросил я с интересом, – их поперли?

– Еще бы!

Я отмахнулся.

– Ладно, в чужой монастырь со своим уставом не ходят, если это не более правильный устав, как вот у нас. Здесь стоять вдоль стен и с благоговением смотреть, как император жрет, – великая привилегия. Только удостоенные допускаются! Так принято.

Он покачал головой:

– И что же... допускать?

– У нас не зверинец, – сообщил я. – Чем питается лев и как питается, пусть читают в книжках, но лучше в книгах. Так что вуайеристы здесь ни к чему!

Он кивнул, очень довольный, хотя ничего не понял, со мной чаще всего так, но смысл уловил и бодро вернулся к своему отряду.

В зал со двора вошел Альбрехт, весь сверкающий с головы до ног, выпуклая кираса блестит радостно, как солнце, широкий рыцарский пояс отделан золотом и серебром, в ней горят багровыми огоньками, как частичка Багровой Звезды, мелкие рубины.

На шее белоснежный бант, настолько сложный, что похож на взбитую морскую пену, руки от плеч в ярко-синих рукавах, манжеты выглядят той же пеной, но брюки в северном стиле, а сапоги настоящие сапоги, а не эти туфли... вообще-то более удобные, чем сапоги, но победителям труднее воспринимать что-то от побежденных или спасенных, что почти одно и то же.

Он шел с подчеркнутой молодцеватостью, прямой и гордый, подковки сапог звонко щелкают по блестящим плитам пола, плюмаж на шляпе красиво колышется, а выпуклый панцирь блестит ярко и вызывающе.

Я не успел раскрыть рот, как он лихо сорвал с головы это произведение искусства, согнулся и, выставив ногу, красиво и балерунно помахал им над кончиком сапога.

– Браво, сэр Альбрехт, – сказал я с чувством. – Вы всегда были образцом стиля. И вкуса, добавлю. Это несмотря на то, что человек вы умный.

Он с вопросительным видом вскинул брови:

– Ваше величество?

– Вся наша оккупационно-освободительная армия, – пояснил я, – будет ориентироваться на вас. Вы сумели... да, сумели. Соблюли.

Он посмотрел с укором.

– А звучит так, как будто я что-то важное предал!

Я покачал головой:

– Нет-нет. Просто я знаю, что этот процесс... опросвещивания пойдет в нашей рыцарской армии дальше. Трудно, однако пойдет и покатит. Грущу о потере наших простых и наивных ценностей, хотя и понимаю неизбежность.

Его взгляд стал серьезным.

– Тогда что...

– А ничего, – ответил я. – Потери будут, но приобретем больше. Как обстановка?

– Контроль везде, – сообщил он. – Да это понятно, вся власть ушла, а мы пришли на ее место! Только вопрос: когда император выйдет, что дальше? На самом деле все ждут, что вот явится – и все будет... как было.

А мы куда-то исчезнем.

Тревога вошла в мою грудь, как острое копье, но я заставил себя улыбнуться.

– Все решим, – пообещал я. – Все решим, дорогой друг. Еще не знаю как, но мы не исчезнем... Вы вон уже адаптировались?

Он поморщился:

– При всех радостях этой привольной жизни мне кажется, ложусь в постель посреди карнавала и просыпаюсь в нем. Этого веселья все больше и больше. Танцующие актеры, свободные плясуньи, акробаты и жонглеры... а я должен воспринимать этот мир как нечто серьезное? И это столица, что правит империей?

– Но принимаете же?

Он пожал плечами:

– Я еще могу себя заставить, но как насчет остальных?.. Мы как мухи, что попали в вишневый клей. Все вокруг радостное, красивое, пахнет приятно, но мы завязли. Тягостное ощущение, что делать нужно что-то срочно, иначе сгинем, как шведы без масла. Кстати, кто такие шведы?..

Я спросил тихо:

– От чего сгинем?

Он покачал головой:

– Не прикидывайтесь. С нами не воюют, нам даже не сопротивляются.

Но мы тонем.

– Они уже утопленники, – шепнул я. – Это утонувший мир. Сладко утонувший в беспечной жизни. Вот что такое мир победившей магии! Хорошей магии. Направленной на заботу о людях. Но мы еще побарахтаемся, сэр Альбрехт.

Он спросил вдогонку:

– Ваше величество, вы же хотели что-то... насчет Башен Великих Магов?

– Успеем, – отрубил я. – Не видите, у меня все почти под контролем? А что не под ним, то зачем нам зеленый виноград?

От ворот с тяжелым грохотом примчались двое рыцарей в полных блестящих на солнце доспехах, но с поднятыми забралами. Им бросились навстречу, перехватывая поводья, оба соскочили на землю, что едва не прогнулась под их весом.

Я узнал по гербам сэра Робера, первого вступившего на землю южного континента, и его двоюродного брата Винсента Вайлока, молчаливого идержанного гиганта.

К нам пошли быстрым шагом, несмотря на тяжесть доспехов, хорошо хоть щиты и копья оставили на конях, коротко поклонились.

Альбрехт посмотрел с некоторой иронией, полные доспехи смотрятся чужеродно в таком красочном и беспечном мире, а я сделал для себя зарубку, что вот такие взгляды и снимут с наших героев все боевое железо, а затем и вовсе облачат в красивые и нелепые для нас пока что одежды.

– Это что празднуют?.. – спросил Робер. – Спасение от гибели? Наконец-то поверили?

– Дорогой друг, – сказал я, – должен вас разочаровать...

Он ждал, но я помалкивал, наконец он вскрикнул:

– Но что тогда? Что может быть более... более, чем спасение от гибели?

Он всматривался в мое лицо, я в затруднении искал слова, его брат встал с ним рядом и тоже смотрит с ожиданием.

Я проговорил наконец с неловкостью, словно именно я виноват в том, что мир здесь такой:

– Будете смеяться... нет, просто не поверите, но это не какой-то особый праздник. Это... у них будни. Они так все время. Дикари, в общем.

Альбрехт первым нарушил потрясенное молчание:

– Парадокс... но в самом деле дикари, наш великий вождь брякнул правду. Для благородных людей пишут трагедии, для простолюдинов – комедии. Чернь веселится по любому поводу.

– И без повода, – согласился я.

Робер неотрывно смотрел на далекую группу веселящихся придворных, за ними идут двое музыкантов с лютнями в руках, наигрывая сладенькие мелодии.

Альбрехт с сочувствием развел руками, разделяя со мной ответственность за несовершенство мира, а сэр Робер вздрогнул, помотал головой и сказал с чувством:

– Да, дикари... И дикарки, дикарки... Какие дикарки!

Горка драгоценностей из Башен Магов растет, отдельно Кракандельт ставит сундуки и сундучки, а с ними и всякие ларцы со шкатулками. То ли волшебные сами по себе, то ли в них магические вещицы, а добраться до них вот так с ходу не смог, потому приносит целиком.

Габриэлла бдит, я проверил на всякий случай, но демоны не люди, все исполняют в точности.

Сколько Башен ограблено и сколько осталось, Кракандельт не знает, вряд ли вообще умеет считать хотя бы до трех, просто собирает все магическое, у демонов на это чутье, и моментально переносит сюда на крышу.

Мои военачальники уже знают насчет поощряемости инициативы, а если в чем не уверены, бегут к Альбрехту или сэру Норберту, страшась беспокоить императора, который мыслит о высоком.

Бриан Кенговейн, оставаясь преданным вассалом сэра Альбрехта, копирует даже повадки сюзерена. Я приятно изумился, увидел, как он въехал во двор на коне, лишенном брони и даже стального налобника с острым рогом, всего лишь седло и цветная попона, даже непривычно, а сам в щегольском цветном костюме, с белыми кружевными манжетами на рукавах, только стальная кираса опускается до середины бедер да сапоги прежние, рыцарские с золотыми шпорами.

– Ваше величество!

Он покинул седло и склонился по-скагерракски: приложив руку к животу и перегибаясь в пояснице.

– Барон, – ответил я на приветствие, добавил: – Как вижу, идете по стопам герцога Гуммельсберга?.. Похвально. У него есть чувство вкуса и чувство меры.

– Ваше величество, – сказал он с почтением в голосе, – что дальше? Мы вошли в столицу и заняли пустой дворец, но... и все?

– Сейчас разберемся с картами, – пообещал я, – чтобы понять, что мы захватили с такой легкостью, да и в самом ли деле захватили? Потом сделаем следующий шаг. А они у нас, как знаете, длинные... Пока готовьтесь и набирайтесь сил. Костюм ваш вполне хорош. Как бы в духе...

Что-то в моем голосе прозвучало не совсем, он вздрогнул и посмотрел с подозрением.

– В духе чего?

– Духе послерыцарского мира, – пояснил я. – Не дергайтесь, рыцарский дух останется, а вот форма изменится. Начиная с одежды... У вас вот одежда вполне... Хотя зачем туфли на шляпу?

Он посмотрел с недопониманием.

– Какие туфли? Это украшение такое, а не туфли!.. Как могут быть туфли на голове, ваше величество? Или только перьями можно украшать?.. Вы не замечаете, что за прически у женщин?.. А у мужчин?

Я сказал примирительно:

– Все правильно, все правильно. У туземцев нужно завоевывать популярность. Вы будете агентом под прикрытием. Станете своим для них.

– Тоже туземцем?

– Надо устанавливать смычки с местными, – сказал я. – Мы им будем навязывать духовность и культуру, а у них возьмем что-нить из танцев... или вот вроде этих туфель на шляпе...

– Да не туфли это! – вскрикнул он. – Декор такой. Вообще-то оригинально и совсем не похоже на туфли. У туфель пряжки спереди, а здесь сбоку, чтобы все видели блеск!

Я сказал примирительно:

– Сэр Альбрехт всегда был самым нарядным. Молодежь брала пример, как одеваться и как держаться в обществе. Так что у вас прекрасный образец, как надо и впредь. Уверен, в данном случае тоже найдете равновесие... Понятно же, здесь постоянный театр, надо и одеваться, как на сцене, а вот вскочить на коня и послать в галоп, когда на шляпе пара туфель...

– Сэр Ричард, – сказал он уже с неудовольствием, – это не туфли!..

– Ладно, пусть декор типа туфель. Для дела это не важно. Хоть телегу на голове носите, лишь бы вас приняли как своего.

– Какую телегу, какую телегу?

– Простите, – повинился я, – хотел сказать – карету, но вырвалось такое вот простонародное... Словом, шляпу носите гордо и красиво, но шлем далеко не убирайте. Как и меч.

Он понял по моему тону, что аудиенция окончена, поклонился и остался на месте, а я прошествовал дальше, перебирая в кармане с полдюжины колечек, которые взял из пирамиды, сооружаемой на крыше Кракандельтом.

Одно оказалось с возможностью видеть магические вещи. Вообще магические, а не только опасные для жизни ловушки, те умел замечать и раньше, но только вблизи, а теперь смотрю по сторонам и вижу, где сиреневые искорки, где пятнышки, а где и целые столбики лилового тумана. Это в стенах дворца иногда попадаются вкрапления того особого камня, что может впитывать рассеянную в воздухе диковинную магию.

То ли Верховные Маги милостиво разрешили придворным магам пользоваться крохами, то ли те сами натаскали, чтобы легче работать, но камней таких насчитал около дюжины. Немного, но, наверное, для нужд императора хватало.

Даже когда вот сейчас в кабинете смотрю из окна во двор, вижу там изредка лиловые искорки, что значит, у каких-то придворных среди красивых побрякушек нацеплены и амулеты. Вряд ли что-то серьезное, маги ревниво следят за своим превосходством, но какие-то мелочи вроде афродизиаков допускают.

Глава 6

С балкона видно, как через далекие ворота въезжают кареты, настоящие кареты, а не крытые повозки, как у нас на Севере. Роскошные, изящные и, надо признаться, удивительно удобные для передвижения. Хотя пока без рессор и шин, но с массой подушек и подушечек на сиденьях, а вместо рессор здесь пока ремни, кабинка висит на них и не прыгает вместе с колесами и колесной рамой.

Я всмотрелся внимательнее в выходящих из кареты с геральдическими знаками по бокам. Останавливаются экипажи вблизи главных ворот, оттуда пешком, что и понятно, нужно принудить любоваться красотами этого изысканного ансамбля с аллеями, фонтанами, клумбами роз и распевающими яркими птицами, а заодно и обеспечить безопасность зданий, чтобы никакой внезапности.

Троє мужчин и одна женщина, все в сине-красно-зеленом, мужчины еще и в широкополых шляпах с ворохом белых роскошных перьев. У женщины край изумрудно-зеленого платья при каждом шаге касается плит двора, чистых, словно вымытых, а мужчины с голыми, на взгляд наших северян, пусть и в чулках, ногами, но все равно голыми, гордо вышагивают в женских туфлях с массивными золотыми пряжками, а еще и расшитых бисером, словно постельные тапочки, стыд какой...

Вокруг одного струится легкая лиловая дымка, я начал всматриваться внимательнее. Похоже, один из магов. Возможно, придворный, а то что-то пока ни одного не увидел, а при дворце как раз должны бы оказаться лучшие из доступных императору.

Все трое мужчин идут вокруг женщины с таким видом, словно это она здесь императрица и владычица морская. Впрочем, женщина в самом деле держится величественно и настолько державно, что я на миг подумал с опаской, вдруг это и есть императрица. Мог же император оставить жену, а вместо нее взять более покладистую фрейлину?

Не мог, мелькнула мысль. В этом беспечном мире все зарегламентировано гораздо жестче, чем на старом добром и патриархальном Севере.

Сэр Юстер попался в коридоре на первом этаже, где по большей части прислуга и мелкая канцелярия, но взглянул как-то странно, словно хочет что-то сказать, но не решается.

Я выждал, подошел к нему сам.

– Сэр Юстер?

Он вытянулся, ответил четким солдатским голосом:

– Ваше величество!

– Мое величество все замечает, – сказал я. – Вы имеете ему что-то

сказать?..

Он слегка вздрогнул, напрягся, ответил с запинкой:

– Это не мое дело, ваше величество, но час назад ко дворцу прибыла герцогиня Самантелла Херствардская.

– И что?

Он продолжал тем же неверным голосом:

– Ее род в давней опале... Ей не разрешено здесь появляться. Или разрешено, только не рекомендовано, а это почто то же самое.

Я прервал:

– Вы поступили верно, сэр Юстер! Времена меняются, как и законы. Сейчас наша с вами власть, власть военных!.. А нас не страшит появление кого-то из гражданских, особенно если тот в юбке. Но вдруг что-то важное? Иначе чего бы приперлась? Где ее поместили?

Напряжение из него испарилось на глазах, ответил уже свободнее:

– В покоях последней фаворитки императора. Простите, ваше величество, но она сама выбрала.

– Гм, – сказал я, – это уже интересно.

– Ваше величество?

– Покажи, где это.

Он кивнул почтительно слушающему стражу, тот заспешил вперед, а мы двинулись неспешным шагом, император не имеет права спешить, это ввергнет двор в панику.

Покои фаворитки в роскошнейшей части дворца, широкий коридор не коридор, а картинная галерея, в другое время даже я засмотрелся бы на удивительно яркую и реалистичную живопись, но у государственного деятеля иные приоритеты, даже если он художник глубоко в душе.

Я дошагал до роскошно украшенной гербами двери, двое лакеев почтительно распахнули ее перед моим величеством.

Юстер остался в коридоре, я перешагнул порог, стараясь выглядеть и властным, и одновременно снисходительным участливым к падшим.

Покои фаворитки в блеске золота, вдоль стен статуи из мрамора, на мой взгляд совершенно лишние, мебель добротная и тоже украшенная золотыми вставками.

В сиянии такой роскоши можно было и не заметить у дальней стены сидящую в кресле женщину, но такую, да не заметить, я подобрался и заставил себя идти к ней неспешно и по-хозяйски.

Герцогиня вся в золоте, начиная с золотых массивных серег, ожерелья в четыре ряда и позолоченных туфель, только украшенные жемчужинками

носки высываются из-под края расшитого золотыми нитями зеленого платья.

Даже кресло отделано материалами под золото, как и широкая, расходящаяся вверху в стороны спинка, на которую герцогиня откинулась красиво и надменно.

На руках от запястий до локтей золотые браслеты разных стилей, а пышные волосы цвета темного золота перетянуты широким золотым обручем.

Стена, под которой на возвышении кресло, тоже под золото с различным орнаментом, слишком сложно-символическим, чтобы я на нем остановил внимание.

Я нарочито громко топал такими непривычными на этом континенте сапогами, герцогиня, выждав минуту, с подчеркнутой поспешностью вскочила и присела в подобострастном поклоне. Даже голову склонила в знак полнейший покорности, мол, руби ее тонкую шею или души, как великому лорду, властелину Багровой Звезды угодно.

– Слушаю вас, – сказал я державно.

Это прозвучало как «встаньте» и «рассказывайте быстро, не тряся время великого государственного деятеля». Не люблю так говорить, да еще с женщинами, но когда стараются наехать и навязать свою манеру, отпор даю даже не я, а сидящий во мне лохматый питекантропище.

Она взглядом указала на кресло, это прозвучало не как безмолвный приказ, а просьба, я сел с рассчитанной задержкой. Дескать, не по ее указу, а по ее подсказке, а так ничего здесь, миленько.

Похоже, она прекрасно читает все мои простенькие мысли, здешнее общество изощрено в интригах, умеет замечать полутона, легкие намеки, что легче взмаха крыла крохотного мотылька, моментально перестраивается, чтобы перейти в атаку с другого фланга.

Мне плевать, сказал я себе мрачно. У кого в руках меч, тот не нуждается в сложном плетении интриг.

Она продолжала мило улыбаться, но что-то подсказало мне, что и эту мою мысль прочла, я для этого мира слишком бесхитростный, это на Севере таинственный и загадочный, а сейчас вон смотрит, как в открытую книгу с крупными буквами да еще и с пиктограммами.

Сама герцогиня опускалась в кресло долго и красиво. Походило на некий танец, исполненный тайного смысла, но я мужчина, существо простое, намеки с ходу не ловлю. Тем более я с Севера, мы можем не понять даже то, что скажут громко и отчетливо, преимущество простоты и невинности на победном марше.

– Ваше Небесное Могущество, – проговорила она таким красивым голосом, что в другое время я бы обязательно залюбовался, но не сейчас, когда жду подвоха. – Мы все потрясены появлением вашей победоносной армии!..

Я откинулся на спинку кресла, забросил ногу на ногу, здесь этого жеста не знают, она чуть приподняла брови в изумлении, а я сказал с вежливым равнодушием:

– Думаю, вы прибыли не ради того, чтобы это сказать.

Она улыбнулась со всем обаянием. Я рассматривал ее внимательно: исключительно красивая женщина, уже не юная девушка, а зрелая и с понимающими умными глазами, лицо заостренное, взгляд нацеленный и отыскивающий в моем панцире щели.

– Ваша Звездность, – произнесла она, – или Ваша Небесность?.. А то местные еще не знают, как вас титуловать точнее... В провинции тоже жаждут знать... что будет дальше.

Я сказал небрежно:

– Спасения от разрушения мира мало?.. Теперь все живы. И даже города на месте.

– Просто чудо, – сказала она живо. – Ваш подвиг будет на скрижалах!.. Но, ваше величество, что дальше?..

Я ответил тем же прямым взглядом.

– Просто жить. Как и жили.

Она улыбнулась, глаза засияли.

– Ох, ваше величество!.. Вы все такие суровые воины Севера!.. Я не могу поверить, что наша жизнь не изменится!

– Жизнь всегда меняется, – сообщил я. – Даже в обычных условиях. Когда больше, когда меньше.

– Двор полон слухов, – сообщила она. – Все стараются предугадать, что и как дальше.

– Когда же вы успели? – поинтересовался я. – Мы вроде бы только прибыли, а о нас судачат даже в провинции?

Ее губы снова дрогнули в улыбке.

– Ваше величество, я любопытная, как и все женщины. И за новостями слежу в первую очередь. За новостями из столицы, а не кто из соседей обрюхатил жену брата.

– И как новости?

– Потрясающие, – выпалила она с жаром, – просто невероятные! Потому большинство и не верит пока что.

– А вы?

– Я уже здесь, – сообщила она. – Не для того, чтобы убедиться.

Улыбка с ее лица исчезла, на меня взглянули глаза умной и даже очень умной женщины.

Я ощутил, что подошли к некоему важному порогу, хотел как-то отступить, а то вдруг что-то да попросит, мы все давать не любим, но пересилил себя и сказал натянутым голосом:

– Да-да, продолжайте.

Она сказала ясным голосом:

– Ваше величество, империя держится на взаимном согласии. В давние времена могущественные короли выдвинули на имперский трон известного политика Скагеррака, что и сам происходил из знатнейшего рода, и сумел заручиться поддержкой именитых семей. Он стал Скагерраком Первым...

Я молчал, рассматривал ее внимательно и совсем не как мужчина женщину. Должна понять, в данное время я не самец, хоть и с дикого Севера, а вообще-то мы тоже умеем видеть скрытое и готовы рассчитывать хотя бы на пару шагов вперед, а то и вовсе в сторону.

– Ваше величество?

Я медленно разлепил губы:

– Ваша светлость, вы сказали очевидное. Или это намек, что без вашей поддержки мне в империи не удержаться?

Она охнула:

– Ваше величество!.. Конечно, вам удастся все, что задумали! И что еще задумаете!.. Я просто предположила, что при поддержке кланов и могущественных родов империи вам было бы проще проводить свою блестящую политику!..

Я кивнул:

– Это несомненно. Рад, что сами предложили свои услуги.

Она подождала, что скажу еще, но я нарочито умолк, она сказала с живостью:

– Ваше величество!.. Наш род всегда состоял на службе при императорском дворе и отличился как в дипломатии, так и в проведении в жизнь прочих повелений императора.

– А сейчас? – поинтересовался я.

Звездный блеск ее глаз чуть поблек, она ответила с принужденной улыбкой:

– В последнее время нас оттеснили от важных государственных дел. Более ловкие сумели приблизиться к императору, ваше величество! Не более умелые или знающие, зато умеющие льстить тоныше и чаще.

Я смерил ее острым, надеюсь, взглядом.

– Льстить приходится всем, но нужно, чтобы не в ущерб работе и грядущему подъему сельского хозяйства. И вообще государственным интересам.

Она воскликнула:

– Именно! Но, ваше величество, когда все важные вопросы решены, то на первый план выходят просто интриги ради интриг.

– Всего лишь?

– И ради того, – уточнила она, – чтобы на какой-то важный пост поставить своего человека.

– Сместиив предыдущего?

– Именно, – повторила она. – Интригами, клеветой, слухами, наветами!.. Пусть даже тот человек ничего не решает, но он будет возле императора!

Я по-прежнему не сводил с нее пристального взгляда.

– Но, ваше светлость, вы ведь тоже не новичок в искусстве плетения интриг?

Хитрая улыбка тронула ее губы.

– Не больше, чем все женщины, ваше величество!

Я пробормотал:

– Не скромничайте, а то мне страшно и подумать, что умеют другие... Судя по тому, что ваш род не у дел, нашлись женщины более умелые в интригах?

– И мужчины тоже, – подтвердила она уже не так весело. – Мужчины, за что ни берутся, все делают лучше женщин. Интриги в том числе. Ваше величество?

Я подумал, морща лоб, пусть видит, что решение дается мне с трудом и что в любой момент могу отыграть назад, сказал с сомнением:

– Мы оба понимаем, что если сменить кабинет, новый будет более предан хозяину... хотя бы из благодарности. Не так ли?

Она чуть наклонила голову.

– Совершенно верно, ваше величество. К тому же, заверяю вас, те работники, которых могу предложить, не уступают по квалификации нынешним. А зачастую и превосходят. И будут стараться изо всех сил, чтобы оправдать доверие!

– Ваша светлость, – проговорил я неспешно, – возможно, вы еще не знаете, но уже работает кабинет герцога Джуллиана Варессера... Можно сказать, в полном составе.

Она чарующе улыбнулась:

– С момента его первого назначения я разговаривала с ним трижды,

ваше величество. Он близок к императору и знает все его нужды. Потому и Верховный Псарь. Вообще доверенный человек императора, в курсе его личных тайн. И сейчас он усердно трудится...

Она умолкла, я поинтересовался:

– Ваша светлость, вы не договорили, а я вот при всей своей толстокожести услышал ваше «но»...

Она сдержанно улыбнулась.

– Ваше величество, но сэр Джуллиан совершенно не сведущ в делах империи!.. Круг его обязанностей – двор императора.

– Полагаете, мне этого будет мало?

Она не сводила с меня взгляда смеющихся глаз.

– Ваше величество!.. Любой, глядя на вас и ваше удивительное появление, скажет, вашим двором станет империя!

– Гм... спасибо, если это комплимент.

– Разве не так? – спросила она живо. – Но все же самые яркие дипломаты и крупные личности имперского масштаба выходили именно из нашего рода! Это легко проверить, ваше величество... Просто поинтересуйтесь у знающих людей.

Я подумал, поинтересовался в упор:

– И как все это предлагаете осуществить?

– Вам не нужно кого-то искать, – быстро сказала она. – Я сама соберу людей, а вы лишь утвердите или не утвердите на должность. От вашего зоркого взгляда и вашей проницательности никто и ничто не ускользнет, я вижу!

Я помолчал, обдумывая, поинтересовался:

– Вам поверят?.. Захотят откликнуться и явиться из своих родовых гнезд?

– Есть много способов, – ответила она уклончиво.

– Назовите самый простой, – предложил я.

Она ответила, глядя мне в глаза:

– Выйти утром из вашей спальни.

Глава 7

В сложном мире придворных, полном интриг, сплетен, слухов и ожесточенной борьбы за место поближе к трону, выйти из спальни императора означало мгновенный взлет новой фаворитки. А это богатые подарки со стороны императора в виде дворцов, земель, титулов и всякого

разного, а для ее родни возможность поспешно приблизиться к двору и постараться ухватить какие-то должности.

Все это понятно, однако я все же северянин, есть что-то непристойное, хотя и не понял, что именно, но такое чувствуется, даже если не в состоянии сформулировать и объяснить самому себе, а другим так и подавно.

Герцогине я ничего не сказал, а когда поднялся, она поспешно вскочила и присела, как последняя служанка, согнувшись и придерживая кончиками пальцев края платья растопыренными.

Вышел я тоже молча, дум глубоких полн, уже умею так смотреться, отрепетировал перед зеркалом, хотя голова чаще всего хренью забита, но человек – существо постоянно притворяющееся, это называется культурой, а притворяемся мы всегда и перед всеми.

В коридоре мелькнула тоскливая мысль бросить все и смотаться в маркизат Черро хоть на время, да и вообще о королевстве Гессен самые лучшие, сладкие и даже победные воспоминания, однако...

– Смири аппетиты, – напомнил я себе, – ты не Господь Бог... Кстати, он тоже не успевает, потому и не вмешивается. Всем не помочь, а одним помочь, а другим нет – нечестно. Господь у нас все-таки в какой-то мере честный... Это же по нам видно, мы по его образу и подобию... Хотя бы некоторые.

Умальд и Хрурт молча топали за спиной, у лестницы я остановился.

– Отдохните... У вас и так труд ненормированный.

Умальд сказал в недоумении:

– А вы?

– А кто будет думать о Родине? – поинтересовался я. – Вы о чем думаете? Ладно, не отвечайте, и так вижу.

Умальд сказал вдруг:

– Я слышал от разведчиков, что в одном королевстве, как его, забыл, больно название ненашенское почему-то, король не бросил свой народ и не ушел в пещеры! Ваше величество, это правда?

– Еще не слыхал. Вас удивляет, что единственный?

– В точку, – сказал он. – Каждый свою шкуру спасал, а он велел увести в пещеры женщин и детей, а сам во главе армии приготовился к битве, в которой все умрут красиво и возвыщенно, как мужчины.

Оба смотрели на меня в ожидании реакции, я пожал плечами:

– Вообще-то похвально. Как видите, и на Юге не все так однозначно.

Умальд сказал с нажимом:

– Ваше величество!.. На Севере все короли встали во главе армий.

Иначе и быть не могло! А здесь это как будто что-то неправильное! Говорят, сбрендил.

Хрурт хлопнул Умальда по спине, а Периальд подошел из глубины коридора и сказал строго:

– Не мешайте его императорскому величеству. А то забудет, кем он сейчас, и по-простому в морду, в морду!..

Я сказал отечески:

– Все верно, мои старые други. Для нашего христианского Севера это норма. Как иначе, это же дикость и варварство, у нас иначе и быть не могло, а здесь это чудо вроде свиньи с рогами... и даже какой-то выверт. Нетипичный король – угроза для общества. Но мы со временем сделаем всех такими.

И, улыбнувшись подбадривающе, побежал по лестнице вниз.

Из нижнего зала доносятся сильные мужественные голоса, их сразу отличишь от сладковзвучной речи местных, хотя, думаю, голосовые связки у всех одинаковые, это разные условия жизни диктуют разные интонации.

Меня приветствовали дружным ревом, начали подниматься из-за стола, но я жестом велел сесть. Здесь мы единая команда конкистадоров, а на градации будем распадаться, когда великая цель исчезнет или потускнеет.

Между первым и вторым блюдом я сказал весело:

– Кто говорил, что на Юге все трусы? Вон сэр Норберт подтвердит, нашелся один король...

Норберт на той стороне стола кивнул, деловито обгладывая гусиную ногу, но смолчал, Альбрехт поднял голову от широкой тарелки с крупной жареной рыбиной.

– Уже знают, – сообщил он. – Я видел, что съехидничаете, поспешил испортить выпад...

– А вот не испортили, – сказал я бодро. – Я рад, что есть такие люди. Надеюсь, найдутся еще.

Альбрехт бросил небрежно:

– Как и мы тоже. Про нас те герои уже знают?

Чекард доложил:

– Да, им сказали.

– Подождем, – решил я. – Такие сами объявятся. Сэр Норберт, что у вас с картами империи?

Норберт чуть сдвинул брови, для него это уже признак сильнейшей тревоги, а когда заговорил, я почти услышал, как в унисон его сдержанному голосу тихохонько звучит похоронный марш:

– Ваше величество, мы подвели итоги... после того, как окончательно состыковали карты. И внесли самые последние данные.

– Молодцы, – сказал я бодро, – хвалю! Почти быстро.

– Предварительные итоги, – уточнил он. – И обнаружили, что здесь, в отличие от нашего такого ясного и честного Севера, слишком много скрытого и лукавого.

– Много, – поинтересовался я, – это сколько? А то как с кучей зерна... Поточнее, сэр Норберт. Здесь все мы такие конкретные, что даже неловко перед местными. Хотя чего их стесняться?

– Королевств, – сказал он четко, – где не принимают багеры, оказалось больше, чем тех, где принимают.

– Королевств? – уточнил я.

Он поправился:

– Мест, ваше величество. Но это такие обширные места, что ого-го! На иных, над которыми багеры просто проходят, и по два королевства поместятся. А то еще и ноги протянут. Разведчики хорошо рассмотрели города и села, но багеры часто останавливались как раз над пустыми местами...

Милфорд перебил:

– Не совсем пустыми. Там ограда кольцом! И рвы с водой. Под водой вполне ожидаются острые колья. Если опуститься на длинной веревке... попадешь в западню. Но и веревок таких нет. Высоко, оборвутся.

Они умолкли и смотрели тревожными глазами. У меня у самого тянувшее чувство приближающейся беды, но вождь должен излучать уверенность, я сказал бодро:

– Да, это проблема.

– Как решать? – спросил Норберт. – Что-то придумали?

Я поинтересовался:

– А когда эта проблема встанет во весь глупый рост? Через сто лет или тысячу?.. Империя Германа живет примерно так же. В Клонзейде тоже к этому привыкли...

Все переглядывались, Альбрехт сказал бодро:

– Да, в старом Клонзейде!

– Все понимаете, – сказал я с одобрением. – Пусть народ трудится, сэр Альбрехт, а мы, как два трутня, прогуляемся, подышим воздухом. Посмотрим, как идет загрузка в Маркус. А она идет?

– Неспешно, – сообщил он. – Даже нашим нужно привыкнуть. Многих все еще трясет, хотя и не показывают виду. Да и нужно занести продовольствие, фураж для скота.

Гвардейцы у выхода не повели глазом, мы спустились во двор по широким мраморным ступеням, идеально ровным и празднично сверкающим, Альбрехт неотступно шел рядом, я видел, как он чуть скосил глаза в сторону.

– Ваше Небесное Величество, а вы заметили, что куда бы ни шли, сзади пристраивается хвост придворных?

Я кивнул:

– Да, конечно.

– Не стоит ли, – поинтересовался он, – как-то упорядочить? А то они показывают остальным, что находятся в числе ваших... ну, как бы приближенных. А они в самом деле?

Я сказал с досадой:

– Все потом. Как-то отладим, выстроим. Сейчас империя вот-вот рухнет из-за нашей революционности, а вы о придворных тонкостях!

– Да это я намекаю, – сказал он живо, – что сами берут инициативу в свои руки. Вы их и не замечаете, а они показывают, что к вам очень близки!.. Обман.

– Пусть друг друга обманывают, – разрешил я. – Нам-то что?

Он пояснил:

– Я к тому, что, может, не революционить?.. Пусть как было?

– Тогда мы здесь зачем? – спросил я. – Увидел зло – искорений. Пусть даже весь мир рухнет!.. Хотя, конечно, что-то в этом не совсем то.

– Вот-вот!.. Уже продумали, что будет дальше?

– Нет, – отрубил я. – Но все равно пойдем с выпущенными глазами вперед, как крокодилы, что не умеют пятиться.

С последней ступеньки я жестом велел подать нам коней. Бобик примчался первым, взглянул с укором, я сам ощущал со стыдом, что забываю о старом друге, с которым когда-то прошел столько трудных дорог.

– И я тебя люблю, – ответил я на его лизанье и виляние толстым задом, – даже очень... Больше, чем вон сэра Альбрехта!.. Вот разгребемся с делами... и будем бегать и прыгать по лесу.

Привели арбогастра, сэр Альбрехт взял повод из руки конюха и сам подвел мне, ненавязчиво напоминая, что я император и должен хотя бы на виду местных пользоваться услугами знатных лиц во имя престижа и ауры легитимности.

Ему подвели белого жеребца, красавца с роскошной длинной гривой и пышным расчесанным хвостом. Арбогастр покосился с ленивым презрением, сам черный, как блестящий уголь, даже копыта черные, рядом с таким белым и чистым смотрится настоящим страшилищем, хотя с виду

тот же конь, только чуть крупнее, да еще в ярости глаза наливаются кровью, а из ноздрей вместо пара валит дым.

Как только Альбрехт поднялся в седло, я сказал вполголоса:

– Ну вот и временное решение проблемы. Никакого хвоста!

Он ехидно улыбнулся:

– Еще пара верховых прогулок, и вас будут ждать в колясках.

Бобик счастливо ринулся со двора в сторону главной аллеи. Я пустил арбогастра следом, Альбрехт кивнул вдогонку Адскому Псу.

– Сказали, куда собирались?

– Как-то понимает, – ответил я с неловкостью. – Боюсь, понимает даже больше, чем догадываюсь.

– И что, – спросил он, – не бывает стыдно?

– Он меня любит, – ответил я с укором. – И все прощает.

Он покрутил головой, промолчал, а наши кони бодро понесли нас, красиво цокая по каменным плитам, в сторону далеких ворот, сейчас пока скрытых деревьями.

Я все еще старался уложить в голове все противоречавшие одна другой задачи в империи, не слишком обращал внимание на изящные скамейки по обе стороны аллеи, некоторые украшены цветами, дважды встретили даже альтанки, где можно предаться торопливому блуду, посматривая в щели, не приближается ли муж.

Справа и слева в небольших бассейнах статуи время от времени выстреливают вверх и в стороны струями фонтанов.

Альбрехт кивнул на массивный постамент, там всадник на вздыбленном коне простирает длань в красноречивом жесте, то ли здесь будет город заложен, то ли всех убить, а остальное разграбить и сжечь.

– Ваша Небесность…

– Ну?

– Не видите сходства?

Я скользнул равнодушным взглядом по фигуре седока.

– С конем или всадником? Мне в детстве наступили на чувство прекрасного. Да еще и потоптались.

– Жаль, – сказал он с огорчением. – Это великий Скагеррак Первый, основатель империи, величайший из всех правителей. Мне сразу сказали, что вы с ним точь-в-точь. Говорят, Великий Потрясатель Небес и Властелин Багровой Звезды – его нынешнее воплощение.

– Еще чего, – сказал я оскорбленно. – Я есмь первый и единственный! Не настолько еще пал, чтобы оказаться чьим-то воплощением!

Альбрехт ухмыльнулся:

– Но это добавляет легитимности.

Я запнулся, подумал, оглянулся на памятник.

– Что, правда похож?

– Если всмотреться, – ответил он уклончиво. – Думаю, мне сказали насчет сходства не случайно.

– Проверка на вшивость?

– Типа того, – согласился он. – Им приятнее знать, что вот явился старый Скагеррак в новом обличье. Тогда у них меньше повода для будущего бунта и вообще недовольства. А вам не все равно?

Я поморщился, но сказал уже примирительным тоном:

– Разговоры не пресекать, пусть ширятся. Но сам подтверждать такую дурь не буду. Пусть у нас будут и овцы целы, и волки сыты, а пастуха не жалко, другого наймем...

Он улыбался, но, судя по его виду, старался угадать, зачем я потащил его через весь исполнинский сад, а затем и через огромный город, умело и красиво выстроенный в одном стиле, в сторону городских ворот.

По эту сторону ограды стоят на посту ярко одетые гвардейцы, все с алебардами, в кирасах и с манжетами на рукавах. Альбрехт крякнул и указал взглядом на белые чулки с манжетами на уровне колен, ноги в туфлях, что на солдатах смотрятся вообще несуразно.

Я сказал примирительно:

– Смотрите с позиции целесообразности, герцог. Где нет грязи по колено, там сапоги постепенно заменяют сперва полусапожками, потом башмаками вообще без голенища, а затем и вот такими штуками. Когда это плавно за сотню-другую лет, но и незаметно, когда что...

Услышав стук копыт, торопливо повернулись в нашу сторону. Бобик помчался к воротам, там прыгнули в обе стороны, но хоть не стали загораживаться алебардами, император не потерпит, а теперь уже понятно, что я император, хоть пока и ненастоящий...

Я отыскал взглядом Титуса, он с бледным, но по-прежнему суровым и решительным лицом хриплым голосом отдает приказы, выстраивает стражников то ли для салюта, то ли для парада перед властелином.

Когда мы с Альбрехтом подъехали ближе, развернулся к нам, вскинул руку с зажатым в руке эфесом короткого меча.

– Благодарю за службу, сэр Титус, – сказал я величественно, делая ударение на слове «сэр». – Больше нападений не было?

Он ответил быстро:

– Ни единого... сэр... ваше величество. Говорят, ваши люди прошлись по окрестным деревням?

– Был такой приказ, – подтвердил я.

– Бесчинствующих, – спросил он, – судили на месте, если это правда?

– Мы военные, – напомнил я. – То есть следователи, прокуроры, судьи и палачи в одном лице. Быстро и гуманно. Вам же нравится, когда рулят военные?

Он уклонился от ответа, хотя все на его лице крупными буквами, спросил с неуверенностью:

– И так по всему королевству?

– По всей империи, – ответил я величественно, хотя, понятно, какая там на хрен империя, столицы бы успеть захватить до того, как пьяная чернь спалит там все. – А что у вас за тревога?

Он указал взглядом на не такой уж и далекий купол Маркуса. К раскрытыму зеву по короткому пандусу неспешно поднимаются кони одного рыцарского отряда за другим, исчезают внутри.

– Все еще сам не могу поверить, – сказал он нервно, – а тут новенькие в отряд подходят! Всем приходится объяснять, успокаивать...

– Уже и глазам не доверяете? – сказал я с упреком. – Ладно, когда-то прокачу, но сейчас вы на важной службе. Эта Багровая Звезда теперь служит тому же высокому делу, как и вы. Да-да, укреплению империи!.. Багровая Звезда поддерживает власть и порядок. Она с вами в одном воинском строю, сэр Титус!

Он молчал в потрясении, а я похвалил себя, что умело посадил Маркус всего в двух сотнях шагов от города. Сейчас конница без помех поднимается к куполу и пропадает в его пасти, что со стороны, понимаю, дико и страшно.

Даже моим бывает страшновато, но им достаточно вспомнить, как сокрушили бывших хозяев, как осваивали этот захваченный у врага летающий город чужаков, и тут же чувство гордости за себя подавляет любой ужас.

Когда немного отъехали за деревья, оставив за спиной городскую стену, я сказал, понизив голос:

– Вызвал вас для того, сэр Альбрехт... чтобы поточнее обсудить нашу политику здесь. Не в этом городе или этом королевстве, а в империи Скагеррака, именуемой Извечным или Изначальным Светом.

– Извечным, – подсказал он. – Хотя разницы не вижу, но Извечным. Сэр Ричард?

– Судя по той абсолютной власти, которой располагал император Скагеррак...

Он все ловит на лету, сразу уточнил:

– Располагал?

– Если мы здесь, – напомнил я, – то мы здесь. Не знаю пока, что за политика у Германа Третьего, но Скагеррак агрессивен, властолюбив, умен и постоянно думает над способами расширить влияние на соседей. Раз уже ему нельзя пока армией, он пользуется всеми остальными рычагами.

– А их много?

Я покачал головой:

– Даже не представляете.

Он посмотрел на меня остро:

– Из какого ада вас только выперли... Наверное, за коварство, которое даже дьяволу показалось чрезмерным?.. Ладно, я вас понял. С Германом вы еще не решили, а Скагеррака полагаете нужным сместь. Так?

– По необходимости, – ответил я. – Конечно, я против крутых мер, но когда история требует...

Он покрутил головой:

– Восхищаюсь вами, сэр Ричард. Совсем недавно старались просто выжить в войнах с северными баронами, а сейчас вот так просто смещаете императоров.

– Еще не смещаю, – уточнил я, – но пора. Странно, имея в руках молоток, не ударить по торчащим гвоздям! А гвоздь по имени Скагеррак будет забит по самую шляпку. Насчет его системы посмотрим. Люблю авторитарную власть, но вся должна быть у меня. Как самого нарядного и красивого.

Он сказал с сочувствием:

– Сэр Ричард... Пока идем настолько победно, вся армия следует за вами преданно и бездумно. Но сейчас вы забеспокоились не напрасно. Забеспокоились или как? Противника вроде бы нет, наши люди вот-вот начнут оставлять мечи дома, снимут доспехи и обрядятся во что-то полегче...

– Как вот вы.

Он ответил невозмутимо:

– Как вот я. Для одного пустяк, для армии катастрофа. Растворимся, как вы предсказывали, но тогда я не понял, что за чушь порете.

– Ну спасибо.

– Многое из непонятного выглядит чушью, – пояснил он. – Вы вообще несете частенько. Многим непонятно, что за бред в вашей голове, но пока побеждаете, армия продолжит идти за вами хоть в ад, где мы вообще-то уже были, хоть на небеса, что еще предстоит...

– Но-но, – сказал я предостерегающе, – сперва с Югом надо

разобраться! А потом точно на голову свалится Запад или Восток...

Он загадочно улыбнулся, поклонился подчеркнуто по-скагерракски, юмор у него еще непонятнее моего, и, натянув повод, остановил коня.

– Как планируете все это сделать?

Глава 8

На обратном пути к двору пришло в голову, что безбагерность наверняка не мешает магам бывать везде, где изволят, есть там причальные пирамиды или нет.

На то и колдовство, чтобы носиться по свету на крыльях ветра, в блеске молний и грохоте грозовых туч, хотя можно, наверное, и без светошумовых эффектов.

В башнях магов наверняка хранятся подробные карты всего континента, однако Крякондябр пока их не обнаружил. Правда, простых он не замечает, но все равно трудно представить, с какой целью маги могли забрать с собой даже магические карты, если после отбытия Маркуса вся поверхность Земли будет перемешана и станет совсем другой.

Альбрехт раздумьям не мешал, о моих далеко идущих планах переговорили в деталях, а он, сам пример не только изящества стиля, но и корректности, едет погруженный в думы, стараясь отыскать в моих рассуждениях бреши до того, как отыщут противники.

Бобик носится кругами, ломает кусты, с азартом пугает зверье, я велел обойтись без охоты, но все-таки догнал кабана и притащил его Альбрехту, глядя на него с молчаливой надеждой ребенка.

Альбрехт тяжело вздохнул, но сказал умильным голосом:

– Ну ладно, давай своего поросенка...

Бобик радостно подал ему прямо на колени, кабан очнулся и начал дергаться.

– Что за шуточки, Бобик, – сказал я с укором. – Сэр Альбрехт, возвращаемся!

Ворота перед нами распахнули заранее, как только увидели скачущими. Мы с арбогастром пронеслись, как стрелы из гастрофера, а у сэра Альбрехта кабан все-таки выскользнул из цепких рук, грохнулся на землю, вскочил, но вместо того, чтобы удирать в лес, в ярости набросился на гвардейцев.

Крик, шум, мы с Бобиком наблюдали со стороны, как два десятка гвардейцев, выставив алебарды, пытаются сдержать осатаневшего кабана.

Альбрехт подъехал к нам, рассерженный, смахивающий кровь с седла и белоснежных штанов.

– Действительно, шуточки, – сказал он с неодобрением. – Мог бы и сразу задавить!

– Он обижен, – пояснил я. – О нем почти забыли.

После яростной схватки кабан стал похож то ли на подушечку для иголок, то ли на исполинского ежа. Алебарды торчат из боков и спины, а троих гвардейцев, забрызганных своей и кабаньей кровью, торопливо утащили к лекарю.

Альбрехт крикнул виноватым голосом:

– Сэр Титус!.. Пусть ваши люди приготовят этого поросеночка на обед!.. Мы там двух таких в лесу уже съели.

Я добавил с иронией:

– Сырыми, мы же люди с Севера...

Сэра Альбрехта оставил во дворе с его конем и моим Зайчиком, а сам поспешил в кабинет императора, который велел считать моим, с ходу углубился в изучение дополненной последними данными и уточненной карты империи Клонзайд.

Получился, как и с империей Германа, почти идеальный круг. За исключением одного маршрута, где наверняка глубоко под землей особо важный рудник редкого элемента, багер там останавливается надолго, почти на два часа, ничего не происходит, затем разворачивается и плывет обратно.

Видимо, в те времена с особыми предосторожностями загружали нечто ценное и хрупкое, а потом уже по прямой отвозили в то место, на котором потом уцелевшие построили первые хижины и землянки, выросшие в столицы, но объяснить это Альбрехту, как и другим, не стал, пришлось бы объяснять долго, косноязычно и постоянно натыкаясь на непонимающие взгляды.

Когда покинул кабинет и спустился в большой зал, думы о сложном будущем с его проблемами испарились, как только увидел группы женщин, у всех в пышные прически вплетены огромные банты: алые, оранжевые, синие, бирюзовые, у многих вообще по два-три разных цветов, и сами женщины выглядят как живые цветы, от них даже пахнет цветами, улыбаются счастливо и сверкают обнаженными плечами.

Вспомнил, что, когда видел умело подобранные перед дворцом кусты цветущих роз, ловил себя на мысли, что очень похожи на шушукающихся женщин.

От самой большой группы отделилась Мишелла, подруги тут же с

любопытством умолкли, а она заторопилась наперехват.

Я замедлил шаг, она торопливо присела, растопыривая платье, я едва расслышал ее шепот:

– Ваше величество... у меня к вам огромная просьба.

– Давайте, – велел я.

Она взглянула умоляюще огромными изумрудными глазами, бросила пугливый взгляд по сторонам.

– Ваше величество...

– Хорошо, – сказал я в нетерпении, – отойдем.

Но не столько мы отошли в сторону, как Умальд и Хурт властными жестами отодвинули толпу придворных.

Мы вдвинулись в нишу, нас видно издали, но не слышно, а Мишелла сказала торопливо:

– Ваше величество, вы просто обязаны согласиться на предложение герцогини Херствардской!

Я чуть опешил, после паузы поинтересовался:

– Насчет... смены кабинета?

– Насчет способа, – сказала она быстро-быстро, щечки ее покраснели, а взглядом старалась не встречаться со мной. – Она все так подробно объяснила... Я просто умоляю прислушаться к ней!

Я пробормотал:

– Да, герцогиня выказывает уровень... И что такого пообещала вам лично?

Она гордо вскинула голову и взглянула мне в лицо гневными глазами.

– Ваше величество!

– Прошу прощения, – сказал я, – но я должен был убедиться. Значит, сослалась на нужды империи, ее безопасность, процветание и неизбежность взлета сельского хозяйства...

– Насчет сельского хозяйства упоминаний не было, – сказала она с уважением, – но все остальное вы угадали... Ваше величество!

Я сказал с неудовольствием:

– Не так обидно королевство терять... подумаешь, одним больше, другим меньше!.. но вот услышать, что я в постели неинтересен... обидно.

– Ваше величество! – воскликнула она с укором. – Речь о процветании империи!

– Ох уж эти государственники, – сказал я. – И как вы это видите, милая леди?

Она сказала тихонько, но с жаром:

– Да просто зайдет к вам в спальню вечером, а выйдет утром, чтобы ее

хоть кто-то увидел! А там уже новость разнесется, все предусмотрено.

– А-а-а, – протянул я понимающее, – а в постели будете вы?

Она вскрикнула шепотом:

– Ваше величество!

– Втроем? – предположил я.

Она опустила голову, ее шепот я едва расслышал:

– Как вам будет угодно.

– А что предлагаете вы? – спросил я коварно.

Она прошептала чуть ли не в слезах:

– Вы решаете. Я всего лишь леди Мишелла.

– Но все-таки?

– С вашего разрешения... я бы лучше осталась у себя.

– Гм, – протянул я, – здесь нет даже такого понятия, как разврат, но я из тех земель, где существует и «разврат» и «развратные действия». У нас, вы будете смеяться, любые отклонения от прямой линии осуждаются. Потому у меня дилемма... поступить по-северному или по-южному?

Она прошептала, опустив голову:

– Никто не посмеет подсказывать вашему величеству.

Я вздохнул:

– Я поступлю, как вы скажете, леди Мишелла.

Она вскинула голову и прямо взглянула мне в глаза.

– Тогда поступите как император! Не делайте вид, что у вас передо мной какие-то обязательства.

Поздно вечером, что скорее первая половина ночи, из коридора заглянул Ульман, морда ухмыляющаяся и подчеркнуто завидующая.

– Ваше величество!.. К вам герцогиня Самантелла Херствардская!

Мне показалось, произнес подчеркнуто громко, в расчете на каких-то слушателей, это уже перебор, ну да ладно, проведем по смете военно-дипломатических операций, на войне редко что проходит идеально, тем более чисто и согласно плану.

Герцогиня вошла в длинном плаще с накинутым на голову капюшоном. Прекрасно, как бы сохраняет таинственность, молодец, чувствует границы и соблюдает их неприкосновенность.

Я молча наблюдал, как присядет в поклоне, хорошо держится, при всей женственности и сейчас подчеркивает, что это всего лишь войсковая операция по затыканию ртов и усилении влиянию нового императора минимальными усилиями.

– Ваше величество...

Я сделал небрежный жест в сторону стола.

– Ваша светлость... Прошу, присаживайтесь. Позвольте, угощу вас лично... Хотя можно и сразу в койку, но я привык соблюдать хотя бы минимум ритуалов. Старомодный, знаете ли... Зря, наверное, старые книги читал.

Она осторожно присела на краешек кресла. Мне почудилось, что и ей несколько не по себе, раз уж я воспринял ее предложение не совсем так, как представляла, и хотя не знаю, чего ожидала, но мое спокойствие и взгляд как бы со стороны даже чуточку беспокоят, как мне кажется.

Заставить стол восточными сладостями и вкусностями здесь, на Юге, получается даже быстрее и с меньшими усилиями, чем на Севере, герцогиня застыла, страшась шевельнуться, и только когда блюда перестали появляться, тихо выдохнула:

– Так вы... маг?

– Пустяки, – ответил я небрежно, – это входит в обязательный курс молодого бойца. Знаете ли, люди одни, а обычаи разные, что любопытно, хотя и необязательно. Угощайтесь!

Она произнесла тихо:

– Спасибо, ваше величество. Вы очень любезны.

– У меня несколько вопросов, – сказал я, – но это не срочно. Позвольте сперва угостить вот этим дивным шампанским.

Я взял из воздуха дивный фужер из тончайшего стекла, настолько чистого, что вино полилось как бы в пустоту, и только по его форме можно было угадать очертания бокала.

Она с осторожностью протянула руку. Я видел, с какой нерешительностью пальцы сомкнулись на тонкой стеклянной ножке.

– Ваше величество?

– Вам понравится, – пообещал я.

Она завороженно наблюдала за серебристыми пузырьками, что резко отрываются от дна и стен, стремительно несутся к поверхности, а там подпрыгивают и лопаются, издавая дивный аромат.

– Это какой-то... волшебный?

– Простое вино, – заверил я. – С северными особенностями. Или особенностями Севера. Мы там люди простые.

В моей руке появился точно такой же фужер, только с золотым ободком поверху, это чтоб не перелить с пьяных глаз.

Золотистая струя хлынула словно из ниоткуда, герцогиня смотрела заворожено, я подумал со сдержаным злорадством, что хоть в этом я взял верх, показав, что у меня есть возможности и помимо стандартных

императорских.

Пригубив, она прислушалась к ощущениям, даже глаза чуть призакрыла. Тревожное выражение медленно испарилось с лица, сделала еще глоток, уже без боязни.

Я наблюдал за нею, она прямо взглянула мне в глаза.

– У нас полагают, на Севере только лед и медведи.

– Это есть, – согласился я. – Но есть и виноград.

– Растет?.. Или сразу создаете вино?

Я засмеялся:

– Герцогиня, вы все-таки женщина. Кто бы додумался создавать вино, даже не видя винограда.

Она сделала другой глоток, еще посвободнее, в то же время не спуская с меня испытующего взгляда.

– У нас так никто не умеет.

– Так уж никто?

Она чуть наклонила голову:

– Я бы знала. Такое никто скрывать и не подумает. Способность творить такое... пусть только за столом, дает немалые преимущества.

Я отмахнулся.

– Мужчинам недостойно пользоваться такими... немужскими преимуществами. Мы признаем только то, что сильнее вдарит по голове. Не важно, молот это или тяжелый довод... Попробуйте эти конфеты, если это конфеты. С детства, знаете ли, все подобное называл конфетами...

Она настороженно смотрела, как создал крупные отборные ягоды малины в высоких стаканах, залитые сливками, еще всякую хрень, наконец сказала с неуверенностью:

– Ваше величество, не расходуйте вашу магическую мощь. Я даже не смогу попробовать...

Я сделал отметающий жест.

– У нас, северян, по другому принципу. Никакой магии! Просто используем мощь звезд, которой пронизан весь мир. А эта мощь неизмерима... Но хорошо, тогда в заключение мороженое?

– Простите?

– Это такое блюдо, – сказал я коварно. – Оцените.

Она смотрела, стараясь не выказывать изумление, что свойственно только провинциалкам и существам низшего сословия, но я замечал, что эти цветные шарики сливочного, шоколадного, фруктового и с самыми разными добавками и компонентами заставляют едва ли не вздрагивать с каждой новой порцией.

Я показал пример, сожрав пломбир и эскимо, герцогиня принялась за деликатесы без боязни, но с настороженностью, а я с удовольствием наблюдал, как тревога покидает ее чело, а на лице появляется улыбка.

Наконец она красивым жестом опустила вазочку с мороженым на столешницу, на лице приятная улыбка, но взгляд внимательный, а голос прозвучал мило и по-женски, но серьезно:

– Вам нужно выспаться, ваше величество.

– Что?.. Ах да, вы правы, уже ночь...

– Вон там прекрасный диван, – сказала она, – я посплю на нем так же хорошо, как в собственной постели.

Я поколебался, едва не кивнул, но как-то все похоже на сценку из наставления для молодежи по этикету и добродетельному поведению, буркнул с неудовольствием:

– Ваша светлость, мы же взрослые люди.

– Ваше величество?

Взгляд ее прям и невинен, но видно же, что именно этого ответа и ждала, а я ответил так же по наезженной колее:

– Вы же видите, какое просторное ложе.

Она сделала вид, что еще не уверена, поняла ли правильно мой настолько замысловатый намек, что только удар обухом в лоб может быть яснее.

– Ваше величество...

Я буркнул со скукой:

– На ложе хоть конные скачки устраивай! Можем и заблудиться среди всех одеял, простыней и подушечек.

Она ответила тихо:

– Как будет угодно вашему величеству.

Она опустила взгляд, чтобы я не прочел там извечное, типа что ни один самец не откажется вдуть женщине, что окажется с ним рядом в постели.

А вот и не вдую, сказал я себе твердо. Или вдую. Чтобы лишнего не думала.

– Ваше величество, наши платья очень сложно расстегиваются...

– Помочь? – поинтересовался я.

Она мягко улыбнулась:

– У меня фрейлины.

Я наклонил голову, она кивнула далекому Хурту, что не сводит с нас взгляда, тот открыл дверь и что-то сказал в коридор. Мелькнуло лицо Ульмана, а через мгновение в спальню проскользнули, не поднимая низко опущенной головы, две молодые девушки.

Обе прекрасно и со вкусом одетые, чистенькие и миленькие, у одной в руках длинная ночная рубашка из полупрозрачного шелка, другая аккуратно несет перед собой серебристый тазик с водой.

В мою сторону даже не повернули голов, хотя я уже снял рубашку и брюки, сел на край ложа, и, думаю, меня хорошо заметили, еще как заметили.

Я наблюдал с вялым интересом, а они быстро и умело освободили герцогиню от пышного платья, там в самом деле сотни скрытых крючков и петель на спине, я бы точно не справился, это не империей управлять.

Герцогиня на миг оказалась совершенно обнаженной, но фрейлины целомудренно закрыли ее от меня, я видел только ее вскинутые руки, по которым скользнула ночная рубашка.

Когда подол коснулся пола, первая фрейлина взяла в руки тазик, вторая намочила тряпочку и протерла герцогине лицо и шею. На мой взгляд, не мешало бы пройтись и по волосатым подмышечным впадинам, но рукава настолько длинные, хоть и широки, что эта процедура явно не предусматривается местным этикетом.

Закончив, обе быстро и шустро взяли платье, я уж думал, повесят в один из длинных, на полстены шкафов, подхватили тазик и, торопливо присев на прощание, поспешили к дверям в коридор.

Хурт загодя отворил перед ними дверь, обе выскользнули с теми же склоненными головами. Дескать, ничего не видели и не слышали, хотя, понятно, еще до утра все придворные, у которых день начинается с наступления вечера, будут знать, в чьей постели герцогиня провела всю ночь, а это значит намного больше, чем торопливый коитус в альтанке.

Я с интересом смотрел, как герцогиня откинула край одеяла и легла на спину, глядя в потолок.

– Ваша светлость, – произнес я с иронией.

– Ваше величество?

– Мы же взрослые люди, – напомнил я. – Я вот даже настолько взрослый, что со своим телом давно заключил соглашение. Оно не лезет в мои дела, а я иду навстречу его запросам.

– Ваше величество?

– Раздвиньте ноги, – посоветовал я. – Можете даже согнуть в коленях.

Богу – Богово, кесарю – кесарево, а для меня эти духовные и телесные

запросы идут хоть и рядом, но врозь, даже не соприкасаясь. Во всяком случае, Библию понимаю именно так, хоть и не читал ни разу, а это значит, все другие прочтения неверны.

Герцогиню я откесарил быстро и по-крестьянски, плотские запросы есть плотские, они тоже мои, но после кесарения Боговы запросы поднялись наверх и заставили напряженно думать о проблеме трудной состыковки рыцарского мира и мира просвещения.

Герцогиня осталась лежать молча, молодец, в таких делах всю инициативу лучше отдавать мужчинам, так те чувствуют себя увереннее, а женщины сохраняют нити влияния.

Я зевнул, сказал буднично:

– Спокойной ночи, ваша светлость.

Она ответила тихим и подчеркнуто покорным голосом:

– Спокойной ночи, ваше величество.

Хруерт повернулся у двери, показывая, что заметил, как я проснулся, но застыл, делая вид, что вовсе не следил, начнет душить меня герцогиня ночью или не начнет.

Я с минуту полежал неподвижно, выстраивая в памяти, что сделать прямо вот щас, что немедленно, а что еще раньше, все-таки земля горит под ногами узурпаторов, а мы и не видим, нехорошо. И вообще никто не видит этого огня, даже местные, что совсем странно и непонятно.

Герцогиня в самом деле еще спит, женщины ближе к животным, это человек спит меньше всех на свете, лицо разрумянилось, пудра ссыпалась, но щеки не стали гаже, напротив, румянец ни одну женщину не портит.

Она ощутила мой взгляд, веки затрепетали, глаза распахнулись широко и в испуге, но тут же расслабилась, полные губы чуть дрогнули в улыбке.

– Ваше величество...

– Герцогиня, – ответил я в тон. – Как спалось?

– Как убитая, – сказала она с неловкостью, – хотела сказать, как бревно... но испугалась, вдруг в самом деле была бревном?

– Нет-нет, – заверил я, – бревна не бывают такими мягкими и теплыми.

Она улыбнулась шире, а я подумал, что вообще-то женщины все здесь в постели просто бревна, так принято, и когда говорят, что такая-то уступила такому-то или даже отдалась, то, значит, позволила себе уложить и раздвинуть ей ноги.

Я сел в постели, привалившись спиной к обитой чем-то мягким конструкции ложа, в моей ладони моментально появилась чашка изумительной красоты. Черный кофе хлынул в нее толстой струей, по

спальне пошел изумительный бодрящий аромат.

– Герцогиня...

– Ваше величество...

Она села рядом, с поклоном приняла из моей руки. Я смотрел, как аккуратно взялась за фигурную ручку чашки, сделала осторожный глоток.

Заметив мой пристальный взгляд, тревожно осведомилась:

– Я ничего не нарушаю?

– В каком смысле?

– Ваших обычаев, – пояснила она. – Стараюсь следовать им, но если где-то невпопад, то не щадите.

– Я похож на милосердного? – изумился я. – Герцогиня, у нас нет сложных ритуалов. Мы все упростили. Потому вы все делаете правильно, все как бы... да, именно вполне.

– Спасибо, ваше величество, – ответила она почтительно. – Я стараюсь. Я же чувствую женским сердцем, что вы можете намного больше, чем все предыдущие правители империи.

Она не сказала ни «короли», ни «императоры», обойдясь более общим термином, что я оценил, молодец, над каждым словом думает.

– Спасибо, – ответил я, – позвольте...

Она сидит со мной рядом, и когда на коленях возник поднос с роскошнейшим тортом из шоколада, вздрогнула чуть-чуть, почти незаметно, тут же впилась взглядом в это сооружение, где верхний слой из нежнейшего крема, а там красиво вкраплены просвечивающиеся в лучах солнца крупные красные ягоды малины.

– Угощайтесь, – предложил я. – Сладкое – это энергия, а нам так много предстоит сделать в этой жизни.

Она бросила в мою сторону взгляд искоса.

– Вы так серьезно это сказали, ваше величество.

– Правда?

– Потому что вы в самом деле, – ответила она, – делаете... Абсолютное большинство даже в высшем свете заняты только любовными играми, карнавалами, маскарадами, и даже конец света ничего не изменил!.. И даже сейчас...

Я взял кусок торта, в самом деле хорош, все ингредиенты в меру, поинтересовался:

– А что теперь?

Она посмотрела с мягким укором.

– Ваше величество... Мир уже не будет прежним. А каким, мало кого интересует. Просто живут.

— Вас интересует, — напомнил я. — Даже очень. Не так ли? И вы хотели бы как-то принять участие. Я не ошибся?

Она ответила с подчеркнутой покорностью:

— Ваше величество, располагайте мною во всем так же, как располагаете в постели.

— Хорошее сравнение, — согласился я. — Только в работе у меня требований побольше, чем в постели.

— Ваше величество, я слишком долго была отстранена от любой работы на благо империи.

Я кивнул, лицо держу довольное, я тоже умею ссыльаться на благо империи, даже если какую дуру тащу на сеновал или играю в карты, но язык дан человеку для того, чтобы укреплять общество, потому сказал благосклонно:

— Работы у всех нас будет много. Уже много.

Умальд из коридора впустил фрейлин, обе снова под приидрчивым взглядом Хурта проскользнули в спальню тихие и молчаливые, не поднимающие взгляда от пола.

Я передал одной поднос с остатками торта, поднялся. Вторая держит в руках платье герцогини, я видел, как испуганно посмотрела на меня, а потом на мои штаны, небрежно брошенные на спинку кресла.

Никто из вельмож не одевается сам, а у старшего звена не меньше трех-четырех лакеев присутствует и прислуживает. Вообще-то даже при пробуждении в спальню набивается куча придворных, это считается величайшей честью присутствовать и дожидаться, когда король просыпается, но здесь такое пресекается бдительным сэром Норбертом на корню еще у входа во дворец.

Быстро-быстро добежав с пустым подносом до стола, фрейлина спешно вернулась к постели. Герцогиня царственно поднялась, красиво, как умирающий лебедь на сцене, подняла руки кверху. С нее сняли ночную рубашку, взамен надели роскошное платье.

Я не стал дожидаться, когда закончится возня с застежками и шнурками, обулся и шагнул в сторону двери, надеясь, что ничего не сопрут. А если и сопрут, то хрен с ним, не мое, даже не замечу.

Герцогиня сказала торопливо:

— Ваше величество?

Я ответил вполоборота:

— Подбирайте кандидатуры, ими займусь позже.

— Вернетесь скоро?

Я помедлил, схватывает опасно быстро, уже поняла, что на какое-то

время покину двор и столицу.

– Вернусь вовремя, – сообщил я.

Когда я, стуча подкованными сапогами по ступенькам лестницы, сбежал в зал, там в разных углах уже шепчутся заспанные придворные, что встали даже раньше меня, только бы удостовериться, спустится ли с этажа, что считается лично императорским, герцогиня Самантелла Херствардская.

Думаю, еще ночью новость с подачи проинструктированных фрейлин прокатилась по всему дворцу, а то и по знатным домам столицы, а вот сейчас все получат весомое и монолитное подтверждение.

Пройдя через анфиладу залов, я прошествовал через холл к выходу во двор, придворных почти нет, у большинства утро не раньше нашего обеда, хорошо, потому не требуется нарочитой замедленности движений крупного государственного деятеля.

На мраморных ступенях Кенговейн и двое младших командиров разговаривают на повышенных тонах, хотя стараются приглушать голоса. Кенговейн увидел меня, без всяких церемоний бросился навстречу.

– Ваше величество! Скоро Скагеррак выберется из пещер, а вы еще не придумали, что с ним делать!.. Или уже? Император Герман поднимется еще раньше... Что-то решили? Или нам знать не положено?

– Как не положено, – пробормотал я, – не мне же все выполнять.

– Тогда к чему нам быть готовыми?

– Всегда, – сказал я твердо и возвыщенно. – И во всем. Вы хорошо служите нашему глобальному отечеству!

И прошел мимо, суровый и настолько величественный, что оробевший Кенговейн не решился пойти следом.

В этих двух империях все медленные и величавые, искренность считается простолюдинной, высший свет целиком на условностях, даже наши северные орлы, глядя на них, начинают говорить и двигаться более расчетливо. Замеченные в суетливости теряют долю уважения, их могут любить, но мужчинам важнее уважение.

Следите, подумал я мстительно, следите за своими словами и манерами. Потому что если не следить, то как привить уважение к нашей простосердечности? Огнем и мечом? Жестокими казнями?..

Да, будут бояться, но каким это боком относится к уважению?..

Глава 10

Во дворе Паланту подвели коня, Гевекс и граф Мальгерт уже в седлах

поглядывают на него в ожидании, а он, вставив ногу в стремя, увидел меня, торопливо развернулся.

– Ваше величество, – сказал он с некоторым недоумением, – а почему нигде ни единой церкви! Это же столица или как?

– Вы церквей не видели и в империи Германа, – напомнил я в нетерпении.

– Да, – подтвердил он, – но тогда где храмы Сатаны?

На лицах Гевекса и графа Мальгерта такое же недоумение, смотрят в ожидании простого и ясного ответа, у меня же он всегда есть, пусть даже на самом деле нет.

Я взглянул мудро и печально, а голос прозвучал, надеюсь, достаточно убедительно:

– В этом и беда, мои боевые друзья. Когда нет ни церквей, ни храмов Сатаны, это уже победа Сатаны.

– Ваше величество?

– Когда ни во что не верят, – пояснил я, – это еще хуже. Были бы храмы Сатаны... как было бы просто рушить! Понятно, наглядно и даже красиво!.. Рушить мы все любим, да и смотрим с удовольствием.

– Ваше величество?

– Битва с Сатаной будет! – пообещал я, посмотрел на их лица и добавил с пафосом: – Битва за честь, за веру, за свет в душах, что Господь вложил в нас и который не дадим погасить, как погасло все здесь...

Их лица стали светлыми и торжественными, а я подумал с раскаянием, как легко манипулировать такими чистыми и светлыми. Но политик на то и политик, что даже нечестными и неблагородными средствами побуждает людей жить лучше и вести себя правильнее и праведнее.

А я, надеюсь, именно тот гад.

Гонцы то и дело докладывают, что большинство в городах и селах разбежались по лесам, надеясь отсидеться. Потому дома их можно грабить... как местным мародерам, так и нашим, взявшим город «под защиту».

Мародеров продолжают рубить на месте, вожаков вешать на площадях, но чаще их тоже на месте.

Дважды поднимался на крышу посмотреть, как демон приносит амулеты и прочие магические штуки, горка из одной мелочи мне уже до колена, а еще сундучки и ларцы, те Кракандельт ставит в сторонке.

Вернулся в главный дворец ближе к полудню, залы уже заполнились придворными, хотя, конечно, здесь только малая часть, если учесть, что всего двадцать тысяч человек, а сейчас вряд ли больше тысячи то ли самых

смелых, то ли безрассудных.

Мишеллу увидел в третьем зале, взглянул строго, она поняла и послушно поплыла за мной. Телохранители молча дали понять двинувшимся за нами придворным, что властелин Багровой Звезды изволит пообщаться без посторонних ушей, и мы с Мишеллой вдвинулись в одну из глубоких ниш.

Она тут же присела в почтительном приветствии, но мне по императорской подозрительности почудилось, что присед слишком глубокий, будто со штангой на плечах, как бы издевательское поздравление, вон даже глазки прячет, дескать, ей за меня стыдно.

Я сказал с укором в ее склоненный затылок:

– Мишелла, вы у меня в долг!.. Ради вас я спал с герцогиней, выполняя интернациональный долг. Теперь даже не знаю, что от вас потребовать в уплату за такую жертву!.. Встаньте, не прячьтесь от угрызений совести!

Она расправилась, на лице ни капли раскаяния, только хитрая и победная улыбка, прощебетала в деланом изумлении:

– Ради меня?.. Ради меня спали с другой женщиной?

Я напомнил сварливо:

– А кто мне руки выкручивал? Кто говорил, что надо принести себя в жертву ради великих целей?

Она взглянула в недоумении, а в милом голосе прозвучало искреннее непонимание, но у женщин все звучит искренне, когда им это надо:

– Но это, как вы сказали, для будущего взлета сельского хозяйства... хотя, конечно, герцогиня чуть ли не вдвое старше вас...

– Что, – спросил я опасливо, – правда? А мне показалось, даже моложе...

Она посмотрела с укором, но мне снова почудилось презрение к такой мужской наивности.

– В самом деле?

– Да я не присматривался, – признался я честно. – Мы же не на отдыхе были! Не до красот природы и ее окрестностей! Работа, обязанности, долг – это для мужчин свято. Я исполнял долг на благо родины. Пусть не моей, хотя почему не моей?

Она сказала сердито:

– Вы, как и все мужчины, не умеете отличать настоящее от усиленного магией? Хотя, думаю, даже вам не показалось, не прикидывайтесь. Иначе не стали бы императором.

– Вам можно, а мне нельзя? – сказал я с обидой. – Кстати, а женщины

отличают? Когда косметика с магией?

– Конечно, – отрезала она. – Если всмотреться! А мы всматриваемся всегда. А что, ничего и не заметили?.. Хотя что вы видите, кроме войн и сражений?..

Я сказал примирительно:

– Я не типичный самэц, женщин замечаю, вот вас сразу засек! Но раз с герцогиней вы меня принудили, прям суставы и сейчас ноют, то это не считается, я же на ее месте представлял вас!

Она посмотрела с недоверием.

– Правда?

– Клянусь, – ответил я. – Иначе бы не смог... а если бы и смог, то разве что разок-другой... Однако сейчас только вы, Мишелла. Что-то есть в вас особенное... Еще не понял. Этой ночью я снова убедился, что вы лучше всех.

– Ну спасибо, – ответила она с легким сарказмом. – Как же мне это льстит!.. Хотя вообще-то, если честно, в самом деле льстит.

– Могу я предложить вам руку? – поинтересовался я.

Она спросила с подозрением.

– Зачем?

– Прогуляемся по саду, – объяснил я. – Там много альтанок. В вашей любимой вы меня изнасилуете в отместку за сегодняшнюю ночь.

Она вздохнула, ее светлое чело на миг омрачилось, но ответила строго и рассудительно:

– Долг есть долг, ваше величество. Пусть герцогиня сперва соберет людей своего клана, а те пришлют к дворцу лучших дипломатов и деятелей. Иначе ее усилия будут напрасными.

– Ох, – сказал я с огорчением, – я думал, то была одноразовая операция.

– К постоянству вас никто не обязывает, – напомнила она, – да и кто сможет?.. Но дайте ей несколько дней.

– Ночей?

Она выговорила с трудом:

– Ваше величество, вы же знаете, что я имею в виду.

Она смотрела с печалью, я видел, как в ней борется страх потерять такого красавца, который к тому же страшный и загадочный император Севера, подумать только, но, с другой стороны, герцогиня нашла для нее какие-то убедительные доводы, почему нужно сделать так, как они делают сейчас вместе, а не иначе.

– Хорошо, – ответил я жертвенно, – если для отечества, то что ж,

мужчины привыкли приносить себя... но с вас потом компенсация!

Она отвела взгляд.

– Ваше величество... я полностью в вашей власти.

– Э-э, – сказал я, – нет-нет, это нечестно. Не надо строить из себя жертву, это я жертва вашей изощренной интриги.

– Ваше величество?

– Вы с герцогиней, – сказал я обвиняющим тоном, – разыграли хитрую партию!.. Согласен, в интересах отечества, а в его интересах мы все должны чем-то жертвовать, так что я готов спать с герцогиней еще несколько ночей, но затем вы должны мне все компенсировать!.. Отечество должно вознаграждать своих героев, что жертвовали ему... в общем, жертвовали.

Она ответила покорно:

– Да, ваше величество. Это в интересах империи!

– Хорошо быть патриотами, – сказал я. – Это вознаграждаемо при правильном распределении полномочий между центром и субъектами. Мишелла?

Она присела, растопырив в стороны платье.

– Ваше величество...

Она вышла первой, я следом, придворные перестали шушукаться и двинулись за мной цветной и приятно пахнущей толпой, как яркие бабочки в погоне за дивным цветком.

Вечер и полночи провозился с отчетами с мест, принимал графа Васессера с ежедневным докладом, в полночь пришла герцогиня, тихая и молчаливая, но прекрасно понимаю, что в коридоре у двери уже целая толпа допущенных к секретам, ждут новостей.

На эту ночь то ли она оказалась более раскованной, то ли женским чутьем определила, что для нас женщины в постели, как и в темноте, все одинаковы, постаралась подыграть моим питекантропым желаниям.

Я в свою очередь, помня свою принадлежность к более высокой культуре, постарался питекантропство подать чуть в более рафинированной обертке, хотя слишком далеко не заходил, вообще не люблю потакать женщинам, а у кого из них слишком завышенные требования или чересчур экзотические желания, идут лесом, обойдусь, в базовых потребностях они все одинаковы, а я не тупой Дон Жуан, что в простейшей базе пытался отыскать что-то особенное.

Все же ее тряхнуло, наше школьное образование даже в этом распущенном обществе выглядит развратом, а я в конце концов сел в постели поудобнее, опервшись о высокую резную спинку, сотворил

большую чашку крепкого горячего кофе и с наслаждением сделал большой глоток.

Герцогиня смотрит непонимающими глазами, я спохватился и сделал ей чашку поменьше, из тончайшего фарфора, расписанную золотом, а кофе заполнил чуть больше чем наполовину.

– Ваша светлость...

Она приняла чашку обеими руками, очень осторожно, спросила, не отрывая от нее взгляда:

– Ваше величество?

– Вообще-то кофе пьют по утрам, – объяснил я виновато, – но я такая грубая скотина, что и на ночь пью, а потом без задних ног, как бревно какое неотесанное.

Она некоторое время смотрела, как я пью, а я отхлебывал с огромным удовольствием, чувствуя, как сила и утренняя бодрость влиается в мое усталое за тяжелый день тело.

Она прошелестела негромким голосом:

– Ваше величество, это для вас привычно?

– Постель? – спросил я.

– Такой чудный напиток в постели, – пояснила она.

– Вообще-то да, – ответил я. – Всегда начинаю с него день. Император и должен быть выше ритуалов, если вы имели в виду какие-то каноны. Иначе что он за император?

Она сделала осторожный, почти бережный глоток, сказала тихонько:

– Но это очень... любезно.

– Правда? – спросил я. – Герцогиня, в моем королевстве таким пустякам придают не больше значения, чем заслуживают. Потому подал я вам кофе или не подал, подали его мне вы или не подали...

– У вас простое общество?

– Да, – согласился я. – Но не еще простое, а уже простое.

Она задумалась, такое в самом деле представить трудно. По логике, все должно усложняться, но не все понимают, что усложняется только общество в целом, но некоторые с виду очень важные структуры в нем могут упрощаться до пределов, а то и растворяться в небытие.

– У вас там... интересное устройство.

– Будет и здесь, – пообещал я, взглянул на нее и предложил внезапно даже для себя: – Можете поучаствовать.

Она вскинула на меня вопрошающий, но и заинтересованный взгляд:

– Что вы имеете в виду?

– Не знаю, – ответил я честно. – Но перемены будут. Не все с ними

согласятся, это всегда так. Но преимущества получат те, кто примет их без особого сопротивления.

Она молча смаковала кофе, а я насторожился, привстал на постели. Откуда-то доносится странный звук на грани слышимости, но хоть и с трудом, но всеми фибрами чую что-то опасное, и даже очень опасное.

Я вскочил, она спросила тихо:

– Я могу помочь?

– Спите, – велел я. – Спите, герцогиня. Скоро вернусь.

Меч появился в моих вскинутых руках, она тихонько ойкнула, а я, укрывшись в незримости, ринулся к двери.

Глава 11

На лестнице навстречу катят мощные запахи горелого мяса, примешался аромат расплавленного камня, а на последнем пролете стал таким мощным и тревожным, что сердце заколотилось как у зайца.

Ступеньки у выхода на крышу за ночь почернели и чуть оплавились, а в гранитной стене я с тянувшим чувством под ложечкой увидел широкую вмятину.

Из противоположной стены наполовину выдвинулась Габриэлла, огромная и массивная, застыла, глядя на меня через узкие щели.

– Что случилось? – потребовал я.

– Проникновение, – прогудела она настолько густым голосом, что услышать могу только я, – один, потом второй.

– Человек?

– Маг, – ответил она, и я не понял, то ли магов не считает людьми, то ли сразу дает характеристику, что говорит о более высокой организации, чем просто могучий боец с комариным разумом в полтора ганглия. – Двое магов.

– Тебя видели?

– Нет, – ответила она. – Шли к тем вещам, что собирает и носит сюда Кракандельт. И ничего больше не замечали. Я остановила, как вы велели.

– Молодец, – сказал я. – Все сделала верно. Дождись, когда Кракандельт принесет остальные вещи. Потом освобожу навеки от власти всех магов на свете. И от себя тоже.

Она прогудела тем же бесстрастным голосом:

– Слушаюсь и повинуюсь, господин мой.

– Бди, – велел я.

Она молча отступила в стену, словно там не монолитный блок из самого плотного на свете гранита, а нечто вроде тумана, исчезла, но я все еще чувствовал из глубины камня ее взгляд.

— Кракандельт скоро закончит, — напомнил я. — Завтра-послезавтра. Не засни.

Из камня донесся голос:

— Мы никогда не спим.

Когда вернулся в спальню, герцогиня в ночной сорочке до полу стоит у окна спиной ко мне, чуть отодвинув штору, и всматривается в ночной, но ярко освещенный двор.

Я вышел из незримости и рухнул в постель. Та скрипнула, герцогиня в испуге оглянулась, я томно поманил ее к себе.

— В Багдаде все спокойно.

Она нерешительно двинулась в мою сторону.

— В Багдаде?

— Идиома, — пояснил я, хотя мог бы сказать «гипотенуза» или «философия», все равно женщины таких слов и не слыхали. — Герцогиня?

— Иду, — ответила она поспешно.

Я лежал молча, отдыхал после бега по лестнице, а она торопливо опустилась на ложе, и хотя в спальне тепло, стыдливо попыталась натянуть на себя одеяло, но я придержал ее руку.

— Что стряслось? — спросила она шепотом.

— Да так... по нужде вышел.

— С мечом в руке?

— Ну, очень захотелось, знаете ли...

Она сказала тревожно:

— Меня все еще трясет. И меч какой-то страшный... Вот так возник и... возник!

— А что, — спросил я и зевнул, — я только кофе могу?.. Меч, он тоже вроде кофе... взбадривает. Да и вообще, герцогиня, вам почудилось. Такое бывает.

— Почудилось, — пробормотала она послушно, — так почудилось... Тем более что у вас такое бывает...

— Это вам почудилось, — уточнил я. — У вас бывает... или будет бывать, как правильно?..

Она сдержанно улыбнулась, намек на то, что эта ночь не последняя, уловила с ходу.

— Как скажете, — ответила она тихим голосом, — мой лорд.

— Не расхаживать же мне голым? — пояснил я. — Как-то не совсем по-

императорски! Хотя кто знает, как тут у вас императорствуют. А я человек старомодно приличный, не Архимед какой, чтобы голым по улице. Я если и бегаю, то чтоб никто не видел... Разве что шерсть на такой случай отращиваю. Чтобы на сэра Растера думали. Хотя какая радость, если никто не видит? Тоже вроде работы.

– Опасность миновала? – спросила она тихонько.

– Ее и не было, – ответил я. – Так, ложная тревога.

Она вздохнула:

– Страшно и представить, что такое для вас не ложная... Ого, на вас не очень-то она подействовала?

Однако утром, еще не проснувшись, я уже чувствовал страх и тревогу, а в груди за ночь образовался тяжелый холодный ком. Всего лишь младшие маги, которых Высшие не взяли с собой в подземелья! Брошенные на погибель, но едва не сумели добраться к сокровищам, ценнее и опаснее которых нет во всей империи!

Хрурт от двери увидел, что я проснулся, тут же встал и отворил дверь в коридор. Оттуда вошли все так же тихо и неслышно, держа в руках цветное платье, те же милые фрейлины герцогини.

Как я понял, это другое платье, хотя для меня они все одинаковые, различаю только по цвету. Еще бы и по длине, но здесь у всех до полу.

Фрейлины почтительно присели передо мной, все так же держа головы опущенными, то ли правила такие, то ли не привыкли видеть императоров голыми, тут же, отложив платье, взялись снимать с герцогини ночную сорочку.

Прекрасная фигура, отметил я, когда герцогиня вскинула вытянутые руки над головой. Не худышка, но и не толстушка, а как раз с теми сладкими валиками на животе и боках, за которые так сладко хватать и мять.

Пока ее облачали в роскошное платье, она не промолвила ни слова, что и понятно, говорить должен человек, а женщина отвечать, но в данном случае просто чует, я мысленно где-то далеко, да не просто далеко, а с тем странным мечом в руках.

Хрурт от двери посматривал на молоденьких фрейлин с удовольствием, не подозревая, что охраняемый им сюзерен ночью вышел из спальни на расстоянии вытянутой руки от него, а потом точно так же вернулся.

Герцогиня, чуткая как все лисы, тихохонько поклонилась, как только одели и обули, уплыла к двери, а я уже в самом деле, забыв о ней, напряженno раздумывал, как и откуда маги узнали, что демон на крыше

самого высокого здания складывает кольца и прочие талисманы. Видимо, даже мелкие маги чуют издали, а такое скопление не учゅять – надо совсем быть глухими воронами.

Торопить Кракандельта бесполезно, демон просто не может быстрее, так что придется только ждать, он обещал закончить сегодня-завтра.

Жаль, не может заносить амулеты прямо в Маркус, какая-то непреодолимая защита, то ли со стороны Маркуса, то ли с обеих, видно по крохотному и безобиднейшему Серфику.

Даже по моему приказу Маркус не позволяет демонам проникать в себя, хотя вообще-то неудобство не такое уж и громадное, а с другой стороны – разве не спокойнее быть единоличным хозяином?

Маркус постоянно под защитой, снимает только по моему слову, я же часть его самого, то есть наш общий мозг и нервная система, что бдит и отдает правильные указания. Потому оставить его можно где угодно, но предпочитаю держать высоко в небе. Так, на всякий случай.

И власть моя оттуда зрина и наглядна, и никто не расшибет голову, пытаясь проникнуть в поисках несметных сокровищ и драгоценных средств для восстановления мужской силы, что у престарелых богачей ценится выше золота.

В нижнем зале пир, обалдевшие слуги постепенно теряют невозмутимость, глядя, как знатнейшие лорды за столом во дворце самого императора хохочут, орут, перебивают друг друга, а то и начинают орать песни, что просто невозможно себе представить во времена императора Скаггеррака.

Я спустился к ним, когда из кухни несли жаркое, жестом велел не вставать, мы все еще в походе, а в походе я полевой командир, скрепленный со всеми узами воинского братства.

– Всем доброго здоровья, – сказал я и сел во главе стола. – Чем нас тут кормят?.. И в чем причина такого здорового конского ржания?

Кенговейн ответил со смехом:

– Кормят чем-то замысловатым, даже непонятно, что едим, но вкусно...

– А ржание?

Он взглядом указал на сэра Горналя.

– Да вот у нашего боевого друга большие неприятности.

Я нахмурился:

– А вы ржете? Ничего себе побратимы! Что у него?

– Хрустальная мечта юности разбита, – сообщил Кенговейн шепотом.

Я отпустил его жестом, а сэру Горналю велел сесть со мной рядом, а

когда тот послушно опустился в кресло, велел:

– Рассказывайте, почему над вашим несчастьем не рыдают из воинского сочувствия, а как-то нехорошо ржут.

Он тяжело опустился в кресло, красномордый и с печальными глазами, даже усы обвисли, сказал со вздохом:

– Ваше величество, даже и не знаю, как сказать... Почему здесь везде такой обман? Зачем все не так... Меня ранили до глубины души. Я думал, битвы и сражения закалили, не раз бродил по колено в крови среди стонущих трупов, но оказалось, раним и чуток, как поэт какой, прости меня господи за бранное слово!..

Я спросил понимающее:

– Женщины?

Он уронил голову на грудь, в голосе прозвучал надрыв:

– Да, ваше величество. Вы как в воду смотрите, уж и не представляю, что там видите... Это же надо так?.. Я думал, не перенесу. Так надругаться над моими мечтами!

Я поинтересовался отечески:

– Да что случилось?

– Как вы и предупредили, – ответил он упавшим голосом, – женщины здесь достаточно податливые. Им только скажи насчет, у них сразу начинают блестеть глазки. Не сказал бы, что блудливые, но очень даже такие вот... Одна сразу пригласила к себе. Ну, вы же знаете наши здоровые мужские вкусы! Я заговорил как раз с такой, у которой задница, как мне казалось, в три обхвата... а то и в четыре!

– Ой, – вырвалось у меня, – сочувствую, сэр Горналь.

– Вот-вот, – ответил он горестно, – уже догадываетесь? Как только служанки начали помогать ей снимать юбку, я уже настроился с душевным ликованием и вознесением трепетных чувств увидеть такую задницу, каких никогда не встречал на Севере! Даже подумал, что и на кровати не поместится!..

– Это все платья, – объяснил я грустно. – Не знаю, что вставляют, то ли китовый ус, то ли еще что, но юбки именно такие, чтобы мы думали, будто и жопы тоже, а юбки прям в обтяжку... Да, это обман. Но получился!.. Вы попались.

– Второй раз не попадусь, – сказал он с горечью. – Там жопа оказалась меньше моего кулака!

– А как угадать? – ответил я. – Где-то бродит наша мечта с вот такой... Но по закону таким женщинам нельзя пользоваться преимуществом, полученным от щедрой природы. Потому по этикету носят юбки с

подобными расширителями. Для равноправия. Чтобы женщина понравилась именно в силу личного обаяния, а потом... приятный сюрприз, еще и жопа в четыре обхвата!..

Он подумал, вздохнул:

– Да, это справедливо, согласен. Но как все-таки жаль расставаться со светлой детской мечтой о заднице, пусть даже в три обхвата!

– Такие есть, – утешил я. – Правда есть. У меня даже сынок подрастает от одной такой. Зелененький весь... Так что еще встретите, сэр Горналь! Вся жизнь впереди, а потомство позади.

У башни, на вершину которой Кракандельт таскает сокровища магов, расположилась охрана из четверых людей Чекарда, первого помощника Норберта, едва я показался в поле зрения, моментально развернулись в мою сторону.

Я сказал отечески строго:

– Не забывайте, ввиду особых обстоятельств высшей государственной секретности эта башня вплоть до отмены моего указа является крайне строго охраняемым объектом!.. Засекреченным императорской печатью!..

Старший охраны вытянулся, голос задрожал от рвения все сделать и все выполнить в точности:

– Ваше величество, враг не пройдет!

– И друг тоже, – напомнил я строго. – Сейчас военное время, о котором знаем только мы, а местным знать не положено. Потому подозревать надо всех.

– А когда...

Я сказал возвышенno:

– Когда построим свободное и счастливое общество, перебив всех несогласных жить счастливо! Тогда и вздохнем полной грудью.

– Мы бдим, ваше величество!

Глава 12

Кракандельт в общей сложности изымал магические сокровища трое суток, все это время Габриэлла незримо сидела в стене и следила за лестницей. Вообще-то у демонов вроде бы нет деморфизма, но я раз уж назвал это вот женским именем, автоматически отношусь как к самке, на что, конечно, Габриэлла не обращает внимания.

Еще дважды ночью поднимались люди, по виду младшие маги. Все использовали незримость, однако Габриэлла видела их как на ладони.

Первых уничтожила моментально, помня мой приказ, но на третью ночь явились трое в темных плащах и с усиленной защитой.

К счастью, появился Кракандельт с грудой шкатулок в руках, они затаились, наблюдая за ним, а Габриэлла, воспользовавшись моментом, быстро определила, какая у них защита, нейтрализовала и распылила всех троих одним взмахом.

— Вот, — сказал она. — Было у них.

Я осторожно взял с широкой как лопата ладони три кольца и три браслета. В них все еще чувствуется магия, потрогал, переворачивая с боку на бок.

Кольца, как и браслеты, сделаны нарочито грубо, чтобы даже в странствиях не привлекали внимания грабителей. Не важно, что маги в состоянии себя защитить на дорогах, но в их доктрине не привлекать к себе внимание.

— Хорошо, — сказал я. — Это тебе зачтется. А с этими штуками разберусь.

Когда перед рассветом поднялся на крышу, небо оставалось еще темным и звездным, а двор внизу залит ярким праздничным светом.

Дворец императора никогда не спит, ну и пусть не спит, мне сейчас есть дело только вот до этого сокровища: в центре широкого каменного пространства крыши, огражденного бортиком из белейшего мрамора, высится сверкающая как новогодняя елка в половину моего роста гора из колец, амулетов, браслетов, талисманов и множества вещиц, в которых маги собирают магическую мощь.

Отдельно выстроились сундучки, ларцы и шкатулки, Кракандельт составил из них стену высотой ярда в два и длиной в четыре.

— Габриэлла, — позвал я вполголоса, — не спиши?

— Мы не спим, — донесся тихий голос. — Никогда.

— Прекрасно, — сказал я с облегчением. — Больше попыток не было?

— Нет, господин...

Крохотная темная туча на миг затмила луну, молниеносно превратилась в грозный смерч. Демон выметнулся из сгустка тучи в блеске молний и треске разрядов.

О крышу, однако, ударился ногами беззвучно и мягко, я засмотрелся на два окованных золотыми пластинами сундука и усыпанную рубинами и сапфирами шкатулку, их Кракандельт прижимает к груди.

Он быстро добавил их к блистающей драгоценными камнями стенке и уставился в меня жуткими фасеточными глазами.

— Повелитель, — проговорил он грохочущим голосом. — Это из

последней Башни.

– Прекрасно, – сказал я. – Теперь заключительная часть операции... Надеюсь, они там все спят. Маркус! Давай сюда.

Я проговаривал медленно и отчетливо, это на всякий случай, Маркус прекрасно понимает и выполняет даже мысленные из простейшего набора команд вроде «вверх», «вниз», «быстрее», «стоп» и еще с полдюжины подобных, но более сложные стараюсь связывать со вербальностью. Хотя, как мне кажется, это делаю для себя, потому что когда говорю, то и мысленно произношу ярче и отчетливее.

На крышу пал яркий свет, что даже мне показался слепящим, но глаза мигом привыкли, а Маркус поравнялся с крышей так, что край оказался на расстоянии протянутой руки.

– Пандус, – произнес я.

В багровой стене появился широкий люк, пандус медленно и торжественно лег на бортик. Я напрягся, уже представляя, как мрамор рассыплется под тяжестью, но Маркус правильно истолковал мое желание и сумел отделить от страхов, белая ограда осталась цела, даже не треснула.

– Кракандельт, – велел я. – Габриэлла!.. Все собранное на этот поддон!

Кракандельт моментально сгреб часть добычи, выбрав самые крупные сундуки, скрыни и шкатулки, шагнул к пандусу, а я заметил, что складывает осторожно, стараясь не прикоснуться к выдвинутому пандусу, похожему на огромный красный язык.

Габриэлла складывала еще аккуратнее и вдвое быстрее, не зря именно ей я поручил охранять эти сокровища, а когда все оказалось на постоянно расширяющемся поддоне, я умолк, сосредоточился, и широкий пандус по моей команде начал медленно втягиваться в черный зев Багровой Звезды Смерти.

Вход закрылся, как диафрагма, стена стала сплошной. Я вздохнул с облегчением и повернулся к застывшим демонам.

– Кракандельт, – сказал я. – Габриэлла!.. Вы поработали на меня недолго, но рискнули... а мир на стороне отважных и рисковых. Я как бы этот мир ценю, хвалю и поздравляю. Вы свободны!.. Габриэлла!.. Мне нравится твое имя... хотя я сам его придумал, но ты можешь выбрать себе новое сама. Такое, чтобы никто-никто не сумел его разгадать. Бесконечной плазмы!

Она сверкнула огнями, а на том месте, где она стояла, взвился легкий дымок.

Я повернулся к Кракандельту:

– Я надумал было дать тебе имя Кекцатлеотль Тутанхамонович

Стегозавров... но, думаю, сам придумаешь то, что понравится больше. И что будет безопаснее. Счастливой тебе плазмы!

Он вздрогнул, освобождаясь от заклятия, заставляющего быть моим бессловесным рабом, отступил на шаг.

Я ожидал, что вот сейчас исчезнет, как и Габриэлла, однако он продолжал смотреть на меня крохотными глазами через узкие щели, а когда заговорил, голос звучал с непривычной для демонов нерешительностью:

– Господин, я могу придумать даже очень сложное имя, но все-таки...

– Что, – спросил я, – сложное имя еще не все?

Он вздохнул:

– Господин, ты дал мне свободу... Но все демоны знают историю великого Кренукербоцывралиснерпергега, которого один из магов все же сумел назвать и вызвать к себе в вечное услужение.

– Гм, – сказал я, – да, это редкость, но такое случается. Абсолютной защиты не бывает.

Он прямо посмотрел мне в глаза, я постарался не ежиться и держаться прямо, хозяин здесь я, и хотя его морда с пастью, как ковш экскаватора прямо передо мной, но я выдержал и сумел не сделать шагок назад.

– Господин, – прорычал он, – я предпочту... оставаться твоим рабом.

– Что-что? – переспросил я, не веря своим ушам.

– Ты останешься моим хозяином, – повторил он, – но не будешь меня вызывать себе на службу. Это спасет меня от того, что кто-то хотя бы случайно назовет мое имя и призовет в услужение. Раб одного не может стать рабом другого.

Я почесал в затылке, сказал несколько озадаченно:

– Но как-то неловко вот так... как будто я тебя обманул.

– Я всем расскажу, что таково мое желание, – ответил он.

– Поверят?

Он медленно наклонил голову, наверное, это кивок, с такими размерами быстро не кивнешь.

– Все знают, – проговорил он мощно, – ты с тех времен великой битвы и победы над Великим Магом Гатонесом никого ни разу не позвал себе на службу!

– Ну хорошо, – сказал я, – только сам смотри... Если передумаешь, только скажи... Ах да, сам не можешь, тогда передай через Серфика. Освобожу моментально.

Он поклонился:

– Спасибо, повелитель!

– Счастливого купания в океане плазмы, – сказал я.

Он исчез, я поборолся с желанием тут же ринуться в Маркус, начинать перебирать награбленное, мародерство как ни осуждай, но это у нас в крови, а само мародерство начали называть красиво и загадочно репарациями, хотя суть не изменилась, грабеж побежденного все равно грабеж, а Великие Маги побеждены, хотя еще об этом не знают.

Заслышав наверху мои шаги, по лестнице снизу метнулись навстречу часовые. В руках обнаженные клинки, на бледных лицах вытаращенные глаза и готовность драться не на жизнь, а на смерть.

Один сразу вскрикнул отчаянным голосом:

– Ваше величество!.. Что там было?

Я спросил в изумлении:

– Где? Я ничего не заметил.

Снизу раздался топот, во главе отряда взбежал Милфорд.

– Ваше величество!.. – доложил он. – Там наверху, куда вы запретили подниматься, был ужасающий грохот!.. А какой свет! Мы только потому, не подумайте чего.

Я сунул мизинец в ухо, потряс, вытащил, глядя в задумчивости на блестящий кончик.

– Похоже, недочувать стал... И птичек уже не слышу...

Милфорд ответил быстро:

– Птичек и я не слышу. Геленсбург, а ты птичек слышишь?

– Нет, – ответил один из воинов. – Я вообще ничего не слышал. Было тихо, как в старой могиле.

– Вот видишь, – сказал я Милфорду, – тебе пить надо меньше. Или больше, чтобы точно не слышать. Грохот был? Интересно, что там могло быть... Хотя теперь не важно. Милфорд, с этой минуты караул снимаем, ситуация разрешилась, как поросная баба, все поют. Можете расходиться. Отдохните, выспитесь!

Я прошел мимо, держа на лице безмятежную улыбку, а когда спустился на нижний этаж, услышал, как один из воинов сказал Милфорду:

– Богом клянусь, всех побил! Довольный, как лось...

– Обожает драться, – ответил Милфорд знающее. – Но приходится тайком, все-таки император...

– Да, император должен быть толстым и важным.

Дальше я не слышал, в зал начали выползать сонные и встревоженные слуги. Многие видели зловеще-багровый свет Маркуса, но сейчас над городом темное небо, Багровая Звезда там же, где и была – за городской стеной.

– В Багдаде все спокойно! – сказал я мирно. – А здесь еще тот Багдад и

сорок тысяч арестантов. Подумаешь, чихнул разок. На крыше. Не спалось. Так чихнул, что искры из глаз, потому и свет... Что, уже рассветает?.. Тогда все за работу! Империя и культура требуют жертв. А мы все жертвы этого мира.

Зайчик обрадованно потянулся навстречу, соскучился, мой бронированный арбогастр, я с отчетливым чувством вины потрапал по холке, даже чмокнул в мягкие ноздри.

– Прогуляемся?.. Уже рассвет!..

Он счастливо ржанул, я погладил его по вытянутой ко мне щеке, он с готовностью повернулся боком.

Из главного здания выскоцил заспанный Бобик, сделал вокруг нас круг, оценивая обстановку. Арбогастр сделал вид, что собирается хватануть наглую псину всей пастью, довольный Бобик увернулся, запрыгал еще веселее, а потом понесся в сторону ворот, часто оглядываясь и стараясь угадать, куда я направлюсь дальше.

– Прогуляемся, – сказал я, – на встречу с неведомым ведомым!..

Подъехав к гладкому багровому боку Маркуса, я взмахнул рукой, приучая и к такого рода командам, вдруг буду лежать с заткнутым ртом, что в нашей жизни не случается, и рядом распахнулась страшноватая диафрагма широкого люка.

Пугающе беззвучно вывалился и протянулся к копытам арбогастра длинный язык трапа, широкий и торжественно красный, но вряд ли в мою честь, просто сам Маркус красный, как вареный рак, да и все внутри тоже красное.

Бобик взбежал безбоязненно, вообще бесстрашный, арбогастр поднялся достаточно легко, не такой уж и крутой подъем, а внутри уже бывал, ничего интересного.

Маркус не допускает в свои недра именно демонов, хотя они, по моему твердому убеждению, тоже созданы человеческим изощренным умом в какую-то из странных эпох в промежутках между Великими Войнами Магов... но все же что-то с ними не так, почему-то запрет заложен в самую суть Маркуса. Да и сами демоны даже не пытаются...

– Маркус, – сказал я, – надеюсь, ты успел по мне соскучиться? А-а, чувствую, чувствую... Отведи меня к тому месту, куда унес то, что я велел взять с крыши дворца!

Пол под ногами даже не дернулся, я только заметил, как медленно поплыли мимо меня стены. Меня понесло прямо на нечто вроде полуколонн и пилястр, не мои ли фантазии Маркус старается понять и

овеществить.

Додумать не успел, в стене возникла щель, а за ней с великим облегчением увидел всю горку в том же виде, в каком Кракандельт и Габриэлла сложили из награбленного имущества.

– Прекрасно, – выдохнул я. – Бобик, Зайчик... вы тут пока побегайте неподалеку, поиграйтесь в песочке или как, а я малость поработаю. Ничего-ничего, мне Маркус поможет, а вы играйте, детишечки...

То ли мне почудилось, то ли Маркус ощущил мое страстное желание разобраться, а так как мы с ним симбионты и удовлетворение моих желаний частично и его желания, я чувствовал то животное тепло, словно огромный теплый и пушистый кот лежит на ногах, как толстый плед, и тихо-тихо мурлычет.

Эту гору волшебных колец, амулетов, талисманов, браслетов, ожерелий, сережек и всяческих подвесок мне разбирать несколько лет, да и то не управлюсь, даже если буду заниматься все двадцать четыре часа в сутки, потому я слегка поворотил сбоку, как петух навозную кучу, и повернулся к ларцам и шкатулкам.

Сундуки и прочие шкатулки аккуратно стоят под левой стеной. С ними, на мой взгляд, что-то непонятное. То ли демон не смог открыть и выгнести содержимое, то ли сами по себе волшебные...

Ладно, все потом. Их несколько сот штук, а если учесть, что в каждой шкатулке может оказаться не по одному кольцу или браслету, то и с ними рискую задержаться на столетия.

С другой стороны, разумно предположить, что именно в шкатулках, да еще так тщательно выделанных и украшенных золотом и драгоценными камнями, хранится самое ценное. То, что сундуков и ларцов здесь сотни, говорит только о том, что Великих Магов на континенте сотни.

Хотел вызвать Серфика, но, спохватившись, выбрался из Маркуса наружу и, отойдя на всякий случай с десяток шагов в сторону, потер колечко.

– Серфик!..

В двух шагах блеснула огненно-яркая точка, описала восьмерку в воздухе и повисла перед моим лицом.

– Повелитель?

Я сказал тихонько:

– Серфик!.. Какой ты у меня быстрый, красивый и вообще замечательный!.. Что бы я без тебя делал, щустрый ты мой...

Он весело пропищал, кувыркаясь в огне свечи:

– Слушаюсь и повинуюсь, мой повелитель!

– Серфик, – сказал я. – У меня наклонулось выгодное предложение твоим сородичам в сфере бизнеса.

– Повелитель?

– Как ты знаешь, – сказал я, – а если не знаешь, то знай, один из твоего племени натаскал мне из Башен Великих Магов сундучки с магическими амулетами. Мне срочно нужно открыть эти запертые сундучки! Иначе кто-то другой доберется до них, и тогда многие ваши попадут в вечное рабство к безжалостным магам. Понял?

Он вспикнул:

– Амулеты?

– И талисманы, – уточнил я. – А я, как гуманист, хотел бы вас спасти, но если вы сами не хотите палец о палец... хвост о хвост или щупальце о щупальце...

Он прокричал тоненьким голоском:

– Повелитель!.. Я не умею!

– Но кто-то из ваших обучен? – осведомился я. – Или вообще в кого-то заложено? Поспрашивай своих. Я же за вашу и нашу свободу!.. И за мир без войны и грубого насилиничанья. Давай, кузнецник, поработай. Нужен специалист по всей этой магической хрени.

– Поищу...

– Если найдется, – повторил я, – который сумеет рассказать, какой, чего и куда, тут же отпущу на полную свободу! Еще и в жопу поцелую, если надо. Я демократ, у меня нет предрассудков, хоть и много. Сумеешь?

Он сказал с затруднением:

– Сам таких не знаю.

– Ищи, – сказал я настойчиво. – А то я как буриданов петух перед колье Марии Антуанетты!.. А надо, понял?

– Не понял, – ответил он послушно. – Мне искать?

– Искать, – велел я. – Мы все в этом мире искатели.

Глава 13

Едва он исчез, я вытащил из кармана кольца и браслеты, которые Габриэлла взяла с убитых ею магов. Чувствую, в кольцах достаточно мощи, нутром чую, но пока не узнаю, какое за что отвечает, одевать глуповато. Смешно, если как цыганка усею перстнями руки.

Впрочем, с браслетами такой номер пройдет незамеченным, а рискнуть хочется, что-то они дают же владельцу?

Пока Бобик носится в лесу, а мой молчаливый арбогастр с хрустом жует верхние ветки кустов, я сел под деревом и, задрав рукав, прямо от плеча нацепил три металлических скобы. Возможно, какой-то из них проявит себя не сразу, сперва привыкнет, сроднится, а то и вовсе им всем необходимы какие-то определенные условия.

Кто знает, вдруг пробудятся при виде леса, моря или накрытого стола?.. Зато под опущенным рукавом никто не видит, а я тоже привыкну к этому металлу, что легче алюминия, а на прочность испытывать не рискну.

Пока Серфик ищет среди демонов знатоков магических вещей, я закрыл глаза и старался вчувствоваться в странное ощущение огромности и безмятежности Маркуса, когда нет иных чувств, кроме покоя, прерываемое только редкими и едва слышными позывами голода.

Солнечный свет утоляет голод Маркуса почти моментально, а во всем остальном просто полагается на меня, как при любом здоровом симбиозе, один из партнеров полагается на более сообразительного. Так же примерно тли полагаются на муравьев, что пасут их и защищают, а осенью утаскивают в норы, где пристраивают к корням деревьев, без сока которых тли бы вымерли, а весной снова открывают норы и выгоняют на пастбища.

Маркус не в состоянии выжить без более развитого симбионта, потому, когда я ворвался в него, он наверняка сразу ощутил во мне самую развитую нервную систему, но вряд ли сумел бы сменить симбионта, если бы я не умертвил ключевого филиона и не перевел на себя симбиотическую связь. Маркус мгновенно и охотно постарался сжиться с моей сетью нервов, это я ощущил сразу, только вот мне самому очень непросто объяснить, что делать нужно, а чего не стоит.

Пока что управляю мысленно, сосредотачиваясь и создавая яркие образы, для надежности проговариваю вслух, хотя слова Маркус вряд ли понимает, но, надеюсь, запоминает и постепенно свяжет с совершаемыми действиями.

Слова сами по себе просто звуки. Если, к примеру, велю создать стол, Маркус, скорее всего, ничего не создаст или создаст не то, потому что стол может быть как обеденным, так и столярным, из дерева или камня, крохотным треножником или на двенадцать персон...

Слова все лгут, если не подкреплены яркой картинкой в мозгу.

В лесу раздался треск, в нашу сторону азартно понесся огромный черный зверь, держа в пасти крупного оленя.

— Молодец, — сказал я, — молодец, собачка... Что бы я без тебя делал? Голодал бы... Ладно, давай положим на коняку, пора возвращаться.

Бобик взбрекнул, гордо посмотрел на арбогастра, видишь, не тебя

похвалили, развернулся и понесся обратно по нашему следу.

Зайчик наддал, но все же приходится увертываться от стремительно летящих навстречу толстых деревьев, и когда вынеслись из леса на прямую дорогу к городским вратам, там уже прыгает огромный Адский Пес и требует отворить ворота, а все гвардейцы прячутся по ту сторону решетки.

Услышав грохот копыт арбогастра, развернулся к нам, а стражники, пользуясь моментом, поспешно распахнули створки ворот.

Я помахал рукой:

– В Багдаде все спокойно?.. Молодцы!

На их лицах отчетливо простояло выражение даже не облегчения, а счастья. И то, что страшный пес начал прыгать вокруг такого же страшного коня, и, главное, поперек седла олень, а если лорд ездит на охоту, все в порядке, жизнь идет по плану.

Мелькнула мысль, что когда разберусь с амулетами, часть можно будет подарить местной верхушке. Тому же сэру Титусу за достойное исполнение обязанностей, его еще больше привяжет к новым хозяевам, я же политик, умею делать людям приятное, а нам полезное.

Оленя с седла забрали и утащили бегом в сторону кухни. Можно не сомневаться, что на обед подадут его целиком на блюде, зажаренного до коричневой корочки и нафаршированного мелкими птичками.

Норберт собрал за это время и суммировал все о багерах, как ползающих по земле, так и скользящих на большой высоте, а еще о скайбагерах, которых местные вообще не замечают, раз уж их никак не приспособить ни для передвижения, ни для любовных игр, хотя пару анекдотов выловил и записал.

Даже о непонятных пока андагрейлах записал все, что удалось узнать, а это все – что они здесь в шахтах на огромной глубине плавят металл и подают его наверх.

Я читал эти записи, делая вид, что для меня новинка, хотя все-таки полезно видеть, как смотрят на эти привычные для местных вещи мои люди.

– Уже понятно, – сказал я веско, – никакая армия не пройдет от границ одной империи до другой через дикое нагромождение скал. А еще пришлось бы переправляться через реки и обходить огненные разломы...

Он внимательно следил за мной прищуренным взглядом.

– Ваше величество, вы говорите, где не пройдет армия, пройдет группа хорошо подготовленных людей, приученных лазить по скалам?

– В точку, – сказал я одобрительно. – Вы прирожденный

Пржевальский, сэр Норберт!.. И лорд Лоуренс Аравийский в одном лице.

– Готовить отряды? – спросил он с готовностью. – У меня есть хорошие скалолазы!..

– Но армию так не провести, – напомнил я. – Только небольшой отряд умельцев. Тем и объясняется, что в империях примерно одинаковый уровень развития... потом объясню, и чуть ли не полное совпадение моды и обычаев.

– Следят друг за другом?

– Шпионаж и дипломатия неотделимы, – сообщил я. – В условиях рельефа, что за пять тысяч лет после Маркуса измениться не успел, невозможно вести войны с помощью больших армий, как думаете?..

– Но как-то можно... иначе?

– Можно, – ответил я бодро. – Человек всегда найдет возможность убить другого, на то и человек! Это звучит гордо, хоть и трагически, все-таки драчливый петух с плоскими ногтями...

Он посмотрел на меня с отвращением:

– Ваше величество...

– Что, – удивился я, – демократа во всей красе не видели? Когда-то захватим весь мир! Но, думаю, нам не придется карабкаться через завалы из скал!..

Он поклонился, понимая, что я имею в виду.

– Ваше величество...

– Если что, – сказал я, – мы с собачкой до обеда на прогулке.

– Отышу, – пообещал он.

На прогулку вообще-то не отправился сразу, сперва принял сэра Джуллиана с докладом, потом вызвал и поговорил с лордом Рокгаллером, затем еще дела по мелочи, а сам то и дело вспоминал о прогулке, что не просто прогулка, а в самом деле серьезная работа с аппаратом управления.

В эту эпоху короли, а императоры так вообще, всегда окружены придворными из высшего звена, начиная с момента, когда просыпаются. Не важно, с женой или с любовницей, но ждут уже в спальне, помогают вылезти из-под одеяла, одевают, причесывают, держат перед ним зеркало, а он выслушивает отчеты о сделанном, дает указания, распоряжения, проверяет исполнение, намечает планы...

...и так весь день, чем бы ни занимался, даже во время так называемых прогулок, когда на ходу выслушивает отчеты высших лиц, одобряет или отвергает, дает указания, вносит поправки и уточнения.

Бобик устал лежать на одном боку, повернулся на другой, наконец поднялся с ковра, лениво зевнул и потянулся так сладко, как умеют только

хищные животные и женщины.

– Обед? – уточнил я. – Еще рано. Подождешь своего оленя. Думаешь, сожрут, пока ты здесь и сейчас?.. Воровать грех, а у нас все рыцари Церкви... Хотя ладно, пора в самом деле прогуляться. Чтоб ты знал, это тоже работа. Только мне, увы, нельзя взбрыкивать и метаться из стороны в сторону. Несолидно, представляешь? Да что они понимают в несолидности...

За мной еще в нижних залах начали пристраиваться в кильватере придворные, но, как я понимаю, это в самом деле самые приближенные или каким-то образом избранные. Всего придворных двадцать тысяч, десять из них вообще убежали из столицы, пять в городе, около тысячи во дворце, а за мной пытаются тащиться не больше сотни, исчезающе малая величина...

Хруйт и Периальд сперва топали за спиной, потом отошли в стороны, позволяя разряженной толпе, вовсю работающей веерами, идти за мной чуть ли не наступая на пятки.

Впереди, словно завидев наше приближение, высоко взметнулись искрящиеся шапки фонтанов. Насколько помню, в полную мощь даже при императорских дворах работали в исключительных случаях. Воды требуется слишком много, потому запускали то в одном месте, то в другом, а так сад и двор слишком необъятны, чтоб бить струями в небо беззрительно.

С другой стороны, мелькнула злая мысль, пусть магия лучше дурными фонтанами занимается, чем выращивает хлеб на полях. Человек, у которого само все растет, деградирует очень быстро. У нас южные страны, где по три урожая в год, быстро пали под натиском северных варваров, живущих по полгода в условиях лютой зимы, а скучный урожай собирающих всего раз на жалких клочках земли между голыми скалами.

Альбрехт издали увидел меня, в красивом приветствии взмахнул цветистой шляпой с белоснежными перьями. Я вперил в него сердитый взгляд, а он самым изящнейшим образом поклонился, выставив вперед ногу, слава богу, не в чулке, зато сам весь сверкает ясными чистыми цветами.

Из доспехов оставил только панцирь, а сразу от плеча рукава пышные, как морская пена, собранные из множества наползающих одна на другую полосок цветной парчи. Пояс – нечто компромиссное между грубостью Севера и тонкой работой мастеров Юга, металлические кольца позывкают при каждом движении уже не угрожающее, а как-то непристойно игристо.

Я указал на них взглядом:

– Даже кинжала нет?

Он бесстыдно улыбнулся:

– В таком месте? Я не образец рыцарских доблестей сэр Растер, что не расстается со своим исполинским топором. Тем более не снимает доспехов. Сейчас таскать с собой мечи и топоры – быть посмешищем. Или не так?

Я поморщился:

– Да, вы правы, хоть то как-то и неприятно отступать от нашего северного дресс-кода. Думаю, вам уже многие подражают?

– Больше, чем вы думаете, Ваша Багровозвездность!

Я отмахнулся.

– Ладно, это не остановить. Да и я сам, как видите... Но придется делать вид, что принимаем их моду не потому, что лучше, а что... ну, из схождения к местным обычаям, что ли! Добрые мы, значитца. Хотя на самом деле мы в самом деле лучше!

– Ваше величество?

– Мы злее, – ответил я. – Мы выносивее, мы стремимся идти дальше и хватать добычу!.. А это обязательное условие прогресса. Такие вот злые и дикие опрокидывали огромные и богатые империи Персии, Месопотамии, Рима, Константинополя, а потом создавали на обломках свое, более высокое...

Он вздохнул:

– Что только не пишут в старых книгах. Вон сэр Норберт спешит в нашу сторону, он книг вообще не читает, зато людей прочитывает с первого взгляда...

Сэр Норберт, в отличие от него, на ходу кивнул нам как соратникам, а не его величеству и аристократичному герцогу Гуммельсбергу, все такой же сухой, высокий и даже с виду твердый, как дерево старого дуба. Доспехи менять не стал, хотя у него легкие из кожи, глава конной разведки не может таскать на себе железо, как сэр Растер, даже меч хоть и длинный, но уже узкий и легкий, словно старается стать предком шпаг.

– Сэр Норберт, – сказал Альбрехт, – если бы не ваши великолепнейшие усы, я бы решил, что у вас борода вообще не бородится! Как удается быть всегда с выбритым до синевы подбородком и его окрестностями?

Норберт взглянул на него холодно и сурово.

– Идите к черту, герцог, – ответил он. – Сэр Ричард, никто пока не представляет, куда скрылся император Скагеррак. Дело серьезное!

Я подумал, но ничего в голову не пришло сразу, а на Джуллиана, Верховного Псаря, не спихнешь. Такие вопросы нужно решать самому,

сказал как можно рассудительнее:

– Я решу, сэр Норберт. Как вообще население к нам?

Мы с Альбрехтом возобновили неторопливое движение по аллее, Норберт пошел слева, подумал, ответил с легким поклоном:

– Увы, пока никак.

– То есть?

– Ждут, – пояснил он, – императора. Вот выйдет из пещер с непобедимой армией. Настоящий, легитимный император.

Я помрачнел.

– Скверно, всерьез нас никак?

– Никак, ваше величество, – согласился он. – Но разве это очень важно?

– Очень, – ответил я с сердцем. – Как вы предлагаете править народом, который вас не принимает? Который откажется слушаться?.. Жечь их города и села с Маркуса?..

Он помолчал, подумал, мрачнеть начал медленно, не сразу ощутил, что армия даже в десять раз более многочисленная, чем у нас, не поможет.

– И что делать? – спросил он наконец. – Как было проще раньше... Сошлись в чистом поле две рати, проигравшие бой бросают оружие и сдаются, им велят выплатить издержки победителя и дань. После чего все расходятся.

Я посмотрел по сторонам, украдкой оглянулся. Толпа придворных тащится за нами, но Хрурт и Периальд сдерживают ее на дистанции, чтобы могли лицезреть мое величество, но не слышать, о чем говорю с соратниками.

– Сам еще все не осознал, – признался я. – Но чем дальше, тем страшнее.

– Ваше величество?

Я отмахнулся.

– Хотя бы какие-то наметки есть, где укрылся Скагеррак?.. Здесь, под столицей, или в отдаленных горных районах?

Он развел руками:

– Это не беспечный император Герман. Хоть и не было смысла скрывать, однако император Скагеррак предпочел сохранить операцию в тайне. Во дворце не знает ни один человек. Во всяком случае, так утверждает каждый.

– Сэр Норберт, – велел я, – разошлите людей широкой цепью. Строительство туннелей скрыть невозможно бесследно, слишком уж масштабные работы. Где-то есть люди, которые работали там не один год.

Он сказал осторожно:

– Большую часть император мог взять с собой. Надо же и наверх пробиваться! Но я все сделаю, ваше величество.

Он поклонился и отбыл, я с неопределенным чувством посмотрел вслед. Все чаще мои друзья и соратники от «сэр Ричард» переходят к «его величеству», и хотя понятно их желание повысить мой статус и держать его на высоте, но все равно грызет ощущение какой-то потери.

Альбрехт спросил с сочувствием:

– Что-то не так?

– Очень даже что-то, – огрызнулся я. – Если на людях обязательно вашевеличествуете, то хотя бы эти поклоны оставьте! Кивнул – и все, достаточно. Пусть местные видят, мое окружение северных героев выше всяких местных правил!.. Это придает высший статус и почтение, а эти преимущества должны употреблять на то, чтобы мне жилось хорошо и беспечно.

– Ну еще бы, – протянул он. – Иначе зачем нам власть?.. Мы и живем только для этого... Если император увел даже всех землекопов с собой, осталась их родня, знакомые, могут знать, в каких местах те работали. Но это вопрос почти решенный. Мы же знаем, завтра-послезавтра сэр Норберт принесет ответ в клюве. А вот что потом?

– Прорабатываем, – ответил я кратко. – Все варианты.

Глава 14

Аллея привела к уже четвертому бассейну с массивным фонтаном в центре, дюжина рыб вокруг золотой чаши в рост человека, из поднятых кверху морд с распахнутыми ртами бьют мощные струи, играющие в солнечном свете.

Альбрехт крякнул, гордо выпрямился. С той стороны бассейна группка молодых женщин в ярких платьях, похожих издали на букет цветов, сгрудились вокруг одной, та деловито огляделась и села на каменный парапет, остальные остались стоять.

Мы продолжали двигаться прогулочным шагом, женщины нас заметили, а как только мы начали огибать бассейн, присели красиво и церемонно. Та единственная, что сидела, тоже поднялась и присела в почтительном женском поклоне.

Я чуть наклонил голову, и это для императора считается много, а когда они все остались позади, спросил тихо, не поворачивая голову:

– Ну как?

– Она и здесь работает, – ответил Альбрехт так же тихо. – Для всех остальных побывать во дворце – это возможность посплетничать, пофлиртовать, только она такой ерундой не занимается. Вы заметили ее взгляд?

– Как оцениваете? – спросил я.

Он ответил с неспешной задумчивостью:

– Умна и, пожалуй, единственная из всей этой пестрой толпы поняла, что мы здесь всерьез и надолго. В то время как остальные бездумно верят, что вот выйдет из пещер Скагеррак и все вернется как было, а мы исчезнем, яко дым, она не только верит в нас, но и делает ставку...

– Это хорошо или плохо? – уточнил я.

– Хорошо, – ответил он уверенно. – Делает ставку на вас, вы на нее. Те люди, которых вытащила из почетных ссылок, уже работают, сами уже привлекают тех, на кого могут опираться и...

– На которых можем опираться мы, – договорил я. – Герцог, мне приятно убедиться, что ваш блестательный ум вас не покинул и среди этого блеска и роскоши. Увы, герои Севера уверены, что нашей военной мощи плюс Маркус с избытком для всего. У кого в руках меч, тот вроде бы даже поет лучше!

Он улыбнулся:

– Мне проще, я вас знаю. А вот герцогиня... Хотя, конечно, ухватилась за шанс, однако как ухватилась! Понимая, что если с нами не выгорит, то для нее впереди уже не ссылка, а плаха.

– Думаете, у нее нет скрытых от нас интересов?

– У всех есть, – ответил он с наигранной беспечностью, – Но без нас захватить трон не сумеет точно.

Мы продолжали прогуливаться вдоль небольших бассейнов с бьющими в центре мощными струями воды.

– Ваш Верховный Псарь...

– Джуллиан Варессер?

– Да, он самый, это человек все-таки императора. Не то чтобы к нам с неприязнью, все напротив, мы спасители, однако же непонятные и чуждые спасители, а вот император – привычный и понятный мир, где им всем уютно. Так что он не ваш человек...

– Временная фигура, – согласился я. – Хотя, конечно, если император исчезнет, останется служить, как служит сейчас. В ссылку, в которой оказалась герцогиня со всем ее могущественным кланом, мало кому хочется, если есть выбор.

Впереди красиво и гордо, как молодой петух, прогуливается с юной девушкой Палант, уже по-скагерракски яркий и разодетый, хотя и с мечом в ножнах за спиной, что на таком костюме выглядит несколько комично.

Девушка присела в легкое кресло, даже прилегла у фонтана, а он опустился рядом на край каменного парапета и нежно перебирал ей волосы, млея от счастья.

Девушка вообще закрыла глаза, чтобы не видеть такие вольности, Палант сидит к нам спиной, потому Альбрехт равнодушно прошел мимо без всякого «драсьте», а я, в каждую бочку затычка, остановился, все-таки Палант мой подданный, к тому же опекаемый подданный, я обязан заботиться.

– Сэр Палант, – проговорил я едва слышно, – вы так молоды...

Он спросил шепотом:

– Что случилось, ваше величество?

– Лучше разбудите, – посоветовал я. – Или, если будить жаль, осторожненько перенесите, чтобы не слышала это журчание.

– Ваше величество?

– Уписается, – сказал я с неловкостью. – Мы в детстве так подшучивали над сверстниками. Даже ночью нарочно поднимались и начинали над спящими переливать воду из чашки в чашку... Обязательно пускали лужи!

Он покраснел, все еще не может предположить, что даже такие нежные девушки тоже писают, а я поспешил догнать ожидающего Альбрехта, не оборачиваясь, не люблю растаптывать светлые идеалы, хотя, как политику, приходится топтать светлые во имя нужных.

Альбрехт некоторое время рассказывал о проблемных местах и вызовах, потом поклонился и сказал буднично:

– А теперь с вашего позволения отбываю на каторжную работу. А вы тут... политикуйствуйте.

Я не сразу врубился, чего он так внезапно, но из соседней аллеи вышла группа щебечущих на своем птичьем языке женщин, Мишелла в центре, что и понятно, ее статус резко повысился, вокруг нее группируется теперь свой круг.

Все замедлили шаг, присели в поклоне, только Мишелла продолжала идти, наконец и она опустилась, склонив голову.

– Мишелла, – сказал я церемонно, – составьте компанию. Я уже заканчиваю променад, если это променад, всегда путаю с пломбирам, но пломбир предпочитаю больше...

Она напряженно вслушивалась в эту чепуху, почему-то многим

кажется, что высокопоставленные должны непременно изрекать что-то важное, хотя на самом деле все наоборот, боязнь изречь не то важное, заставляет прятать его в ворох цветистой словесной шелухи.

Когда мы отошли на несколько шагов от ее группы, я помалкивал, поглядывал на розовую ленточку с бутоном розы на ее нежной шее, еще не врубился, натуральная или же сделана с таким изяществом придворными ювелирами, но интересоваться вслух не стал, чтобы не выдавать в себе дикаря.

Она сказала наконец тихим голосом:

– Ваше величество, ваши соратники называют нас дикарями... но мы понимаем, что они так всего лишь защищаются. Мы не дикари, а вот они...

Я хотел возразить, но она умоляюще вскинула обе розовые ладошки и сказала быстро:

– Вы это знаете. Но вы не один из них!.. Вы уже раньше видели нас и... как будто родились среди нас, даже прожили всю жизнь. Вам все знакомо, ваше величество. А это странно и непонятно! И очень страшит.

Она вперила в меня взгляд улыбающихся глаз, я прижал к стене, уже не отвертеться, надо сдаваться, поклонился, пряча взгляд, подумал мстительно, что я скользкий, как выон в машинном масле, меня хрен прижучишь.

– Леди Мишелла, – сказал я, – вы правы, вы абсолютно правы. Признаюсь как на духу... Что такое дух? В данном контексте не знаю, но в соседней империи Германа есть королевство Гессен. На самой его окраине, прижатый к морю, совершенно дикий угол, так называемый маркизат Черро. Единственное место в империи, что имеет выход к океану! Подозреваю, именно из-за него император Скагеррак и давит на императора Германа, требуя то ли передать ему этот клочок земли, то ли как-то дать ему полномочия ввести там свое правление.

Она вскрикнула:

– Ой, как интересно!

Но взгляд и встревоженное лицо показали, что эта информация больше чем интересна и тут же будет передана тем, кто сумеет ею воспользоваться.

– Черро, – повторил я, – дикое место, пристанище пиратов. Власть короля там не признают, а король даже не пытается как-то справиться. Так вот, леди Мишелла, я из Черро. Маркиз, владелец Черро!.. Так что все местные обычаи для меня, мягко говоря, знакомы. И даже въелись в печеньки.

Она широко распахнула прекрасные глаза, еще не зная, как реагировать на внезапно раскрывшуюся тайну.

– Ваше величество... но почему вы тогда здесь?

Я ответил с недоброй улыбкой:

– Ваш император хочет получить Черро. Думаю, вместе с королевством Гессен. А у нас есть поговорка про тех, кто идет за шерстью, но возвращается стриженым.

– Ваше величество?

Я ответил с той же улыбкой:

– Как бы вам помягче... В общем, зря он хотел отобрать мой маркизат. Это неотбираемо. Я человек добрый, но очень злой и злопамятный.

Она охнула, отшатнулась в ужасе, распахнутый рот прикрыла розовой и почти просвечивающейся ладошкой.

– И что... что вы хотите отобрать...

Я мягко и таинственно улыбнулся:

– Леди, давайте угощу вас нашими сладостями?.. Вообще-то мне все равно, нравятся вам или нет, сам обожаю сладкое.

Она воскликнула:

– Ваше величество! Да я готова лопнуть, настолько люблю эти волшебные штуки!..

Улыбаясь мило и зловеще, я на ходу сделал нам по стаканчику со сливочным мороженым.

Вечером раздался стук в дверь, Переальд открыл с этой стороны, из коридора заглянул Хруерт.

– Ваше величество, герцогиня!

Он даже не стал выговаривать ее длинное имя, и так понятно, других герцогинь в моей спальне еще не было.

Переальд распахнул дверь шире, герцогиня Самантелла Херствардская вошла быстро и с подчеркнуто деловым видом, присела в почтительном поклоне, но без женской жеманности и жажды понравиться как женщина.

Я за столом дописывал проект закона о расширении торговли, кивнул ей на кресло с той стороны стола.

– Присядьте, ваша светлость. Я сейчас закончу. Можете начинать раздеваться. В смысле, зовите фрейлин.

Она взглянула на меня в упор, не сдвигаясь с места:

– Ваше величество, вы со мной уже какую ночь? Это не обременительно для вас?

Я насторожился, спросил с беспокойством:

– Что за намеки, герцогиня?

Она поспешно села и ответила с несколько виноватой ноткой:

– Нет-нет, я не о том, о чем вы подумали, хотя не представляю, о чем вы подумали, ваше величество!.. Я имела в виду, мужчинам однообразие надоедает быстро, вам возжелается других женщин... Я бы предложила на следующую ночь пригласить леди Мишеллу...

Я спросил туповато:

– Э-э... ее предлагаете вы? В постель?.. Это у вас баш на баш? В смысле, услуга за услугу?.. Вот уж не думал, что женщины могут придерживаться каких-то договоров! Да еще бартерных сделок. Я думал, вы сразу топите одна другую.

Она посмотрела с ласковым укором, другим было бы чересчур, но я же страшный властелин Багровой Звезды Зла, прощебетала милым голоском:

– Ваше величество, вы император!.. Впрочем, могли заметить... здесь множество комнат в разных частях здания, где император может предаваться ласкам с теми дамами, на которых падет его благосклонный взгляд.

Я уточнил:

– В смысле, предаваться случке?

Она ответила, не моргнув глазом:

– Случке, вязке, вдутью, жарке, как угодно назовите на своем мужском языке.

– Это помимо законной жены и законной любовницы?

Она пояснила, улыбаясь светло и чисто:

– Помимо жены и законных любовниц.

– А-а-а, – протянул я, – законных любовниц может быть несколько?..

Гм... А незаконных, понятно, бессчетно.

Она сказала ласково, глядя мне в глаза:

– Незаконных не бывает. То просто кратковременные связи... К примеру, идете по длинному залу, встречаете красивых женщин, одна из которых привлекает ваше внимание. Но не вести же в спальню!.. Однако здесь в зале справа и слева вот двери в комнаты с просторным ложем. Заводите ее туда, топчете, как петух курицу, слезаете и продолжаете путь, освежив мысли и разум.

– Нехило, – пробормотал я. – как видите, я все же из медвежьего угла. У нас в маркизате такого нет... Наверное, стоило бы Скагеррака сослать туда.

Она охнула, глаза в ужасе распахнулись.

– Ваше величество!

Я улыбнулся как можно зловеще.

– Я пошутил, леди. В общем, предусмотрительно предлагаете, пока вы

не осточертели, потоптать Мишеллу, а потом снова пользовать вас?

Она улыбнулась несколько натянуто.

– Ваше величество, я вовсе не претендую на постель!.. Но остаюсь вашей верной служанкой, которую можете пользовать так, как вам угодно. Хоть для бесед, хоть для постели, могу держать над вами с Мишеллой или кем-то еще...

– Опасно быть императором, – пробормотал я. – Такая безнаказанность чревата. И что, никаких противовесов?

Она в изумлении округлила глаза.

– Ваше величество?.. Короли заводят любовниц вовсе не от всесилия и всевластности!

– Чё, правда?

Она кивнула:

– И это есть, но в меньшей степени. Однако короли, в отличие от простолюдинов, не женятся по влечению сердец, а сочетаются династическими браками. В интересах государства. Навязанные договорами супруги в лучшем случае равнодушны один к другому, а то и вызывают отвращение, не так ли? Потому как-то естественно, что заводят любовниц. Общество это понимает и встречает с сочувствием.

– Понятно, – ответил я. – Зовите своих фрейлин.

Глава 15

Закон я дописал, пока герцогиню раздевали. За это время можно было не только Хартию Законов, но и всю Конституцию сочинить для трехчетырех империй, но я за окончанием церемонии раздевания наблюдал из постели, справедливо полагая, что это еще очень сокращенный вариант, герцогиня понимает, что мне все это по фигу, потому процедура идет сжато и ускоренно.

Когда она со склоненной головой и опущенным взглядом легла рядом, я создал по чашке кофе, себе черный, ей со взбитыми сливками.

– Герцогиня?

Она покорно взяла, губы тронула странная улыбка.

– Ваше величество, вообще-то вы правы. Ночью все женщины одинаковы... Спасибо, чудесный напиток. Я все еще не привыкну, что сам император мне вот так подает... Можно бы подумать, что это какая-то злая шутка, но вы совершенно искренни, я же вижу.

– Герцогиня, – сказал я, – меня мало волнуют тонкости этикета, хотя

понимаю, с ними придется считаться. Мои орлы ржут над этими прыжками и маханиями шляпами, мне тоже смешно, однако я уже вижу размер проблемы.

Я замолчал, формулируя, как бы сказать поточнее и достаточно ясно, герцогиня сделала глоток кофе и сказала нерешительно:

– Проблема, как вписать мир ваших суровых воинов в это общество изысканного этикета?

Я поперхнулся, едва не выдув половину содержимого чашки на белоснежное одеяло. Герцогиня чуть-чуть раздвинула губы в сдержанной улыбке.

– Ваше величество, это же очевидно.

– Разве?

– Конечно, – заверила она. – Не всем, конечно, уж простите... Во всяком случае, мне ваши сомнения понятны. Если попытаться вашим героям навязать наши правила – для них это будет оскорблением. Понятно и то, что мы не можем опуститься до грубости и неотесанности ваших лордов, уж извините, ваше величество.

Она замолчала, с чашкой кофе в руках это очень удобно, всегда есть чем заняться, а я пробормотал угрюмо:

– Ничего, я догадываюсь, почему так говорите. Возьмите это печенье, оно достаточно нежное даже для дам моего королевства.

– Которое на Севере, – уточнила она, – или что в империи Германа?

– И вот это, – добавил я, – тоже нежное, с тертыми орешками и шоколадными крошками. Вам понравится.

Она чуть опустила взгляд, я не желаю отвечать и говорить в этом русле, она тут же пояснила чуточку виновато:

– Ваше величество, я постоянно стараюсь узнать о вас как можно больше. Уж простите, но это в интересах дела... Вашего дела. Вы рассказали Мишелле о маркизате Черро, что расположено в империи Германа Третьего.

Я скривился:

– А-а, тогда понятно, а то я уже подумал, с чего вы так резко о наших обычаях...

– Потому что обычай маркиза Черро, – проговорила она, словно извиняясь, – в противоречии с обычаями вашего Севера, но вы как-то уживаетесь?

– С моей армией так не получится, – заверил я с горечью. – У меня орлы!.. У них все несгибаемо.

– А компромисс?.. Что, совсем не найти?

Я посмотрел на нее в упор:

– Вы знакомы с герцогом Гуммельсбергом?

Она покачала головой:

– Нет. Это тот самый нарядный в вашем окружении?

– Да, – буркнул я. – Мне уж показалось, что он это и есть вы. Точно не его жена, сестра?.. Гм, а так похожи.

– Спасибо, ваше величество, – произнесла она со странной ноткой. – Мне льстит быть в чем-то похожей на вашего ближайшего соратника.

– Обсудите с ним, – посоветовал я, – варианты совмещения наших обычаев. Вы первая поняли, что мы всерьез и надолго. Теперь вы поняли и то, что нужно найти что-то общее. Не сам этикет, конечно, но этикет есть зримое воплощение чего-то более важного. Общественного уровня или еще какой хрени, без которой общество не общество.

Она в молчании допила кофе. Печенье я съел почти все сам, на ночь могу не только печенье, но и жареного гуся, и буду спать как убитый.

Фрейлины убрали поднос и только тогда убрались из комнаты сами, хотя я видел, что уже присматривают место, где бы остаться на ночь вблизи своей хозяйки, но для меня это пока что чересчурно.

Это потом, когда видно будет, как далеко зайдет конвергенция миров, я тоже проведу новые границы.

Хруерт заглянул в кабинет, морда расплывается в наглой ухмылке, сказал отвратительно сладким голосом:

– Ваше величество!.. Там нарядный герцог с другим нарядным...

– Тоже герцогом? – спросил я.

– Нет, но наря-я-я-дным...

– Зови, – буркнул я.

Через несуществующий порог переступил Альбрехт, в самом деле еще более нарядный, хорошо хоть в кирасе и со стальными наручами, а за ним вошел человек, больше похожий на манекен, кричаще яркий, весь в кружевах, бантах, лентах, сверкающем белизной парике, длинные кружевные манжеты в трех местах перевязаны красными и синими лентами.

Даже расшитый жюс-о-кор, что-то вроде камзола из парчи, настолько густо украшен замысловатой вышивкой, золотыми лентами и фигурными пуговицами, что не буду и пытаться понять, что это за.

От обоих пахнуло волной мощных запахов, приятных, но чересчурных, Альбрехт учтиво поклонился и сразу сказал деловым тоном:

– Ваше величество, герцогиня Херствардская очень долго объясняла

мне разные варианты сотрудничества и взаимопроникновения. Некоторые вы уже знаете, а этот тоже с вашей недоброй подачи.

Он умолк, глядя с ожиданием. Я обронил:

– Она весьма, весьма деятельная. И?

– Оченьальная, – подтвердил он. – И очень умная, кто бы подумал, глядя на ее фигуру. Чрезвычайно, знаете ли.

– К чему пришли? – напомнил я.

– Еще не пришли, – уточнил он. – Но наметили тропинки. А вы их протопчете.

– Мечтайте, мечтайте, – ответил я. – Нашли себе топтателя. Но насчет дорожной карты готов посодействовать. Рассказывайте.

Он сделал жест в сторону своего спутника. Тот подпрыгнул, протанцевал быстренько нечто сложное, словно молодой кузнец перед большим страшным богомолом, и замер в изысканном поклоне, полном трепета и крайне выраженной чуткости.

Альбрехт сказал невозмутимо:

– Фарназ Донован, императорский портной второго ранга. Главного портного император взял с собой, остальных оставил. Отличаются друг от друга только степенью близости к императору, а по умению примерно равны.

– Верю, – сказал я. – Дорогой герцог, вы уже успели обговорить основные принципы?..

Он кивнул портному, тот заговорил жеманным голосом:

– Ваше величество, для всех ваших героев будут изготовлены золотые кирасы...

Я переспросил:

– Золотые?

– Так будут называться, – уточнил он. – На самом деле золотые были бы слишком тяжелыми и непрочными. А так из лучшей стали, которую не пробить ни мечом, ни топором, а сверху покроем золотом высшей пробы. Право носить закрепите императорским указом только за прибывшими на Багровой Звезде Смерти!.. Остальным под страхом казни.

– Так-так, – сказал я заинтересованно, – а что взамен? Я же понимаю, когда слияние культур... .

Он поклонился:

– Мы ничего не требуем, оно само, вы вон тоже... Дизайн разработают наши лучшие мастера. В таких прекрасных кирасах, достойных только королей, как-то непристойно будет носить простые доспехи, а также грубые брюки и сапоги...

– Но-но, – сказал я, – сапоги не тронь, это святое. Вы слышите, грохочут сапоги, и птицы ошалелые летят?.. Пыль, пыль, пыль из-под шагающих сапог!.. Мыл казак сапоги в Черном море... И вообще все лучшее под грохот сапог и музыку Мендельсона, который сам никогда не женился... У вас нет Мендельсона?.. Ничего, будет. В общем, взамен можем сменить шлемы на ваши роскошные шляпы. Можно даже без перьев. Хотя и с перьями неплохо так. И это, как их, рукавицы на перчатки. Можно что-то еще, подумайте. Все понимают, в таком беззубом мире таскать на себе боевые доспехи и не расставаться с мечами как-то чересчурно.

– Даже показушно, – добавил Альбрехт. – Доспехи нужны перед боем. Пировать тоже в доспехах, если пир на поле боя...

– Это укажем, – заверил я.

Он улыбнулся:

– Сэра Растира никакая мода не сломит.

– У нас демократия и мультимодность, – сообщил я. – Обязательно должны быть экстремалы и экстремисты. Они придают плоскому обществу необходимые объемность и устойчивость.

– Сэр Растир... э-э... экстремал?

– Да. Он яркий представитель нового в империи течения нонкультуры. Или контркультуры. Основатель и самый яркий представитель. Думаю, часть молодежи за ним потянутся. Правые или левые радикалы. В общем, спасибо, сэр Альбрехт, вы сработали быстро и четко. Продолжайте, а я увержу окончательный вариант одежды бытовой и праздничной. С моими поправками, уточнениями и дополнениями.

Я улыбнулся им и поспешил вышел из кабинета, не дав им хрюкнуть и слова.

Зайчик гордо понес меня в сторону выхода из дворца, а затем из города, красивым галопом, разевая гриву и хвост. Горожане в испуге жались к стенам, а стража на обоих воротах спешила распахнуть их, как только видела мчащегося к ним огромного Адского Пса.

По широкому пандусу в Маркус все еще поднимаются небольшие конные отряды. Меня встретили восторженными криками, я помахал рукой и, оставив арбогастра внизу в большом зале, поспешил наверх в ту пещерку, которую упорно называю кабинетом и даже делаю кабинетом.

Ни один из сундучков и даже шкатулок не поддался, хотя пробовал все варианты вплоть до силового. Сундучки не простые, даже поцарапать не удается, что говорит яснее ясного, именно там и спрятано самое ценное.

Передохнув, привел мысли и чувства в порядок, начал

сосредотачиваться снова. Едва не задремал, не мое это – медитировать и расслабляться, но в какой-то момент именно в состоянии полусна ощутил, что пара шкатулок на столе вроде бы отзываются на мои усилия.

У одной засветились окованные неизвестным металлом углы, у другой чуточку изменился узор. Не так уж заметно, чуть-чуть, на миллиметр, не больше, но вся моя засыпающая натура воспрянула словно от удара током.

И сразу же погасло и свечение, и узор стал прежним. Разочарованный, я закрыл глаза и постарался успокоиться, замедлил удары сердца и позволил спинному мозгу взять верх над головным. Хотя, конечно, он и так командует, но не выпячивает свою роль, а позволяет головному преподносить свои решения в приукрашенном с учетом цивилизации виде.

Медленно ощущал нарастающее тепло в теле, а затем словно огромные теплые ладони взяли меня со всей бережностью и укрыли от ветра, холода и всего на свете.

– Спасибо, Маркус, – произнес я мысленно. – Я доволен, что мы вместе.

В ответ ощущал ответную волну тепла и того удовольствия, какое излучает щенок, которого гладят, чешут и хвалят.

Бобик примчался захеканный, успел понапрыгивать на всех друзей в Маркусе, начиная с сэра Растера и заканчивая малозаметными воинами, что чеснули его мимоходом.

– Развлекся? – сказал я с укором. – Ты прям клонзеец...

Арбогастр отыскал где-то в Маркусе металлические прутья и с азартом жрет, я заподозрил, что это сам Маркус и создал для него лично, любим мы баловать тех, кто слабее нас...

Вне Маркуса яркий солнечный день, все трое прищурились от жарких лучей, я вспомнил, что на Юге ни разу не попал под проливной дождь, а затянутое тучами небо тоже вроде бы не видел, непорядок. Что-то маги переборщили с заботой о человеке.

О человеке нужно заботиться иначе. Не выпуская большую палку из мускулистой дланi.

– Серфик? – сказал я и потер пальцем кольцо с его именем. – Бегом к властелину!

Вспыхнул крохотный огонек, в воздухе заплясала, часто-часто трепеща полупрозрачными крыльшками, крохотная букашка, не крупнее божьей коровки.

– Повелитель?

– Ну как, – спросил я с нетерпением. – Нашел? Что так долго?

Серфик пропищал:

– Нашел. Но искать пришлось...

– Он готов приступить?

– Спрашивает, не обманет ли тот человек?.. Я поклялся, что если не обманул всех остальных, и рассказал ему про великую битву с великим Магом Гатонесом, то не обманет и одного-единственного...

– А что он?

– Согласился, но сразу после этого ему нужно дать свободу. А то его все отговаривали...

– Обещаю, – сказал я торжественно.

– Его имя Ихтиферруммгерц!

– Понял, – сказал я. – Ладно, не мерзни, отправляйся в свой океан плазмы!

– Спасибо, повелитель!

Он исчез, я соскочил на землю, Бобик побежал и подставил башку, чтобы почесал, я, конечно, чеснул пару раз, арбогастра похлопал по боку и велел обоим:

– Побегайте тут вблизи, не мешайте работать и трудиться... Да-да, можете хоть вокруг Маркуса, хоть и заморитесь.

Арбогастр ушел к ближайшим зеленым кустам, Бобик ринулся пугать местную дичь, я перевел дыхание и сказал со всей твердостью в голосе:

– Ихтиферруммгерц! Тебя вызывает твой хозяин и повелитель!

Горячая волна воздуха толкнула с такой силой, что грива арбогастра взметнулась, как под ударом урагана, а пышный хвост вытянулся в струнку, однако не сдвинулся с места, как вросшая в землю обугленная вселенский пожаром скала.

В двух шагах возник быстро остывающий слиток металла размером с сарай. Разогнулся, на меня в упор взглянули оранжевые глаза через узкие щели из камня или металла, морда как у ящера, но сам похож на застывшую каплю ртути, исполненную и страшную.

Пахнуло такой ужасающей мощью, что я дрогнул, отступил на пару шагов, чтобы не вывихнуть шею, глядя ему в лицо, что вообще-то не лицо и даже не морда ящера, а теперь что-то совсем ужасающее жуткое.

– С виду, – проговорил я с усилием, – ты не выглядишь... гм... мудрым...

Над моей головой грохнуло:

– Повелитель?

– Ага, – сказал я с облегчением, – да-да, я ж повелитель... В общем, сможешь назвать, какие амулеты за что отвечают?

Его голос над моей головой снова показался мне ударом грома:

– Какие амулеты?

Я пояснил:

– Тебя рекомендовали как лучшего знатока по магическим штукам, что вытаскивают маги, дабы закаблять вас и мучить. Это ошибка или как?

Он прогрохотал:

– Какие амулеты?

– Понял, – ответил я. – Маркус... подай мне ту кучку из моей комнаты, что из множества мелких блестящих штучек. Я бы сам перенес, но у меня карманы не такие глубокие.

Часть третья

Глава 1

Ждать пришлось минут десять, я чувствовал, как в Маркусе что-то происходит, наконец багровая стена с нашей стороны чуточку вздулась, начал выдвигаться красный язык толщиной в два-три ярда и шириной в пять.

Я с трудом удержался, чтобы опасливо не отступить, но язык остановился в шаге от меня. Вершина быстро поползла в обе стороны, посредине блеснула, словно поднимаясь со дна исполинской чаши с красным вином, верхушка пирамидки колец и браслетов.

Еще с полминуты красное сползло прочь. Кольца и даже сундучки, что выступили из красной плоти следом, выглядят совершенно чистыми, хотя я инстинктивно ожидал увидеть клочья некой красной слизи.

Ихтиферруммгерц смотрит на них неподвижно и, как мне показалось, туповато.

Я взял с вершины пару амулетов на цепочках и потыкал в них пальцем.

– Смотри!.. Вот эту типовуху даже я знаю. Для быстрого заживления ран, в том числе и смертельных для человека. Их тут почти половина. А остальные сам определишь?

Он некоторое время всматривался в горку и наконец громыхнул:

– Вон те, что с синей точкой посередине, тоже для заживления ран.

– Ух ты, – сказал я с разочарованием, – вроде бы и не воюют, а какой спрос... Впрочем, дуэли никто не отменял, как и разбои... А эти вот?

Он ответил тем же пугающим голосом:

– Эти убивают в теле любой яд... эти помогают не спать...

– Круто, – сказал я. – На самом деле в этой куче не так уж их много разных. Понятно, массовая продукция, запросы у населения все-таки совпадают... Ладно, я буду разбирать, а ты называй.

Собственно, ему пришлось поработать не так уж и много. Я сам разобрал горку и разложил кольца и прочие штуки по кучкам. Самая большая оказалась из тех, какие увидел тогда у маркиза де Куртена, одноразовые заживлялки ран. Почти вчетверо превышает по размерам вторую горку, что спасает от отравления и переедания, остальные кучки все

мельче и мельче, в последней всего три колечка.

Что-то наверняка редкое, но вряд ли обладающее большой мощью, иначе бы Великий Маг взял с собой.

– Теперь зайдемся сундучками, – велел я. – Открыть сможешь? Именно там должно быть что-то ценное. Иначе зачем прятать?

Он рыкнул:

– Разбить?

– Но чтоб не повредить содержимое, – предупредил я. – Вдруг сработает механизм самоуничтожения? Хорошо, если только того, что внутри, хотя все равно жалко, а если и нас с тобой?.. Тебе что, через неделю мучений воскреснешь, а я вряд ли... Ты специалист или не?

Он молча взял в огромные ладони ближайшую шкатулку. Со стороны показалось бы, что просто открыл, но я успел заметить, как с днища стрельнула синяя молния, а навстречу из кончиков пальцев блеснули искорки.

Крышка откинулась, из глубины шкатулки пошел ласковый розовый свет.

– Что там? – потребовал я.

Он молча опустил ладонь на уровень моего лица. Я заглянул, приподнявшись на цыпочки. Всего три кольца, хотя можно бы поместить с полсотни, больше шкатулка шикарная.

– Для сотворения еды и напитков, – пояснил он. – Для людей и прочих животных.

– Ну, спасибо, – сказал я разочарованно. – Ладно, давай следующий.

Он начал открывать сундуки, скрипки, ларцы и шкатулки. Отдельная горка колец и браслетов растет, я старался запомнить что и за что отвечает, хотя на самом деле, если разложить по свойствам, получается не так уж и много.

Большинство амулетов относятся к лечебным, восстанавливающим здоровье и залечивающим любые раны. Правда, как сообщил со злостью еще маркиз де Куртен, все одноразовые. Он сказал, что проклятые маги нарочно создают их такими, чтобы чаще обращались к ним, но, думаю, секрет многоразовой зарядки маги просто не нашли, а вот мне удавалось заряжать подобные снова и снова, хотя у меня по совсем другому принципу.

Кроме лечебных масса привораживающих, точнее, увеличивающих привлекательность хозяина амулета, а также усиливающих мужскую силу, но это на Севере под мужской силой всяк понимает мускулы, а здесь совсем иное.

Когда Ихтиферруммгерц закончил называть свойства всех сокровищ, я некоторое время молчал, проверяя, все ли запомнил, а то вдруг моя абсолютная память, дар предка герцога Готфрида, откажет на Юге, но вроде бы ничего не забыл.

Отдельно горки для заживления ран, лечения болезней, улучшения нрава, для сотворения еды и напитков, для освещения, есть те, что убирают боль в суставах, пояснице, шее, улучшают пищеварение, убирают зуд и чесотку...

Конечно же, огромное количество разнообразнейших амулетов, «усиливающих мужскую силу», все одноразовые.

Как ни присматривался, даже переспрашивал Ихтиферруммгерца, но ни одного не отыскалось, что усиливало бы силу мозгов, словно даже магам такое без надобности. Или такие не существуют в здешней природе, хотя я сам мог бы назвать с полдюжины ноотропов.

Отдельно крохотная кучка амулетов, трансформирующих одни предметы в другие. Ихтиферруммгерц расположил их по мере нарастания сложности, самые простые могут превратить один камень в другой или медь в железо, а более редкие способны превоплотить мясо коровы в мясо козы и даже воду в вино, пусть и паршивого качества.

Одно колечко он отложил в сторону.

– Для... перемещения...

– Чего? – спросил я.

– Себя, – ответил он.

– А как действует?

Он вперил в меня невидящий взгляд.

– Мощь звезд... она везде... люди ее не видят... мы видим, но для нас закрыта.

Я пробормотал:

– Для вас открыто, значит, что-то другое. Ишь, как носитесь. Мне бы так... Хорошо, будем думать. Маги тоже наверняка не знают, иначе перестали бы называться магами. Вроде бы все?

Он прогудел:

– Все... кроме вот этого.

Он указал на тонкое колечко с черным камешком в оправе. Я всмотрелся, что-то с ним не так, только на беглый взгляд выглядит как осколок антрацита, но если всматриваться, то сперва кажется ограниченным топазом, затем начинает разрастаться, я ощущал головокружение и поспешил закрыл глаза и потряс головой, а то вот-вот провалюсь в некую черную дыру.

– Даже не догадываешься? – спросил я, стараясь не смотреть на черный камешек.

Он прогрохотал тем же могучим голосом:

– Если не знаю я, то никто не знает.

Я выпрямился и сказал самым торжественным голосом:

– Хоть ты и не назвал свойства всех, но я не буду формалистом, хотя твои сородичи понимают, у меня есть право оставить тебя в рабстве, как не исполнившего все условия договора. Но я – Ричард Длинные Руки! Запомни и скажи всем. Я блюду не пункты, а дух договора. Ты мне доверился, потому... свободен! Отныне и навеки. От моей власти и всякой другой. Имя твое будет... впрочем, сам можешь его придумать. По своему выбору.

Он взглянул на меня в упор красными, как обшивка Маркуса, глазами.

– Господин...

– Что?

– Пусть имя мне даст господин.

– А сам почему не... А-а, длинное и сложное придумать не можешь?

– Да, господин.

– Тогда, – сказал я, – пусть твое имя будет Куркуланиголубойононнааксолотлефиффузионномкварке!.. Только тот, что сможет выгравировать на своем кольце, чтобы поместились все буковки, а потом еще и прочесть правильно вслух, получит над тобой власть. Это непросто, даже я твое имя сказал и тут же забыл, больно оно красивое, а я, как и Базаров, не люблю красивостей... Счастливой плазмы!.. Если что, отыщи там в вашем мире Кракандельта, вдруг подскажет еще варианты... А они есть!

Он отступил, поклонился и моментально исчез, а меня попыталось затащить в образовавшуюся дыру, но воздух со всех сторон хлынул туда раньше, и все затихло.

Я перевел дыхание, очередная ступенька взята, все просто замечательно, даже поверить страшно. Теперь ходи и оглядывайся. Когда-то удача кончится? Или это не удача, а вполне заслуженный успех?

Кольца, браслеты и прочие амулеты красиво поблескивают на широком красном языке в пробивающихся сквозь листву уцелевших в сторонке деревьев.

Я заходил то справа, то слева, потирал ладони и окидывал жадным взором, однако все сильнее чувствовал приступы странного разочарования.

Мотивов насчет поделиться с соратниками десятки, но не меньше и доводов насчет спрятать и никому не показывать.

Все сводятся к двум простейшим действиям: делиться – не делиться. Дело не в какой-то жадности, хотя, понятно, лучшее отберу себе, но здесь тысячи волшебных вещиц, хватит на всех военачальников, вплоть до десятников, а то еще и простым ратникам достанется!

Но это же значит, свою армию праведников, пусть и праведников поневоле, без всякой борьбы передам в руки идеологического противника!

Приняв амулеты и начав пользоваться ими, откажемся от своих ценностей. Тех самых, что с болью и большой кровью заставят нас, человечество, двигаться, а где и ползти, цепляясь за дорогу окровавленными пальцами, по дороге прогресса!

– Ладно, – сказал я громко и стараясь, чтобы в голосе не прозвучали колебания, свойственные такой чуткой натуре, – Маркус!.. так же аккуратно забери все это назад. В смысле, обратно в ту же пещерку... Да, которая мой кабинет, я там буду в сладостном уединении над златом чахнуть...

Красный язык чуть загнулся по краям, это на случай, если пирамидки рассыплются, начал втягиваться в багровый купол, похожий на ложноножку амебы.

Я выждал, когда исчезнет, прокричал:

– Бобик, Зайчик!.. Долг зовет!

Они примчались вместе, захеканные. Точно носились наперегонки, у них это извечный и пока что нерешенный спор, кто быстрее.

– Прокатимся, – пообещал я. – Но не сразу, сперва только я, потом вместе...

Зайчик понял насчет только меня, повернулся боком. Я вставил ногу в стремя, чувствуя, что уже не запрыгиваю в седло, как вообще-то еще могу, но император должен быть величественным и замедленным, как улитка на морозе, потому поднялся неспешно, разобрал повод и только тогда скомандовал:

– К большому трапу!

Бобик моментально ринулся рядом с багровой стеной, арбогастр опоздал на долю секунды, а еще через полминуты мы выметнулись на простор, где со стороны главной дороги из города по двое-трое двигаются всадники, сворачивают, а через сотню ярдов копыта уже начинают стучать по ярко-красному широкому трапу Маркуса.

Меня приветствовали криками, я помахал рукой, а когда вместе с ними вступил на помост, придержал арбогастра.

– Ребята, я с теми, кто уже в Маркусе. На некоторое время отлучусь в интересах государственной безопасности, а вы подождите здесь. И всем, кто идет из города, объясните...

Один из рыцарей спросил встревоженно:

– Ваше величество, но наши мечи не будут лишними!

– Операция тайная, – сказал я, понизив голос. – Только ограниченным контингентом!.. Как бы не боевая операция, а просто погулять зашли... Вернемся скоро, коней не расседлывайте!

Паңдус тут же понес нас троих к такому страшному издали зеву, а едва мы с арбогастром пересекли линию, вход закрылся, как диафрагма.

Я сосредоточился, еще не веря, что получится, но вроде бы ментальный контакт крепнет, трап не остановился, а понес нас с арбогастром выше, только Бобик поспешил соскочить и теперь с обиженным гавком бросился вдогонку.

Арбогастр стоит спокойно, хотя нас несет прямо на стены, что в последний момент расступаются, через пропасти и клокочущие внизу ручьи, я даже зажмурился, как можно ярче представляя себе ту пещерку-кабинет, и когда одна из стен раздвинулась, нас внесло прямо в середину действительно кабинета с мебелью, коврами и боевыми трофеями на стенах, что, правда, пока что составляют общее со стенами.

– Спасибо, – сказал я с чувством. – Маркус, ты хороший!

Арбогастр, продолжая пережевывать нечто хрустящее, посмотрел на меня с интересом, подошел к стене и попытался пастью ухватить рукоять приклеенного там меча.

К моему потрясению звучно хрустнуло, рукоять отломилась и наполовину исчезла в его пасти. Начал жевать с заметным удовольствием, на меня косился невинными глазами, дескать, это же просто росло здесь, ничего не испортил, снова вырастет.

– Здорово, – выдохнул я, – но как-то уж чересчурно... Зайчик, иди на хрен в коридор. Здесь тебе не совсем, а то как-то политкорректно слишком... Маркус, ты молодец, я тебя люблю. Мне с тобой хорошо. И даже здорово!

Я говорил с подъемом, укрепляя связь симбионтов, но и чувствовал себя на подъеме: моя пещера-кабинет становится все уютнее, Маркус чувствует, когда мне удобнее, хотя ему и трудно понять, чего я хочу на самом деле.

– Покажи, – велел я, – то, что ты сейчас принес...

В левой стене появилось отверстие, начало расширяться наподобие диафрагмы. Я заглянул, сердце радостно дрогнуло, все в том же порядке, ни одно колечко в кучах не сдвинулось.

– Закрой, – велел я, – все хорошо... Закрой стену!.. Отдохни, я пока тут как бы поотвлекаюсь...

Из туннелей доносятся голоса, послышался сердитый гавк, снова голоса, уже ближе.

Я вышел из кабинета, ко мне мчится огромный черный пес, а за ним с полдюжины воинов в доспехах и с мечами, у кого в перевязи на боку, у кого за спиной.

– Ваше величество!

Я вскинул руку.

– Нет-нет, еще не поход, я бы объявил. В поход завтра. А сейчас небольшой испытательный полет под покровом полнейшей секретности. Помните, вы участвуете в проекте сверхгосударственной важности!.. Потому возвращайтесь на свои места... Бобик, а ты можешь побывать пока со мной, ты же точно не проболтаешься о деталях, правда?

Остальные, глядя на меня с почтением, отступили, преисполненные важности, только граф Мальгерт сказал твердо:

– Я прослежу, чтобы не болтали!

– Покров секретности будет снят, – милостиво сообщил я, – как только приступим к основной части операции. А пока отдыхайте и готовьтесь!

Бобик впереди меня побежал к кабинету. В коридоре перед ним арбогастр пытается сгребть со стены мощно выступающие барельефы, Бобик сделал вид, что даже не заметил какую-то лошадь, вскочил в кабинет и побегал вдоль стен, запоминая, что где лежит.

У левой стены остановился как раз в том месте, где спрятаны мои сокровища, понюхал, даже попытался поцарапать красную поверхность лапой с острыми когтями.

– Бобик, – сказал я, – их не едят. Отдыхай!.. Маркус... теперь поднимись выше и давай левее... еще, еще, я скажу когда... ага, стоп!

Я говорил твердым голосом, хотя в душе все еще трепещет страх, хотя уже не столько страх, как трусливая такая боязнь, а вдруг на этот раз не послушается, а вдруг перестанет понимать, а вдруг решит, что обойдется и без симбионта...

Маркус по команде остановился моментально, я инстинктивно приготовился, что швырнет в стену, но у Маркуса какие-то свои отношения с тканью пространства, все просто замерло, меня даже не качнуло.

Внизу в сотне миль под нами застыла громадная горная цепь, даже не одна, скопление гор тянется на восток, с этой высоты похоже на исполинский шрам на теле планеты.

– Маркус, – сказал я, – это мой мир, я его люблю!.. Теперь это и твой. Мы будем его хранить и любить... Но кое-что нужно подправить... Видишь вот ту гору?.. Заснеженная такая, вершина раздвоена... Понимаешь, нам с

тобой нужно ее то ли сравнять, то ли вообще убрать...

Маркус, похоже, еще не понял, что я хочу, а у меня сердце колотится, как у мыши перед кусочком сыра на крючке мышеловки. Одно неверное движение...

— Маркус, — заговорил я снова, стараясь, чтобы слова звучали уверенно, медленно и убедительно, — остальные горы трогать нельзя, понимаешь?.. Это очень плохо. А вот ту нужно убрать так, чтобы не повредить те, что рядом. Это очень важно. Нам будет хорошо, если сумеем ее заставить не быть, не существовать... Разве что в виде пыли, но чтоб не гора, как она сейчас...

Некоторое время я плел еще какую-то чушь, здесь главное донести до Маркуса, что ни в коем случае нельзя рушить больше, чем требуется мне, а значит, и ему, мы же сейчас симбионты, даже больше, чем Кaa и Маугли.

Еще трижды заставил переместиться над горой, уже не столько для лучшей позиции, а чтобы удостовериться, что понимает, что хочу, наконец сказал с трепещущим сердцем:

— Теперь опустись ниже... можно еще... Готов? Давай!.. Уничтожь гору, но не затронь те, что вокруг!.. Только ту одну!.. Если еще не понял, не начинай, хорошо?..

Волны тепла, то ли реальные, то ли придуманные, коснулись меня со всех сторон, затем внизу коротко блеснула багровая вспышка.

Я чуть не разбил лбом прозрачную стену, ринувшись рассматривать, что там внизу, ожидая увидеть огромный огненный кратер, однако взгляд утонул в ущелье, возникшем на месте назначеннной для уничтожения горы.

— Молодец! — вскрикнул я, чувствуя, как такая же по размерам гора соскользнула с моих плеч. — Ты молодец, ты хороший!.. И мы с тобой молодцы. Все верно, все здорово... Давай сместимся вон туда, видишь?.. Еще левее, теперь прямо...

Под моим руководством он уничтожил еще две горы, буквально превратив их в пыль, а то и еще мельче, чем пыль. Меня с каждым разом трясло все меньше, наконец сказал с подъемом:

— Ты как, не проголодался?.. Может быть, нужно устроить передых на кормежку?.. Ты чем питаешься?

Он не ответил, но я ощутил теплую волну, уверенение, что вблизи звезд всегда есть чем кормиться, и только если гаснут или взрываются, приходится перебираться к другим.

— Прекрасно! — воскликнул я, чувствуя, что в самом деле все прекрасно, самый большой кошмар испаряется на глазах, Маркус может рушить не только целиком континентами. — Тогда еще одну крохотную

операцию, и отдохнем!.. Мы с тобой, братишка, просто ювелиры!

На участке дороги между городом и тем местом, откуда я забрал Маркуса, скопилось не меньше сотни всадников и около полутора пеших.

Все вскочили, Маркус слишком уж неожиданно возник в небе, а затем без всякого перехода оказался у самом земли, огромный и все еще пугающий размерами.

Широкий красный пандус выдвинулся быстрее, чем раньше, Маркус запоминает операции, тяжелый красный край лег и застыл прямо у ног ожидающих десантников.

Первым по трапу ринулся Бобик, кого-то из знакомых внизу свалил и повалял по траве, облизывая в знак дружбы, следом на арбогастре спустился я, излучающий и весь торжественный.

– Продолжаем посадку!.. Располагайтесь, завтра будем в других королевствах!

На городских воротах увидели меня издали, распахнули створки. Из караульного помещения выскоцил Титус, быстро и настороженно направился в мою сторону.

Бобик пронесся мимо, держа взглядом центр города, арбогастр по моей команде остановился у ворот.

Титус спросил с напряжением в голосе:

– Сэр... ваше величество?

– Все в порядке, – заверил я. – Теперь поспать удается?

– Немного, – ответил он с заминкой. – Время неспокойное и не совсем понятное.

Я сунул ладонь в седельную сумку, Титус умолк, а я вытащил пару блестящих камешков на тонких цепочках.

– У вас такие в ходу? – спросил я.

– Видел однажды, – произнес он с сомнением. – Это вроде бы заращивает раны?

– Полностью, – подтвердил я, – даже смертельные! Жаль, одноразовое... Но у нас, северян, есть возможности наполнять их магией снова. Уникальное свойство. Прирожденное, так сказать. Так что приносите, если разрядится, не стесняйтесь.

Он спросил с непониманием:

– Ваше величество?

Я сунул ему в ладонь один амулет, а затем, расщедрившись, добавил второй.

– А этот кому-нибудь, кого повысите в звании.

Он вскрикнул:

– Ваше величество! Это целое состояние! Я не могу такое позволить!

– На моей службе сможете, – заверил я. – Зато станете отважнее бросаться на врага, ха-ха, а это в моих интересах!

Бобик там впереди перестал оглядываться, дождался конца разговора и ринулся через огромный город в сторону императорского дворца.

Я послал арбогастра следом, подумал мимолетно, что даже императорская стража, начиная еще от городских ворот, заметно повеселела, узрев почти своего отца народа. Это хреново, не должны все так уж от меня зависеть. И дело не в моих демократических воззрениях, я еще тот демократ, всех бы перевешал, но пусть ответственны в строительстве светлого будущего будут все, а не сваливают на меня трудности и неудачи.

Еще больше обрадовались, будто год не видели, охраняющие комплекс зданий и сада дворца. Здесь больше проблем, а многие мои орлы, как ни приучай к самостоятельности, отважны только в привычной обстановке, а здесь на Юге подрастерялись, слишком много необычного, на что непонятно как реагировать.

Хрурт, Периальд и Ульман, которым запрещаю следовать за мною в таких поездках, встретили меня укоризненными взглядами у ворот дворцового ансамбля.

– А, – сказал я довольно, – все трое здесь? Не придется искать вас по всем кабакам?.. Держите! Наденьте под рубашки. Хотя камешки и красивые, а цепочки вообще из серебра, но такое лучше носить тайно.

Они с недоумением смотрели на амулеты, Ульман спросил в недоумении:

– Если это украшение, то... зачем прятать?

– Это панцирь и оружие, – пояснил я. – Все разом! Амулеты по выявлению незримников. Теперь никто не проскользнет ужом или зайчиком мимо вас невидимым и скрытым.

– А тут могут? – спросил Периальд.

– Страна колдунов, – пояснил ему Хрурт авторитетно. – Одни гады.

– Точно, – подтвердил я. – Могут, но у вас не пройдут!.. Вот третий, Периальд, надевай сразу, не рассматривай! Амулеты для заживления уже дал?.. Ладно, вот еще по одному. Нет, по два, а то одноразовые, сволочи. Но после использования не выбрасывать, поняли?.. У вашего вождя и сеньора есть возможность наполнять их целебной мощью снова, ибо я Защитник Веры и Рыцарь Господа. Но это не всем, я не могу обслуживать всю армию поштучно!

Ульман сказал по-крестьянски мудро:

– Что-то ждете?

– Всю жизнь жду, – ответил я. – Потому и. Бдите, я не всегда окажусь рядом.

Хруерт сказал обиженно:

– Сэр Ричард, это мы вас должны охранять и защищать!

– Все мы охраняем, – ответил я примирительно, – и защищаем друг друга. А вместе с тем наше великое отечество, которого пока нет, но точно будет! Если мы не, а то все... Эй, вот Юстер показался! Кликните, не императору же к нему, это же гора к Мухаммаду...

Юстера дар ошеломил не меньше, явно здесь порядки строже, знать не снисходит настолько до простой охраны, даже привилегированной, но нам можно, мы патриархальные, это раз, а главное – победители, а победители все делают правильно и даже красиво.

Остальные амулеты раздал встретившимся военачальникам, телохранителям, а оставшиеся всыпал Альбрехту в подставленные ладони, посоветовав распорядиться мудро, а то я не могу, вот сегодня как раз не мудр, зато красивый, нарядный и загадочно печальный.

Он покачал головой, рассматривая блестящие вещицы на цепочках, во взгляде отразилось сильнейшее сомнение.

– В самом деле лечат?

– Еще как, – заверил я. – Маркиз де Куртен познакомил меня с этими штуками. Там, где я взял, еще остались, но надо сперва разгрести ту навозную кучу.

– Навозную?

– Поэтическая парабола, – пояснил я. – С переходом в синусоиду.

– А на самом деле?

– Лучше не спрашивайте, – посоветовал я. – Все равно не поверите. А если поверите, начнете прикидывать, как ограбить своего лорда. Вы же понимаете, все ценное я припрятал для себя, такого умного и нарядного?

– Еще бы, – согласился он. – Иначе какой император?..

– А вот вы все себе не хапайте!

– Это почему же? – поинтересовался он с подозрением. – Каков император, такие и герцоги.

– Завтра будут ищущи, – пообещал я. – Другие, получше. Еще не знаю какие. Сперва разберусь. Себе, понятно, что получше, я же император, не хвост собачий, а герцогам что похуже.

Он потряс в ладонях амулеты, сказал задумчиво:

– Может, эти не раздавать, придержать до завтра? А то вдруг обманете,

как обычно?.. Вы же правитель, положение обязывает. Иначе другие императоры уважать не будут.

Я широко улыбнулся:

– Завтра у нас другие проблемы!.. Думаю, в Маркус уже все загрузились?.. Пора, герцог, а то засиделись, засиделись...

Он сказал с удовлетворением:

– У многих мечи в ножнах уже шевелятся в гневе. Мы же прибыли с Севера для завоевания?.. И где наша праведная месть?

– Мы уже завоевали, – напомнил я, – только наши герои этого еще не поняли.

– Не поняли... Я вот даже не ощущал. В самом деле что-то завоевали? По-моему, завоевывают нас. Мы как глупая лягушка, что пришла посмотреть на большого удава.

Глава 2

Герцогиня продолжает выказывать себя идеальной женщиной с точно настроенными гендерными качествами: внимательно всматривается, вчувствовывается и старается понять доминирующего самца, что, конечно, удается плохо, я такой загадочный и такой задумчивый, но все же продвинулась дальше других женщин, что только глупо хихикают и бросают многообещающие взгляды.

Видя, что мне без разницы, горят свечи или нет во время удовлетворения так называемых мужских нужд, даже не пыталась настаивать, чтобы погасили свет, дескать, таинство нужно проделывать в полной темноте и наугад, а со второй ночи даже перестала натягивать до подбородка одеяло.

Правда, тело безупречно молодое и здоровое, а распущеные по подушке волосы уже придают необходимую степень бесстыдства и разврата.

– Ваше величество? – поинтересовалась она негромко. – Что-то не так?

– Все так, – ответил я. – Вы удивительно чуткая женщина, герцогиня. И умеете быстро применяться к новому.

Она спросила так же тихо:

– Это комплимент или...

– Скорее или, – сообщил я. – Хотя комплимент есть тоже, есть. Вы раньше других ощутили, что в мир пришла новая сила. Молодая, грозная, не во всем умелая, но исполненная решительности ломать и строить. И вы

присматриваетесь...

– Ваше величество... вам это как, не поняла... Вы недовольны? Я стараюсь все делать так, чтобы угодить вам.

Я усмехнулся:

– Звучит высокопарно, знаю, но угодить мне – это угодить делу. Вернее, угодить нашему делу – угодить моей замечательной персоне.

Она проговорила с рассчитанной степенью нерешительности, даже как бы непонимания, чтобы можно было в случае чего моментально втянуть рожки под раковину:

– Вы... это империя?

Я помолчал, она почти дословно воспроизвела знаменитую фразу Людовика Четырнадцатого: «Королевство – это я!»

– Вы умная женщина, – сказал я с почтением. – Я это не говорил, как в упор не услышал и от вас... но я вас настолько теперь зауважал, что даже и не представляю, как можно настолько мудрую женщину так примитивно использовать для половых нужд.

Она посмотрела с недоверием, шуточки у меня странные, наконец сказала с неуверенностью:

– А вы не обращайте внимания на умную женщину. Перед вами голая!.. Разве для мужчины это не все?

Я хотел сказать, что это все для самца, а для мужчины нет, но это же совсем занудство, хотя император и обязан исключительно точно подбирать слова, но так сам рехнусь от своей скучной правильности, а империю точно сведу в могилу.

– Была не была, – сказал я лихо. – Конечно, топтать умную женщину извращение, как будто у нас дур мало, но вдруг с умными как-то иначе?

– Ваше величество, – ответила она шепотом, – вы все проверите. Все в ваших длинных и, как вижу, цепких лапах.

Герцогиня знала, что говорит, стучала в моей голове мысль. С первой ночи то ли проанализировала, как прошло, то ли наблюдала за мной днем и делала выводы, а умные женщины даже по походке и посадке в седле могут определить, каков мужчина в постели и чего он там ждет, но на этот раз все прошло так, как я сам не желал бы лучше.

Да, именно полное и быстрое удовлетворение этих самых нужд, сластолюбцы вырастают только из бездельников да простолюдья, для них чувственные удовольствия и есть их потолок.

– Ваше величество?

– Да, – ответил я, – вы правы, герцогиня...

– Ваше величество?

– Особенности рельефа, – пояснил я, – диктуют политику между империями. Я об этом говорил или только думал? Видите, насколько с вами откровенен?.. Потому и пошли анекдоты проочных кукушек. На Севере пять тысяч лет тому Звезда Смерти точно так же взламывала земную кору и громоздила новые горы, но почему, почему там королевства и даже империи не отделены горами и провалами одна от другой?

Она смотрела с вопросом в глазах, румянец от коитуса еще не сошел со щек, губы красные и вздутые, но сумела ответить почти прежним голосом:

– Ваше величество, я только сейчас услышала, как там, на Севере. Но вы, наверное, уже раздумывали над этими странностями?

– Только сейчас пришло в голову, – признался я. – Момент как никогда удобный. На планете встряска, в постели тоже, а это новые мысли, новые идеи... А вдруг, как это дико ни звучит, сами маги воздвигли такие барьеры между странами? Точнее, вокруг мест обитания, на которые простирается их власть... А в их пределах и образовались со временем королевства.

Она помолчала, в темных глазах поблескивают загадочные искры, но после паузы голос прозвучал со странной ноткой:

– Я счастлива способствовать рождению новых мыслей, новых идей.

– Да, – подтвердил я, – кровь нужно гонять туды-сюды, это весьма...

От дурака до гения, это важно для прогресса и подъема сельского хозяйства. А средние люди... эти ничего не придумывают, ни полезного, ни опасного, но на них держится мир. Их нужно беречь и защищать.

– Глубокая мысль, – проворковала она.

Я взглянул с подозрением, такой трюизм назвать глубоким можно только в издевку, но смотрит серьезно и смиренно, то ли играет в дуру, то ли все-таки дура, мне так думать комфортнее, но опаснее, что для правителя недопустимо.

– А для средних людей, – подытожил я, – нужно создать условия, чтобы развивались, повышали уровень, обрастили хорошей добротной шерстью, дабы можно было стричь дважды в год, а то и трижды... Потому, гм...

– Ваше величество, – проговорила она, не дождавшись продолжения, – вам нужно хорошо выспаться. Завтра день тяжелый... хотя, подозреваю, у вас они все такие.

– Точно, – согласился я. – Давайте ваш афедрон, герцогиня.

Она улыбнулась, поворачиваясь ко мне спиной, свернулась в калачик. Я обхватил ее крепко, вжав спиной и горячими ягодицами в живот и пах,

моментально заснул.

Утром осмелевшие фрейлины, уже сообразившие, что я правил не придерживаюсь и за нарушение этикета головы не рублю, рассматривали меня не так уж украдкой, хотя в глаза старались не смотреть, а когда взгляды пересекались, поспешно опускали глаза и мило краснели.

Герцогиня улыбается понимающе, наверняка не прочь, чтобы я время от времени вдувал им, обе такие хорошенъкие, как посыпанные сахаром булочки, не конкурентки, а я как бы всегда под наблюдением, но я пока до такого еще не доимператился, хотя зарекаться не рискну.

Ее одели, причесали, заплели в волосы яркие банты и навтыкали в прическу золотые шпильки с рубиновыми и сапфировыми головками. Когда поднялась и повернулась в сторону моего стола, куда я перебрался, самостоятельно надев штаны, я поднял голову от бумаг и поощряюще поднял кверху большой палец.

– Весьма!.. Зело весьма!

Она грациозно присела.

– Я польщена, ваше императорское величество. Кстати, сегодня прибудут лорды моего клана.

– Приведете, – ответил я государственным голосом и снова опустил взгляд в бумаги.

Периальд, закрывая за мной дверь, доложил с удовольствием:

– Сэр Ричард, в коридоре дожидается сэр Норберт! Стучит копытом, как конь перед походом.

– И вы не отвертитесь от Великого Дела, – пообещал я. – Пригласите.

Норберт вошел деловой походкой, но все равно у него смотрится красиво и молодцевато, будто на параде, сам весь вздернутый и собранный, подкованные сапоги бодро постукивают даже на толстом ковре, а взгляд исполнен твердости и верности долгу конкисты.

– Ваше величество, – доложил он, – согласно вашему повелению загрузка личного состава завершена. В Маркусе устроено две трети нашей армии!

– Отлично, – сказал я. – Сегодня же и отправимся. Вы уже завтракали?

– Нет, спешил застать вас пораньше...

– Пойдемте перекусим, – предложил я. – Выслушаем жалобы, в чем я дурак и что не так делаю.

Он коротко усмехнулся:

– Потому я велел не пускать в зал посторонних. Это же удар по авторитету!

Я вяло отмахнулся:

– Вообще-то это их двор. И весь дворец. Да-да, он принадлежит империи. Император только живет в нем.

– А мы?

– Ничего не изменилось, – ответил я мирно. – Все то же. Всего лишь власть поменялась. Если придворные не очень-то заметили, то народ вообще не ощутит...

– А как же подъем сельского хозяйства?

– ...очень долгое время, – договорил я. – А когда ощутит, мир к тому времени будет другим.

В нижнем зале, где стolуется моя знать, народу втрое меньше, что и понятно, военачальники предпочитают быть со своими.

Меня встретили ликующими воплями, я походный вождь, а поход мы еще не закончили, вся слава впереди, как и подвиги с доблестными свершениями во славу рода и для баxвальства потомков.

К Альбрехту дважды подбегали гонцы, шептали на ухо, всякий раз он бросал на меня быстрый взгляд, а когда закончили с жареным мясом, поднялся и тихо сказал мне на ухо:

– Сэр Ричард, нас ждут.

Переспрашивать я не стал, сэр Альбрехт мимо не каркнет, вытер пальцы о скатерть, как здесь принято, и вышел из-за стола.

– Не сюда, – шепнул Альбрехт и, придерживая меня за локоть, повел вверх в небольшой зал, куда я только однажды заглянул, но не увидел ничего интересного, кроме большого трона, украшенного золотом и драгоценностями на помосте с двумя ступеньками.

Такие залы используются королями для приема не особо важных гостей, когда не требуется масса присутствующих.

Однако у двери уже толпятся придворные, быстро расступились и кто присел, кто согнулся в поклоне.

Альбрехт, все еще придерживая меня за локоть, повел по красной ковровой дорожке к трону, а когда поднимались по ступенькам, сказал предостерегающим шепотом:

– Сэр Ричард...

– Чё?

– На трон, – велел он тихо. – На трон опустите задницу!.. и вид примите императорский, а не!.. Сюда уже идут.

– Хто идет? – спросил я всполошенно. – Я не заказывал...

– Герцогиня Херствардская, – напомнил он и мстительно посмотрел мне в глаза. – Расхлебывайте, ваша Небесность!

Я поспешил сел, опустил руки на широкие подлокотники и принял соответствующий вид. Альбрехт встал справа, строгий и величавый. Появился Норберт, уже наверняка осведомлен в подробностях, иначе что за разведчик-контрразведчик, взглянув с полнейшим безразличием, но, не увидев никого, кроме телохранителей, встал от трона с левой стороны, выпрямился и замер.

Через минуту, явно получив сигнал, в зал вошел церемониймейстер, ударил тупым концом жезла в пол и провозгласил торжественно:

– Герцогиня Самантелла Херствардская!..

В дверном проеме появилась герцогиня, снова успела переодеться в нечто вообще неописуемо нарядное, за нею еще трое солидных с виду вельмож, рассмотреть не удалось, герцогиня неспешно начала вплывать в зал, каждое движение замедленно, это чтобы дать мне возможность все рассмотреть и успеть среагировать.

Внизу у первой ступени трона остановилась и присела со всей учтивой церемонностью. Ни в едином движении или шевелении нет намека, что побывала в моей постели, и побывала не раз.

Я небрежным движением кончиков пальцев разрешил встать.

– Ваше величество, – произнесла она, выпрямившись, – с вашего милостивого позволения я взяла на себя смелость представить лорда Грейгера Армстронга, владельца земель Мерляндии, Устарлинга и Шнайдерга, а также городов Безекс, Варберг и Ганорск. С ним также граф Никлас Томандер, он из рода Капергов, репутация не только его лично, но всего рода до двенадцатого колена абсолютно безупречна... и граф Франк Хьюстон, лучший знаток истории империи!

Я слегка наклонил голову, все трое поняли знак, приблизились и встали рядом с герцогиней.

Я изобразил на лице скуку и легкое любопытство.

– Слушаю вас, лорды.

Грейгер Армстронг, которого герцогиня представила как владельца каких-то земель, явно значительных, сделал шаг вперед и медленно поклонился.

Двигается, как и герцогиня, рассчитанно замедленно, чтобы никакие неожиданности врасплох не застали, чем-то похож на перегруженную каравеллу, поверх тяжелого парика, толстого и теплого, как сибирская шуба, еще и массивная шляпа, то ли голова мерзнет, то ли что-то означает в замысловатом придворном этикете.

С тяжелыми чертами лица, крупного и одутловатого, надменно величавый, выглядит настоящим государственным деятелем, мешки под

глазами придают солидность, но взор ясен и прям.

– Ваше величество, – проговорил он спокойным и почтительнейшим голосом, – вы спасли нас от Багровой Звезды, а сейчас спасаете вновь, давая шанс вернуться к настоящей жизни!.. Находиться вдали от столицы, пусть даже в роскошном дворце и в окружении слуг, горше смерти...

Я кивнул, продолжая рассматривать его внимательно.

– Герцогиня Самантелла за вас поручилась...

Он сказал с жаром:

– Ваше величество!.. Даже непопулярные решения будем проводить твердо и без колебаний.

Я слегка приподнял правую бровь:

– Почему так?

Он ответил так же искренне и без колебаний:

– Вы вернули нас из ссылки! Отныне принадлежим только вам. Обещаю так же за графа Томандера и графа Хьюрстона...

Я величественно наклонил голову, изобразив на лице удовлетворение, и кончиками пальцев позволил удалиться всем троим, достаточно и того, что представили мне, а я в ответ посмотрел на них.

Кланяясь, некоторое время пятались, затем у двери развернулись и синхронно вышли в коридор.

Альбрехт сказал негромко:

– А этот Армстронг понравился. Чувствуется порода. Даже у нас на Севере что-то бы значил.

– Мне тоже, – ответил Норберт. – А вам, сэр Ричард?

– Увидим, – ответил я. – Работы у них не так уж много. Империи не воюют и воевать не могут, а экономика целиком на усилиях магов. Но лично для меня и вас, дорогие мои, лучше окружать себя верными нам местными дикарями. Что мы и начали делать.

– Ваше величество?

– Заглянем к сэру Джуллиану, – сказал я, – и сразу на Маркус. Думаю, он уже заждался.

Глава 3

Сэр Джуллиан трудится в большой и богато, хотя и строго обставленной комнате. С ним за столами склонились полдюжины разряженных, как клоуны, придворных, все в ярких цветных костюмах, в цветных париках и даже с напомаженными лицами.

Только мне заметно, что разряжены чуточку скромнее, чем обычные придворные, то есть работающие, а не прибывшие во дворец флиртовать и бабничать.

Джулиан увидел меня, сделал попытку подняться, я остановилластным жестом.

– Сэр Джуллиан, вы на работе!.. А работа важнее даже императора. Я бы сам работал, да не умею... Ха-ха, какие новости? Есть проблемы?

По его лицу и виду соратников заметно, что проблемы есть, да еще какие, но императора нельзя ими грузить, с ним нужно говорить только бодро и оптимистично, потому он ответил с казенно-учтивым поклоном:

– Все под вашим контролем, ваше Багрянозвездное величество!.. Вы строгими мерами спасли империю, милосердно и без суда казнив разбойников и мародеров! Это внесло заметное успокоение в приличное общество и прочий простой народ. Сейчас остались мелочи...

– Хорошо, – сказал я, – мое величество отбудет из столицы на некоторое данное время. А вы тут... в смысле, продолжайте. Приготовьте все насчет инфраструктуры империи. Данные по королевствам, экономике, просвещению, дорогам... дороги хоть где-то существуют?

Джулиан пролепетал:

– В городах... да, в городах! А так зачем? Везде багеры. Ни усилий, ни ухода... Все, как вы говорите, для народа.

Альбрехт и Норберт переглянулись, я сказал со злостью:

– По совести эти багеры нужно бы просто сбить к такой матери. Где-нибудь над пустынными районами. Или над океаном.

Норберт напомнил:

– Над океаном не ходят.

– Тогда над пустынями, – ответил я. – Или густыми лесами, где народ не живет. Люди не должны халявить! От халявности тупеют и возвращаются в свое прежнее некрасивое и волосатое состояние. Господь сперва создал обезьяну, а из нее человека... Из глины. Хотя из глины создал сперва первые аминокислоты, да и то не сразу, а потом через длинную цепочку и человека, но утомительные подробности опустим...

Джулиан спросил в недоумении:

– А зачем сбивать?

Я сказал раздраженно:

– А чтоб народ дороги строил!.. У вас что, только мудрецы знают, что багеры изнашиваются?.. На маршруте Волсингсбор – Муходанск осталось только четыре из десяти?.. Уверен, над континентом так везде, а то и вовсе всюду. И когда рухнет последний, любая связь прервется!.. Кто-то об этом

думал?

По их пристыженным лицам увидел отчетливо, что никому такая мысль даже в голову не приходила по ее дикости и лишенности.

— Эх, — сказал я с укором, — а еще мудрецы. Уверен, как завязывать бант сорока семью способами, все знаете!.. И как обольщать как бы недоступных женщин...

Они отводили взгляды, только один из его помощников, немолодой с длинным лошадиным лицом, вздохнул и сказал грустно:

— Знал, но давно забыл. А сейчас... да, подачки развращают не только придворных. Багеры... тоже подачка.

На него косились с недоумением, а я, сделав зарубку в памяти, поинтересовался дружеским голосом:

— Как ваше имя, сэр?

— Вударнер, — ответил он поспешно вздрагивающим от усердия голосом. — Вударнер Миллар, ваше Небесное Величество!.. Виконт де Ричлейф...

Я изумился:

— Все еще виконт?.. Уверен, на днях сэр Джуллиан подаст на вас бумаги насчет титула барона. А я, разумеется, эти бумаги подпишу, так как не сомневаюсь в рекомендации сэра Джуллиана.

Он охнулся:

— Ваше величество!

Я остановил его жестом.

— Дорогой сэр Вударнер, ваш ум так же быстр и остор, как, мне кажется, была ваша шпага в молодости. Уверен, займете достойное место в Совете лорд-канцлера Варессера, а также советников императора. Я тоже рассчитываю прибегать к вашей мудрости.

И, чтобы усилить эффект, повернулся и красиво удалился, очень довольный как собой, так и тем, что неожиданно для себя нашел понимающего проблемы экономической уязвимости вроде бы могучей империи.

Альбрехт и Норберт молча идут за спиной, мне показалось, идею избавиться от багеров не принимают, да и сам понимаю, глупо избавляться от таких удобств, но если нет других возможностей самим строить хорошие дороги между городами и королевствами?

Если бы багеры все рухнули сразу, тогда да, как-то спохватились бы, но те непоправимо ломаются раз в сто или двести лет, так что как-то не слишком и заметно. Раньше ходило сто штук, а потом девяносто девять... а потом девяносто восемь... и даже когда останется один-два, и то не

поднимут задницы, привыкнут за всю свою жизнь, что багеров было всего три в седую старину, а теперь вот два...

У выхода из здания встретили Паланта с его почти неразлучным другом Гевексом. Палант потянулся было ко мне, но Альбрехт отослал их властным жестом в сторону громады Маркуса.

Я остановился, ощущив, что собирается сказать что-то наедине.

– Герцог? Давайте быстрее, пока за нами не выстроился хвост наших... как бы подданных.

Альбрехт взглянул хмуро:

– Подданных? Мне кажется, эти подданные за нами бродят, как за передвижным цирком... Хотел спросить, что у вас в рукаве, сэр? Мне кажется, одной армией не справимся.

– А двумя?

Он поморщился:

– Армиями не получится. Вообще.

– Вот-вот, – ответил я. – В корень смотрите, дорогой друг. А я думал, вы только шляпы умеете подбирать под цвет ваших панталон.

– Это не панталоны, – ответил он с достоинством. – А как бы мужские брюки из тончайшей парчи. Очень важный элемент одежды, что говорит о статусе его носителя.

– Расскажете подробнее, – решил я. – Нашим нужно одеваться, чтобы не смешить местных, – это первое. Второе – не терять гендерную самобытность.

– Поторопить портных?

– Вот-вот, – сказал я. – Не поверите, мода влияет на умонастроения больше, чем умные декреты правительства. Потому нужно создать новое веяние в моде. Олицетворяющее!

– Ваше величество?

Я пояснил все еще в затруднении:

– Олицетворяющее дух эпохи. Новый дух новой эпохи. Мы же эпохальны?.. Победно и красиво принесли в этот косный мир новые ценности! Осталось их только правильно подать... Но их не примут в таком обнаженном виде! Нужно красиво упаковать и подать с таким изяществом, чтобы сами ухватили. Приживается только то, что хватают сами. Народ нужно не просто дурить, а дурить артистично.

Он смотрел несколько исподлобья, почти вижу, как мозг работает на пределе, всегда подбрасываю неожиданные задачки, с виду вроде бы простенькие, а то и вовсе никчемные, но влекущие за собой...

– Что, – спросил он, – а на остриях копий никак?.. Измельчали мы с

нашими великими деяниями.

– Моду ввести не легче, – возразил я, – чем завоевать страну воинской силой. Но об этом после возвращения из рейда.

Он покачал головой:

– Говорите так, словно никто из нас не вернется.

По ту сторону распахнутых в солнечное утро дверей оживленная суeta, мои рыцари во дворе сами седлают коней, у меня же в армии теперь все поголовно благородного сословия.

Группа женщин, кокетливо обмахиваясь огромными веерами из цветных перьев, с верхней ступеньки с живейшим интересом рассматривает наших героев.

Альбрехт невольно выпрямился и слегка выпятил грудь, я улыбнулся, он сказал виновато:

– Каких же Скагеррак увел в пещеры, если оставил таких! Да взгляните же... одна красивее другой!

Со спины подошел Митчелл, что-то дожевывая, на ходу вытер рукавом масленый рот.

– Увел красивых и послушных, – предположил он, – оставив чересчур умных?

Я под их взглядами развел руками:

– Думаю, Скагеррак сам умен, ему умные женщины не помеха. А еще умные умеют прикидываться восхитительными дурочками. Просто в пещеры не мог увести всех, в его огромном дворце все самые красивые и умные женщины империи!

Альбрехт сказал со вздохом:

– Оставшиеся не уступают тем, кого Скагеррак взял с собой?.. Тогда вообще катастрофа.

Нам подвели коней, арбогастр на ходу с хрустом догрызает ржавую железку, Бобик носится между поднимающимися в седла рыцарями, язык высунул, глаза горят восторгом, подпрыгивает в нетерпении выше лошадей, что до икотки пугает как придворных, так и стражу из местных.

Альбрехт поехал со мной рядом, военачальники двинулись за нами расширяющимся клином.

– Армии маловато, – повторил он, понизив голос, – и вообще силенок не густо.

– Дорогой друг, – сказал я с неудовольствием, – я понял, на что намекаете.

– На что?

– Священников, – пояснил я, – не взял сюда намеренно. Так надо по

тактике, хотя стратегию не меняем.

— Догадываюсь, — ответил он сдержанно. — Однако, сэр Ричард... всякий рыцарь искренне и верно служит Господу.

— Что, — сказал я, — думаете, для меня это новость?

Он уточнил так же невозмутимо:

— Сперва Господу, потом императору. Даже если тот властелин Багровой Звезды, как тому ни обидно. А уже обидно или еще не? Хотите или не хотите, но сами рыцари начнут насаждать веру Христа. Вне зависимости от того, что вы скажете. А с этим как?

Он смотрел прямо перед собой, взгляд строгих серых глаз прям и спокоен. Всем видом излучает уверенность, что и понятно, не ему принимать судьбоносные решения. Он, как верный друг и вассал, только указывает на прорехи и недостатки, очень удобная позиция, я тоже так могу и люблю, даже обожаю тыкать мордами в их экскременты, но я человек местами воспитанный, стараюсь сдерживаться, я же вождь, должен быть любим и восхищаем.

— Тут я попался, — согласился я. — Нужно срочно перечитать Библию. Отыскать в ней места о миролюбии, терпимости, уважении чувств инаковерующих...

Он повернул голову, в серых глазах я увидел растущее изумление.

— Сэр Ричард? Такое есть в Священном Писании?

— Там все есть, — огрызнулся я. — Писали люди мудрые, предусмотрели все неожиданности.

— Даже нашу?

— Думаете, мы такие необычные? Там обязательно найдем какую-нибудь притчу типа того, что нельзя разрушать огромный теплый дом перед началом зимы!.. Сперва нужно перезимовать, а потом уже думать, как перестраивать... Бобик! Тебя куда понесло? А ну назад, быстро!

Бобик остановился, поглядывая по сторонам, кого бы попугать, Альбрехт повернулся в седле в мою сторону.

— Сэр Ричард, — поинтересовался он с сомнением, — но здесь же, как я слышал, зимы не бывает?.. Врут?

— Южный материк, — сказал я с тоской, — не значит, что здесь земля от жары лопается. Возможно, континент тянется до самого полюса, потом объясню, что это, а там вечный и лютый холод, где ничего вообще из-за морозов не живет! Но я о другой зиме, дорогой друг, я же поэт особо чувствительными местами. Нам сперва нужно закрепиться. На самом деле власть у нас не настолько велика, как нам мерещится. У нас меч, у них — мягкая сила.

Он покрутил головой.

– Ничего не понял. Что за мягкая сила?

– Герцог, это вы меня дразните?.. Я старые книги читал, а в них везде о том, как сильные и могучие завоеватели захватывали богатые страны, а через два-три поколения уже и сами говорили на языке побежденных, и вообще сливались с этими народами так, что тонули! Нас же здесь один к тысяче!..

– Тогда как? – поинтересовался он очень серьезным голосом. – Если мы уже здесь? Пусть даже, как вы недавно признались, дескать, по рыцарской горячности, но мы-то знаем, что вообще-то по дурости?

Я пробормотал:

– Что, я в самом деле такое брякнул? Это была поэтическая вольность, дорогой герцог. На самом деле у меня везде глубоко продуманный и обоснованный расчет. Только на подсознательном уровне. Мозг уже все просчитал и решил, а мне пока не говорит. А потом я р-р-р-раз! – и выдал перл изумленному народу и рыцарству. А на самом деле это был глубоко продуманный расчет, только я сам о нем не знал.

Он тяжело вздохнул:

– Как все сложно у вас. Давайте предположим, что это вам ангел от Господа нашептывает верные решения.

– Может быть, – согласился я миролюбиво, но подумал, что у оппозиции всегда больше средств борьбы, вон противник Господа не стесняется являться вживую и вести элегантные умные беседы, проникнутые уважением к оппоненту, лестью и сопереживанием. – Но отвечаем за свои решения мы, а не ангелы.

Глава 4

По ту сторону городских ворот толпа зевак все увеличивается. Многие из горожан отваживаются чуть ли не вблизи смотреть на исполинский багровый купол Звезды Зла, ахать и дивиться, что ну вот не выходят оттуда чудовища, не выходят!

Мы с Альбрехтом горделиво проехали через празднично нарядное общество, впереди нас и следом по тройке телохранителей, народ торопливо распахивается в стороны, мужчины срывают шляпы и застывают в поклонах, а женщины в глубоком приседе.

Широкий трап красиво и торжественно протянут от зияющего входа в багровый ад к самой дороге, остается только повернуть коней и подняться в

Звезду Зла.

Под взглядами устрашенных горожан мы торжественно и по-хозяйски поднялись по широкому помосту в эту ужасающую Звезду Зла. У входа спешившийся сэр Норберт деловито просматривает прибывающих, я поинтересовался:

– Все поднялись?

Он вскинул руку.

– Еще минутку...

Из городских ворот выметнулись двое конных в кожаных доспехах и на легких конях. С длинными легкими копьями в руках понеслись во весь опор в нашу сторону.

Я спросил тихо:

– Как там Сигизмунд и Тамплиер?

Он посмотрел искоса.

– Тревожно?

– Сами знаете. – огрызнулся я. – Кое в чем они и отца Дитриха переплюнут!

– Продолжают чистить дороги от разбойников, – ответил он. – Вы правильно сделали, ваше величество, что дали им такое задание... Им сейчас не до Церкви, нужно спасать человеческие жизни. В разбой пошли и те, кто раньше никогда бы и ни за что...

Я перевел дыхание.

– Хорошо...

– А потом?

– Что-то придумаем, – заверил я. – Сейчас нужно гасить огонь под ногами, а о завтрашнем дне подумаем завтра.

Толпа горожан перед скачущими во весь опор разведчиками распахнулась еще шире, глядя с ужасом на людей, что снуют в город и в эту Звезду Смерти по несколько раз в день.

– Ваши? – спросил я.

Норберт ответил со сдержанным удовольствием:

– Последние. Самый дальний маршрут...

Выждав, когда оба почти на том же аллюре ворвутся в распахнутый зев Маркуса, я сказал громко:

– Закрываем!.. Маркус, поднимаемся... Еще, еще... Все, хватит. Сэр Норберт, встречайте своих людей и ведите в мои апартаменты.

Он чуточку напрягся.

– Те, что в прошлый раз?

– Да, – ответил я. – В той же стороне. Но чуть выше. И левее.

– Точно?

– Не уверен, – признался я. – Маркус... гм... хозяйственный. Всегда что-то перестраивает. Но вы отыщете. В крайнем случае моя собачка отведет.

Альбрехт обронил в сторонке:

– Могу подсказать. Я запомнил.

– Запретите эти перестройки, – попросил Норберт чуточку нервно. – А то в Маркусе и так страшнее, чем в аду. Пусть ничего не происходит, если можно.

– Хорошо, – пообещал я. – Постараюсь, чтобы при вас не велись ремонтные работы оборонного значения.

– И отделочные, – попросил он. – А то при взгляде и на них кто-то на моих глазах сомлел. Правда, это был человек сэра Альбрехта, его не жалко.

Альбрехт бросил высокомерно:

– Мои люди не обращают внимания на мелочи быта.

– Сэр Альбрехт, – сказал я, – вам присутствовать тоже.

Альбрехт поклонился:

– Почту за честь. Как вы говорите, момент исторический? Или у нас все из таких моментов?

– Историческое время, – сказал я уклончиво. – Так это называется. Гордиться надо! В историческое время живем. А если бы не жили, то разве оно стало бы историческим?

Альбрехт сказал со вздохом:

– Вы уж поосторожнее с историей, ваше величество. Вам все как с гуся вода, а по другим может вдарить.

– А других не жалко, – сказал Норберт и поклонился, – как говорит его величество.

В кабинет я пришел первым, но в сокровищницу заглянуть не успел, в туннеле послышались шаги и голоса, Хруерт заглянул и сказал громко:

– Ваше величество, к вам герцоги... Пустить или в шею?

Альбрехт сказал, входя в кабинет:

– Вот кому хорошо! Всегда уверены в его величестве, самом императорском из всех императоров.

– Да, – согласился Норберт, входя следом, – императоре не бывает, хотя я вообще императоров представлял иначе.

– Только без подробностей, – предупредил я. – А то кто знает, что у вас за фантазия Пикассо.

Альбрехт спросил живо:

– А кто такой Пикассо?

Я отмахнулся.

– Да был один художник. Сам ничего, но натурщицы оказались просто страшные... То, что ищешь в первую очередь, бывает вообще за ухом. Вернулись эти герои?

Двое молодых разведчиков вытянулись, продолжая влюбленно смотреть на великого завоевателя.

– Они, – подтвердил Норберт. – Повторите его величеству главное. И покороче.

Один сказал быстро:

– Ваше величество, по маршруту не удалось сойти трижды. Из семидесяти четырех остановок.

Альбрехт пробормотал:

– Вообще-то семьдесят одно попадание... гм... уже хорошо. Правда, даже одна паршивая овца все стадо портит, а если три...

Я сделал знак разведчику не обращать внимания на всего лишь герцогов, когда стоит перед императором, он сказал с готовностью:

– Когда багер останавливался, в трех местах сойти не удалось. Пирамиды, похоже, растащили на сараи и свинарники. Все три. Багер останавливался, такой дурак, будто не видит, что никто не может ни сойти, ни подняться, а потом двигался так, будто его загрузили доверху. Дальше еще раз пять останавливался, но внизу какой-то странный и слишком густой туман, не удалось рассмотреть, есть ли там причальные пирамиды вообще.

– Что за местность? – спросил я.

– Богатая, – заверил разведчик, его напарник кивнул с готовностью.

– Видимость хорошая?

– Отличная в первых трех местах, – подтвердил разведчик, – где нет пирамид. Туман только в самом конце маршрута. Мы заскочили на багер, как только вошли в город, с полдня и до ночи двигались в одну сторону, а потом обратно. Увы, тем же курсом, так что ничего нового не увидели. Королевство заселено и, похоже, процветает. Большие города, крупные села, неплохие дороги. Много, конечно, не увидишь, багер прет по прямой, как ворона летит, но мы смотрели в обе стороны...

Он запнулся, а второй тут же вставил:

– Похоже, у них о Багровой Звезде и не слышали!.. Или тот, кто читал о ней, скрыл, чтобы народ не пугать. Все равно б не спаслись...

Я подумал, все смотрят в ожидании, будто я всегда должен изрекать перлы. С грохотом сапог подошел, как железная башня, сэр Растер и тоже

уставился на меня из-под шлема. Хорошо, хоть забрало поднято.

Я развел руками, ничего умного в голову не идет, пришлось пробормотать:

– Вообще-то верное решение... Наверно, верное. С точки зрения государственника. Я сейчас все примеряю к императорской тоге. И даже то к туфлям, то к сапогам, все еще не знаю, что предпочесть. Насколько я знаю, существует приказ императора выстроить солидную каменную причальная башню в местах, где останавливаются багеры, а потом поддерживать их в исправном состоянии?

Норберт произнес холодновато:

– Приказу этому пять тысяч лет. Каждый император подтверждает распоряжение своего предшественника. Где нет причальных башен, над тем королевством сбрасывают свитки с приказами императора немедленно построить башни в тех местах, где багер останавливается.

Сэр Растер прорычал трубным голосом:

– Бунт!.. Клянусь Багровой Звездой, бунт против вашей власти, сэр Ричард!

– Не моей, – уточнил я, – против императорской, а то и вовсе имперской. Но вы, сэр Растер, мудро и дальновидно правы. Стоит выяснить, что там прячут.

Он охнулся:

– Еще и прячут? Это же преступление против... ага, недопустимое просто вот так, значит!.. Я седлаю коня?

– А как спускаться? – сказал я. – Разве что на веревках... Ладно, решим. Я не могу просто вот так сидеть и ждать, пока император выкопается.

Альбрехт прислушивался, сказал предостерегающим тоном:

– В империи Германа уже разобрали завал. Вот-вот...

– Внешний завал, – напомнил я. – Защиту от разгневанных крестьян. А дальше в тоннеле еще два или три. Со сторожевыми отрядами... Сэр Альбрехт, разве в наших правилах ждать?

Он помолчал, глядя на меня прищуренными глазами. Я насторожился, поинтересовался сухо:

– Что-то случилось?

Он покачал головой:

– Нет-нет, просто подумал... С одной империей еще не разобрались, а еще сюда влезли... Хочу понять, с чего вы вдруг решили открыть то королевство, делая Скагерраку такую любезность.

Я поморщился:

– Да ладно вам. Я же сказал, не могу сидеть без дела. А дела теперь понимаю только масштабные...

– Хорошо-хорошо, – сказал он поспешно. – Я просто подумал...

– Знаю, – сказал я сварливо, – что вы подумали! Нет и еще раз нет!.. Я тверд и непоколебим, как утес на Волге. Только тот мохом оброс, а ко мне хрен что прицепится. У здорового эгоизма здоровый иммунитет! А у здоровенного – здоровенный. У меня же вообще – императорский.

Он наклонил голову, не сводя с меня пристального взгляда.

– Всего лишь?

Я кивнул в сторону стола с расстеленной картой.

– Давайте постратегируем над картой. Я не все могу увидеть, слишком много нового.

– И вообще много, – обронил Альбрехт, но к столу пошел первым.

Карта у меня громадная, на весь стол, да еще и края свисают, однако слишком уж уныло геометрическая, в самом деле исхудавшая снежинка, где между соседними веточками огромные обширные пространства, ничем не заполненные.

Альбрехт посмотрел на карту, затем на меня.

– Странная какая-то. Словно обглоданный скелет империи! А откуда эти башни Магов, если в те края не ходят багеры? Это же Башни Магов или ошибаюсь?

– Башни, – подтвердил я. – У меня чутье, сэр Альбрехт. Сон мне был такой. Лечу, знаете ли, вольной птицей и какаю на эти башни. А они вдребезги...

Он поморщился:

– Сколько же в вас дерьяма, что даже такие крепости рушит... Ладно, у вас всегда были секреты. Значит, скрытых для вас нет?

– Надеюсь, – подтвердил я все еще с сомнением. – Если и есть, то их будет немного. И не самые крупные. Все-таки абсолютное большинство Великих Магов предпочитают развитые королевства, где багеры и прочие вкусности.

Он пробормотал:

– А что могло заставить вон тех магов... смотрите, как далеко от маршрутов багеров!.. что заставило уйти в подобные дикие места?.. Вам любопытно или тревожно?

– То и другое, – отрезал я. – Сами знаете. Теперь за все тревожно! Надо бы вас в императоры. Хоть позлорадствовал бы со стороны.

– Недобрый вы, – сказал он с упреком. – Вы должны заботиться о соратниках!.. И даже подданных. А злорадство – самое искреннее и чистое

чувство, мы должны им наслаждаться в полном мере, глядя на вас... Как надумали с башнями?

– С нелегальными, – ответил я, – поступим, как и с легальными. Потому что легальные для нас все равно нелегальные, противоречат доктрине Господа. Великой доктрине Господа!..

– А вы его проводник, – сказал он. – Помним, помним. Вы еще Зашитник Веры иногда, верно?..

Я спросил сердито:

– Что значит иногда?

– Да то вы Дефендер Веры во весь рост, – ответил он, – то мельче мыши... Не до какой-то веры бывает, верно?.. А на отдыхе – да, мы все защитники! Ого-го. Особенно перед дамами.

– Перед здешними дамами, – напомнил я, – красуются в позе бунтарей, отрицающих роль Господа. Дескать, человек самозародится в куче навоза, так написал Аристотель. Как мухи. Хотя Аристотель не уточнил, что мухи зарождаются из яиц, отложенных мухами в навоз...

Он брезгливо отстранился.

– Сэр Ричард!.. Мы о дамах, а вы о навозе!.. Все равно мухи из навоза!.. А если здешние люди зарождаются в навозе, тогда понятно, почему так сильно пахнут. И почему такие... ну, счастливые. Мухи все счастливые. Вы уже наметили, где высаживаем десанты?

– Только в общих чертах, – ответил я скромно. – Рассчитываю на ваши подсказки.

Альбрехт повернулся к застывшему у входа Хрурту.

– Дружище, позови Кенговейна и Келляве, они трепещут в коридоре. Да-да, он там чуточку начинает сужаться... а потом снова раздвигается. Оба, как мне показалось, не в восторге.

– Да-да, зовите, – согласился я. – Келляве будет командовать на одном из самых сложных участков, пусть видит заранее...

Хрурут вышел в коридор, крикнул, помахал руками. Через пару минут в кабинет вдвинулись блещущие сталью доспехов Кенговейн, Келляве, а с ними еще и сэр Робер, чьи копыта первыми вступили на землю южного материка. И хотя это были копыта его доблестного коня, но вся слава, понятно, достается тому, кто выше по титулу.

С ними и обсуждение пошло живее, плодотворнее, потому что закона «постучать в невежду» никто не отменял ввиду его полезности. Иногда, отталкиваясь от их невежества в сложных вопросах, вдруг видишь изумительное по красоте решение в соседней ветке, из-за чего такими живучими оказались брейнштурминги вообще и этот в частности.

Глава 5

Кенговейн задержался чуть у выхода, пропуская вперед лордов высшего звена, я шел последним, как хозяин помещения, он спросил торопливым шепотом:

– Ваше величество, а если Маркус не сумеет разрушить башни Великих Магов?

– Не накаркайте, – огрызнулся я. – Граф, вы накаркиватель!

Он переспросил:

– Я уже граф?.. А то короны менять не успеваю. Разорюсь скоро на этих зубчиках!

– Экспроприирайте у местных, – посоветовал я. – Сейчас все брошено. Что нашли, то и наше.

– Так что, если...

Я сказал нервно:

– Ваш лорд, герцог Гуммельсберг, всегда держит запасную карту в рукаве! А если и не держит, то делает вид, что держит.

Он пропустил выходящих последними сэра Робера и Келляве, посмотрел почтительно и внимательно мне в глаза.

– Демоны? Поговаривают всякое...

– А вам ряса мешает? – ответил я вопросом на вопрос. – Они же не церкви будут разрушать, дорогой друг.

Он пробормотал:

– Да я к тому, что использование демонов отец Дитрих не одобрил бы. А насчет церкви даже подумать страшно.

– Какие демоны? – спросил я. – Если их никто не видел, то их и нет. А если кто и видел, то мало ли кому что померещится. Пить надо меньше.

– Или больше, – сказал он.

– Или больше, – согласился я. – Когда ясных доказательств нет, то все заинтересованные стороны сделают вид, что никаких демонов и в глаза не видели, даже если те им на стол только что жареных лебедёв подали!

– Но как же...

– А вот так, – обрубил я. – Верный слуга Господа Игнатий Лойола, основатель и бессменный руководитель ордена Иисуса, сказал однажды: «Цель оправдывает средства!», а для тугосообразжающих растолковал: «Никакие средства не предосудительны, если ведут к вящей славе Церкви!» А для Церкви как медом по салу, если проклятые башни богопротивных магов будут разрушены!.. И даже не спросят кем.

Он поклонился:

– Ваше величество, вы такой Защитник Веры, что Церковь вас расцеловала бы в задницу, но потом все равно на костер!

Я посмотрел ему вслед, он ушел к своему отряду, который старается сделать лучшим во всей армии. Его рыцари сейчас, как вижу, рассредоточились возле широких окон по всему Маркусу, орут, указывая пальцами на проплывающие внизу горы, озера и особенно на города.

Ладно, все при деле, вернулся в кабинет и оттуда вошел в тайную комнату, где Маркус по моей команде держит сокровища из Башен Великих Магов. Надо ими как-то распорядиться. Пусть пользу приносят моим людям.

– Хурт! – крикнул я. – Герцог Альбрехт далеко ушел? Крикни.

Явился не Альбрехт, а сама элегантность в северо-южном стиле: роскошная шляпа с чем-то небесно-воздушным на месте перьев, вроде взбитой пены, холодный блеск стального панциря с гербом рода на груди, кожаные штаны оранжевого цвета, что уходят в узкие щегольские сапоги ярко-коричневого цвета, сам красивый и надменный, с походкой щеголя-дуэлянта.

– Ого, – сказал я, – вы, герцог, уже и переодеться успели?

Он взглянул с укором:

– Вы, ваше величество, совсем нас не замечаете?.. Я так уже с утра хожу!

– Простите, – сказал я пристыженно. – Это все глобальные планы насчет счастья человечества виноваты. И взгляд с высоты Маркуса... Представляете, себя не смог найти на карте, а искал!

– Ваше величество?

Я сделал жест в сторону стены, за которой моя сокровищница.

– Маркус, открой...

В стене возникла и пошла быстро расширяться дыра, образовав окно размером от пола до потолка.

Альбрехт тихонько охнул, я взял его за локоть и вынудил сделать пару шагов в пещерку. Горки талисманов и амулетов переливаются всеми цветами, в каждом драгоценные камешки, самые блестящие в кольцах, что и понятно, один-единственный камешек и должен блестать особенно ярко.

Под противоположной стеной составленные один на другой почти до потолка сундуки, скрыни, ларцы и шкатулки, тоже блещут серебром и золотом, а у многих в крышке вделаны еще и драгоценные камешки.

Альбрехт покосился по сторонам, заметно, как старается не

прикоснуться к стенам, что слишком похожи на живые, словно мы в желудке огромного хищника.

– Это что, – спросил он шепотом, – было в Маркусе?

– Ага, – сказал я с сарказмом. – Я что, похож на дурака?.. Удача приходит только к ним, любимцам Церкви. Нет, дорогой друг, это результат великого труда и умения.

– А-а-а, – протянул он, – не знал, что вы такой великий ювелир! Все думал, почему делами королевств не занимаетесь, а вы вон колечки вытачиваете...

– Герцог, – сказал я с укором, – вы подлизываться должны, а не язвить над сюзереном!.. Никто не видел это экспроприированное у Великих Магов богатство, только вам доверяю.

Он перевел внимательный взгляд с горы сокровищ на меня.

– Зачем?

– Бремя власти, – сказал я с неудовольствием. – Все спрятать как-то не совсем, передать народу – еще хуже.

Он снова обвел пристальным взглядом горки из колец, браслетов и всевозможных амулетов.

– И выбрали срединный путь?

– Вот-вот.

– Кому-то скажете еще?

– Нет, – ответил я. – Если о такой сокровищнице станет известно, я знаю, на кого натравить Бобика. Для убедительности казни.

– Мы с ним дружим, – сообщил Альбрехт. – Он, когда невыносимо страдает от голода и невнимания жестокого и черствого хозяина, ко мне спешит. Я его подкармливаю, утешаю... С вами нужно быть предусмотрительным, мой сюзерен. И что с этим всем планируете?

Очень осторожно двигаясь, чтобы не только не коснуться стены, но и не находиться слишком близко, он зашел с одной стороны, рассматривая сокровища, потом с другой. На лице все же борьба, мы люди веры и Церкви, а магия запрещена Церковью. Хотя частенько и высмеиваем Церковь и священников, но выросли на христианских ценностях.

Я ответил бодро:

– Как что?.. Планирую заказать еще сотню сундуков, ларцов и шкатулок!.. Наполню, как Кощей... был у нас один такой бессмертный, и стану чахнуть над их магическим златом.

– Достойное, – пробормотал он с уважением, – занятие для человека, который всего достиг и все поимел.

– И вообще, – сообщил я, – разберусь на досуге. Хотя вообще-то уже

разобрался, но не решил, что с ними делать. Вот послушаю вас и сделаю наоборот, чтобы не ошибиться.

Он спросил с иронией:

– Тогда зачем собирали?

Я взглянул с удивлением.

– Герцог, что с вами? Главное в нашей жизни не сколько себе добыть, сколько не дать врагу!.. И вообще никому не дать. Это я выполнил. Вот оно все. В принципе уже решил, что все самое ценное себе, такому красивому и нарядному...

– Ну еще бы.

– Вот-вот. Какими-то буду одаривать от щедрот соратников, какими-то особо отличившихся в службе местных. Или все заграбастать себе, как думаете?

Он предложил:

– Лучше мне. А вы обойдетесь.

– Как же я рад, – сказал я с чувством, – что у меня такие искренние соратники! Что думают, то и говорят. Значит, я хороший, как вождь и учитель. Потому все амулеты и все-все мне!..

Он спросил мрачно:

– Если все-все, то что нам?

– Будут же сломанные, испорченные, неработающие? Вот это все вам, дорогие мои! А когда было иначе? Как политик, я просто обязан так делать, иначе другие политики уважать не будут!

Он посмотрел косо.

– Мне кажется, вам другие политики давно не указ.

– Верно, – согласился я, – но как насчет повода сослаться?.. Не могу же сказать, что жадный?.. Хотя вообще-то могу... Кстати, кто пользуется амулетами, дорогой друг, того в рай не примут.

– Точно?

– У любого попа спросите! А если со скрипом и пролезете, обдирая локти о внутренности игольного ушка, то арфу не дадут и петь не позволят.

Он оживился.

– Правда? Дайте два!

– Хоть сто, – ответил я. – Вот я мешочек принес, сгребите в него вот эту кучу... и эту тоже. Подумайте, кому раздать. Те и другие заживляют раны, но вот этих с точкой поменьше, так что, похоже, они помощнее. В общем, сами решайте. Но, конечно, в первую очередь людям сэра Норберта.

Он взял то, что я называл мешочком, хотя туда можно упрятать

лошадь, зачем-то заглянул вовнутрь, словно опасаясь, что все высыплется через дыру и снова останется у меня.

– Да, – согласился он, – они первыми везде лезут, потому рисуют больше всех. Если на всех не хватит, пусть раздаст лечебные тем, кто на самых опасных участках. Хотя должно хватить, их тут немерено.

Он указал взглядом на остальные кучки.

– А что с этими?

– Тоже все людям, – сказал я решительно. – Пусть от чесотки лечатся!

Он посмотрел с иронией.

– Что, самые мощные уже припрятали для себя?

– Конечно, – согласился я, – а как иначе?.. Хотя я и без талисманов красавец. А Хруерт и Периальд даже муху ко мне и близко не пустят.

Он приподнял левую бровь и взглянул с определенным намеком.

– А где насчет увеличения... мужской моц? Их захапали в отдельный сундук? И никому не показываете?

– Нет таких, – ответил я сердито. – Да вы гребите, герцог, гребите! У меня и так сердце разрывается! Такое щасте отдаю! За каждое колечко можно целое войско снарядить!

Он с опаской опустился на колени, пол вроде бы твердый как камень, но пропустившая нас стена тоже из такого же странного камня, вдруг да расступится, пропуская или заглатывая его вместе с мечом и доспехами...

– Ладно, – сказал он. – Если вам больно смотреть, можете отвернуться.

– Да? – спросил я. – Чтобы из другой кучки цапнули?.. За всеми нужен глаз да глаз.

Он положил мешок рядом с кучкой амулетов на цепочках и начал пригоршнями набирать и перекладывать туда.

– Понятно, – проговорил он словно бы про себя, – те особые амулеты все себе, все себе?

Я засопел сердито, а он посмеивался очень довольный, уел Зашитника Веры.

– Дорогой герцог, – отрезал я с подчеркнутым чувством достоинства, – я дорожу своими людьми! И не хочу, чтобы один превратился в радостно совокупляющегося скота. А они все превратятся, дай им такие амулеты. Да-да, хотя среди рядовых воинов не вижу светочек ума и мудрости, но даже им, какие они есть, не хотел бы дать опуститься еще ниже.

Он поднял голову и взглянул в упор серыми острыми глазами, за которыми чувствовался все тот же острый и быстро схватывающий ум.

– Сэр Ричард... из каких вы бездн?

– Старые книги читал, – ответил я мрачно, – а мудрость старит, сэр Альбрехт. Вот вам хорошо...

Он продолжал загребать обеими ладонями амулеты и перекладывать в мешок, только сдержанно улыбнулся одним уголком рта.

– Ну, спасибо. Если по уму, который иногда обнаруживаете, такие амулеты в самом деле...

– Опасны?

– Все и так на женщин посматривают, – ответил он уклончиво, – а так вообще будут ими заниматься больше, чем те заслуживают. А это может привести к военным потерям и неверным распоряжениям на поле боя.

– Ну-ну?

Горка драгоценностей уже уменьшилась наполовину, но и мешок начал заметно заполняться. Альбрехт чуточку встряхнул, чтобы уложились поудобнее, поднял голову и сказал серьезно:

– Сэр Ричард, вам придется принять трудное решение. Спасибо, что поделились. Нет, не амулетами, сомнениями. Польщен, хотя, понятно, вам хочется переложить тяжесть и на мои плечи, а дальше и на чьи-то еще, как обычно делаете.

– Герцог, – ответил я сквозь зубы, – я бы вообще все на вас свалил!.. А сам бы только по бабам. И веселые книжки читал! Да-да, есть и такие, только их пока прячут. В общем, официально никаких амулетов по увеличению мужской силы не существует. Это все выдумки и влажные мужские мечты. Даже грезы, не стоит благородные мечты поганить таким низменным, хоть и приятным словом. Берите амулеты заживления ран, раздадите тем, кто больше подвергается.

Он кивнул в сторону остальных сверкающих кучек.

– А что насчет?

– Буду разбираться, – пообещал я.

– Осторожнее, – предостерег он. – Кто знает, что там? Мы на проклятом Юге, коварном и полном предательства.

– Разберусь, – пообещал я, стараясь, чтобы в голосе прозвучала победная уверенность. – Я сам не совсем лапочка... Собирайте, собирайте!.. Вон в угол парочка откатилась. Сам бы помог, но и так сердце рвется от жадности! Не могу себя заставить. Я демократ, потому жадный.

Он собрал последние из амулетов, что заживляют раны и лечат болезни, потряс мешок и туго затянул веревочку, все это время поглядывая

на страшноватые багровые стены.

– Эх, какое богатство... Но зато наглядно видно, что стоило пересечь океан и вторгнуться на Юг. Кстати, с этими открывающимися и закрывающимися стенами...

– Что?

– Хоть и мороз по спине, – признался он, – но, должен сказать, лучшего места для вашей сокровищницы не подобрать. Однако с мебелью мудрить ли? Все равно не по себе, какая бы тут ни создалась. Думаю, проще доставить готовую из дворца. И всяких там ковров на пол, чтобы будущие десантники могли расположиться с удобствами.

Я кивнул:

– Верно, люди на смерть должны идти веселыми, отдохнувшими, с песнями!..

– Да, десятка два хороших кроватей, – сказал он, – не помешает. Я и на полу спать могу, но на кровати лучше.

– Тогда не два десятка, – сказал я, – а сотни две. Два десятка вам, а остальным по одной на принцев и герцогов до баронов включительно.

– Тогда сот девять-десять, – сказал он. – Я же знаю ваш размах! И ваши масштабы. Да и герцогов у вас больше, чем у иного лорда кур во всей деревне.

Мешок он вынес в туннель, который уже почти коридор, а там, подозвав одного из воинов, вручил и велел нести за собой.

В залах у окон продолжают толпиться десантники, теперь две трети армии уже в десанте, везде гвалт и возбужденные крики, все тычут пальцами, указывая на проплывающие внизу города и крупные села.

Я нарочито вел Маркус на такой высоте, чтобы можно было рассмотреть даже отдельные строения. Пусть в нашей армии проникаются масштабами, раз уж вторглись, теперь за все отвечаем.

Земля внизу скользит достаточно быстро, я не сразу ощутил, как голоса умолкли, а когда повернулся в ту сторону, десантники сгрудились у окон, наконец послышался в мертвой тишине чей-то голос:

– Какая же это башня?

Я помолчал, самого тряхнуло, если так называемая Башня Гатониса была огромной укрепленной крепостью, то почему Башня Четырех должна быть мельче? Думаю, название осталось с тех древних времен, когда колдуны в самом деле строили всего лишь тонкие башенки.

Сейчас под Маркусом медленно проплывает почти город, вознесенный в одном здании ввысь. Думаю, здесь не меньше полусотни этажей, для

этого мира такое просто немыслимо.

Город-башня, чудовищно огромный и похож на обкатанный волнами и ветрами валун, разве что сильно вытянут вверх. Выглядит литым, но можно рассмотреть мелкие точки на обращенном к нам боку явно окна.

Я мысленно замедлил движение Маркуса, а когда башня внизу почти остановилась, сказал отрывисто:

– Думайте над судьбами мира! И укрепитесь в вере. А я пока отлучусь... помолиться.

Лишь Альбрехт метнул мне вслед взгляд, полный сочувствия и понимания. Маркус меня слышит и за сотни миль, но только Альбрехту понятно, что страшусь провала, потому ищу уединения.

В том секторе, который называл командным центром филигонов, пусто, стража у входа не позволяла входить даже Тамплиеру и Сигизмунду, я прошелся вдоль стены, перевел дыхание.

– Маркус, мы одной крови, ты и я! Ты сильный и умный, но ты можешь больше. Тебе повезло, теперь я здесь, красивый и очень возможный. Нам будет очень хорошо...

Легкое прикосновение, словно по нервной сети всего тела пробежал едва заметный электрический разряд, но это не значит, что Маркус понял. Скорее всего, старается декодировать странные образы, возникающие в сложных цепях головного мозга, это невероятно трудно, однако я не прошу дать мне чертеж вселенной, а всего лишь выполнить несколько простейших действий, что могла бы сделать и амeba...

– Направь свет вниз, – велел я. – Хорошо, вот так... а теперь диаметр уже, еще уже... еще... Хорошо, достаточно, ты молодец!..

Сердце колотится, может быть, Маркус вообще вроде рака-отшельника или чего-то еще, что без более развитого партнера вообще жить не в состоянии или же впадает в спячку, но сейчас я чувствую, как он ожил, даже в толстых стенах зажурчало, булькнуло, от левой пахнуло жаром, но меня это обеспокоило, и жар послушно сменился комфортной прохладой.

– У нас все будет хорошо, – заверил я. – Я люблю, когда все хорошо, мне нравится, когда хорошо... Сейчас в том месте, где свет, нужно распылить материю... если непонятно, то сжечь там все, а то и просто разрушить, чтобы одни камни... Это вот сооружение называется башней. Его нужно уничтожить... но так, чтобы вокруг все осталось целым.

Долгое время ничего не происходило, я напрягся, предполагая в худшем случае недопонимание, а то и неподчинение, на всякий случай сказал как можно более бодро:

– Приступай!

Далеко внизу мигнул и погас свет. Я поспешил к окну, ноги стали ватными. На месте чудовищной крепости, названной Башней Четырех, чернеет выжженное пятно. А за ним во все стороны та же яркая зелень.

– Прекрасно, – выдохнул я. – То, что я и прописал...

Чувство облегчения еще и от понимания, что я высказал только свои пожелания, а Маркус – существо бесхитростное, ему нужен прямой указ, а только после моего «приступай!» он и выполнил...

Когда вернулся в общий зал, там военачальники и простые рыцари толпятся у окон, кто-то говорит громко и ликующе, но больше тех, кто молчит так, будто получил молотом по шлему.

На месте громадной горы-крепости не осталось даже руин, но не ровное место, а достаточно глубокий провал. Не сразу сообразил, что это мы башней называем только ту часть, что торчит над землей, а Маркус уничтожил ее целиком, то есть вместе с фундаментом, что вообще-то, думаю, куда правильнее.

Сэр Робер оглянулся на мои шаги, лицо бледное, сказал трепещущим голосом:

– Сэр Ричард... вы, наверное, уходили превращаться в огнедышащего дракона?

– Почему дракона? – спросил я.

Он развел руками:

– Ничего страшнее не придумать.

– Человек страшнее, – успокоил я. – А теперь за дело!.. Вон уже столица этого королевства. Если это, конечно, столица. Десант высадим у города. Взять нужно быстро и жестко. Никаких слюней. Мы – варвары Севера!.. Несите почетное звание гордо и красиво. Недовольных рубите сразу. Потом будет уже неприлично, а мы должны подавать пример. Где герцог Дарабос?

Норберт подошел, коротко поклонился.

– Здесь.

– Захватываем все багеры и устанавливаем там охрану!

Он поинтересовался с хмурой иронией:

– Для Астаргельда людей оставили?

Я кивнул:

– Если понадобится, отсюда перебросим. Даже для Великой Пешмерии и Верхних Лесов отыщется!.. А что, я серьезно. Те империи граничат с Жемчужной. Установим закон и порядок в них, а дальше как получится. Об остальных ничего не знаем. Таков здесь мир...

Он переспросил:

– Надеюсь, не сейчас?

– Это планы на будущее, – сказал я успокаивающе. – Теперь все за работу! Вам предстоит веселая и разнообразная, а мне скучная и одинаково пресная.

– Ваше величество?

– Вас высажу, – пояснил я, – а сам буду долго и скучно искать остальные чертобы башни. Здесь вы не помощники, к сожалению.

Глава 7

Норберт подошел с картой в руке и молча потыкал пальцем в каракули своих героев.

Я взглянул с вопросом, он ответил тихо:

– Это не столица, но близко, вон за тем озером. Если верить вашей хорошей знакомой герцогине. Даже Великий Псарь не знал, а она указала все королевства и отметила их главные города.

– Она... гм... полезна, – произнес я с некоторым замешательством.

– Думаю, – обронил он, – не только в знании карт. Ваше величество?

– Идем на посадку, – ответил я.

Кое-как ориентируясь по самодельной карте, я мысленно начал передавать Маркусу координаты, однако он, как и я, тупил и все не мог понять, чего хочу. Пришлось уйти к себе в кабинет, чтобы не позориться и не раскрывать секреты, а уже оттуда с помощью «право-лево-еще левее» сумел направить в нужную сторону.

Когда Маркус начал снижаться, я нарочито велел делать это неторопливо, чтобы местные устрашились и разбежались с места посадки, все-таки теперь я за них отвечаю, и хотя чужих не жалко, но нужно приучать себя к странной идее, что теперь все мои и все мое.

Маркус опустился вблизи города не прямо на землю, а вся исполинская масса зависла в ярде над поверхностью.

– Широкий трап!.. – скомандовал я. – Все выходим, выходим, выходим!.. Боевой порядок!..

Норберт сказал с беспокойством:

– Не грохнется? Даже муhi не могут долго вот так в воздухе.

– У него другие взаимоотношения, – ответил я, – с пространством-временем. Ему все равно, в какой точке висеть. Можно сказать, для него везде опора, которую мы в упор не зrim и не видим.

В лязге доспехов появился трепещущий усердием Кенговейн, на шлеме при каждом шаге развеивается цветной пук перьев, раньше их не было, явно позаимствовал уже на Юге, за спиной длинный меч, в перевязи на боку клинок покороче, в руке топор.

– Ваше величество!.. Вы с основной группой?

Я огрызнулся:

– Вам уши позакладывало?.. У меня дела поважнее!

Альбрехт издали крикнул своему вассалу:

– Бриан, что за глупости?.. Сэр Ричард теперь захватывает только империи. Королевство для него что Бобику муха... Выходим, все выходим!

Граф Келляве, снова в боевых доспехах, проходя мимо, сказал вполголоса:

– Сэр Ричард... я все еще верю, что делаем великое и нужное дело.

Я сказал настороженно:

– Да, это так.

– Однако, – продолжил он, – не могли бы сказать, в чем его нужность?

Едва последний всадник промчался по трапу на землю, я помахал рукой, отступил от края. Маркус тут же быстро застыл вход, через мгновение мы взмыли в небо с такой скоростью, что оставшиеся на земле успели увидеть только красную полосу, на кратчайший миг протянувшуюся от земли до облаков.

После уничтожения четвертой башни Маркус понял по четко вырисовывающимся и повторяющимся образом в моем мозгу, к чему стремлюсь, сам быстро и точно сдвинулся в пространстве.

Я успел увидеть внизу высокую, как фабричная труба, башню, разве что в диаметре втрое шире рыцарской, массивную и темную, совсем не похожую на предыдущие даже цветом.

Возможно, мелькнула мысль, цвет не так важен для накопления магии, как сама структура камня, нужно учесть на будущее, вдруг придется самому...

Я выждал, но Маркус остался неподвижным, тогда я постарался вызвать в себе наибольшее чувство тепла и благодарности, сказал мысленно, а зачем повторил вслух:

– Ты все верно сделал... Теперь и эту... Уничтожь...

Внизу коротко полыхнуло. Башня исчезла вместе с фундаментом.

Почти сразу картинка внизу смазалась, а в следующее мгновение там возникла широкая и массивная башня, больше похожая на пирамиду, нет, на устремленный вверх острой вершинкой купол.

– Хорошо, – сказал я. – И ее...

Вспышка, неуловимо быстрое движение, внизу снова башня, уже другая, но почти такая же громадная и пугающе грозная. Я в самом деле чувствовал сильнейшее облегчение, а страх ошибиться и не брякнуть начал быстро испаряться. Маркус понял, что ищу и что нужно делать, а сейчас у меня крепнет ощущение, что ждет подтверждении правильности.

– Молодец, – сказал я с чувством. – Очень хорошо!.. Давай дальше...

После десятой башни я промолчал, а Маркус, выждав паузу, сдвинулся к следующей и сжег ее на нужную глубину, не оставив ни единого камня с аурой магии.

Я снова смолчал, но он слышит мой настойчивый мысленный приказ, и уже без новых команд начал передвигаться к следующей, снова к следующей, которые точно и быстро сжигал и тут же неуловимо быстро перемещался к новым и новым.

– Молодец, – сказал я в тихом восторге, – я тебя люблю. Делаешь правильно. Действуй, а я пока как бы вот да... Чтобы все было хорошо, мы с тобой такие правильные.

Однако, остановившись в дверях кабинета, некоторое время наблюдал, как быстро и точно, как автоматический хирург, выжигает эти опухоли на теле земли и переходит к новым очагам болезни.

В моем кабинете уже не рождественская елка из амулетов, а несколько оставшихся после визита Альбрехта кучек, все в том же виде, как их разложил знаток по магическим артефактам. Сундучки и ларцы уже пустые, кольца, браслеты и висюльки из них поблескивают в отдельной горке, самой маленькой.

Некоторое время, занимаясь кольцами, еще чувствовал, как Маркус передвигается в пространстве, затем это ощущение исчезло, словно и он закончил свою часть работы.

В зале с иллюминаторами вдоль всей стены впереди синее небо и кучевые облака, а когда взглянул вниз, некоторое время тупо и в замешательстве смотрел на огромные исковерканые скалы.

Не сразу заметил рядом с глубоким ущельем еще одно, уже не бесформенное, а словно исполинским сверлом аккуратно вырезанное в гранитном массиве на заметную глубину.

Кожи коснулась волна, вроде бы теплая, но я ощущал и невысказанный вопрос, спохватился и сказал как можно выразительнее, даже прогимасничал, как делают в театре для глухонемых:

– Ты хороший! Ты все сделал правильно!.. Молодец, умница. Эта башня забралась зачем-то далеко и высоко в горы, но ты ее и там нашел!..

Теперь планета очищена от болезни. Я рад!

В ответ пахнуло животным теплом, я ощутил, как это исполинское существо, внутри которого я расположился с вытянутыми ножками, счастливо тем, что я доволен.

Глава 8

Судя по тому, что солнце уже опускается к искрящемуся краю земли, Маркус затратил втрое-четверо больше времени, чем я рассчитывал. Или же Башен Великих Магов оказалось намного больше, чем заметил Карл-Антон, а это тревожно. Если Карл-Антон пропустил какие-то башни, то мог пропустить что-то похуже и поопаснее.

— Хорошо, — сказал я, — мы с тобой свою часть работы проделали... Хорошо проделали! Теперь посмотрим, как поработали наши орлы. Настоящие орлы, а не те, что деревья клюют... Давай к тому месту, где я высадил своих двуногих. Я подскажу...

Похоже, он никак не мог сообразить, куда нужно переместиться, я снова обратился к карте. С ее помощью сделали несколько скачков, наконец именно в то место, где мои герои сошли на землю и понесли местным Добро и Счастье на остриях мечей и копий.

Снизившись, чтобы можно было рассмотреть даже отдельные человеческие фигурки и в то же время видеть общую картину, понял, что город захвачен, как и планировалось, отряды Норберта начали безжалостно гонять людей на срочное строительство причальной башни.

— Давай дальше, — велел я, спохватился, а вдруг это плохо, что командую, сказал уже мягче: — Мы с тобой молодцы, делаем хорошее дело...

Хотя вряд ли этой космической амебе понятна разница между приказом и просьбой, но ласковое слово даже кошке приятно, а мне что, жалко сказать что-то теплое? Говорим же своим собачкам, женщинам, птичкам, даже черепашкам...

Промелькнуло еще несколько городов, крупных сел, потом за широкой рекой потянулся лес, а за ним небольшие деревни, все странно одинаковые, по пять-семь домов, зато в великом множестве, словно некая сила не дает разрастаться в села.

Поверхность внизу в большинстве покрыта лесом с редкими глазами озер, реки по большей части мелкие, хотя две могут быть судоходными, одна в двух местах разливается слишком широко, из воды торчат камни...

Маркус двигался от одной проплешины в зеленом одеяле леса к другой, все еще можно рассмотреть деревни и пашни, я прикидывал время, которое понадобится Максу на захват столицы и приведение всех властных структур в полное повиновение, сейчас он наверняка уже собрал ремесленников из горожан и заставляет их укомплектоваться строительным инструментом...

Если учесть, что на возведение причальной башни, пусть даже на соплях, понадобится несколько часов, у меня еще есть время...

Думаю, Макс по своей прямолинейности сейчас с мечом у горла местного короля принуждает отправить всех строителей на срочное восстановление причальной пирамиды, а у короля вряд ли есть выбор: откажется – голова долой, а придворные под страхом резни сами бросятся помогать плотникам строить надежную и устойчивую башню.

– Дай левее, – сказал я. – Вон там что-то за образования...

За широкой рекой снова небольшие города и села, выстроены компактно, но ощущение такое, что совершенно не контактируют с жителями противоположного берега, дома все из бревен, крыши плоские, вместо плетней везде частоколы...

– Опускаемся, – велел я. – Высади нас вот у этого озера...

Бобик черной молнией выметнулся первым, еще не дожидалась, когда трап коснется земли, арбогастр дождался, когда я поднимусь в седло, сошел красиво и величественно, помня о своем высоком происхождении.

– Вверх, – велел я Маркусу. – Подкормись пока в стратосфере...

Теплая волна окутала меня на миг, я уже научился разбираться в оттенках, Маркус сообщил, что и здесь он кормится точно так же, а я пристыженно промолчал, солнечные лучи, по большому счету, пронизывают Землю и насквозь, а Маркус вряд ли ограничивается тем скучным ассортиментом частиц, который знаю я.

Я смотрел на Маркуса, и на этот раз я вроде бы успел заметить движение этой исполинской горы багрового цвета, но вообще-то она просто исчезла, переместившись на сотни миль как-то по-другому, чем проламываясь сквозь атмосферу. Иначе ураган здесь повалил бы деревьев больше, чем Тунгусский метеорит.

Зайчик настобурчил уши, я похлопал по мраморно-гладкой черной шее.

– Что-то услышал?

Он переступил с ноги на ногу, фыркнул. Я отпустил повод, он пошел между деревьями легкой рысью, нагибая голову и как бы принюхиваясь к следам Бобика.

Далеко впереди послышался веселый гавк. Зайчик пошевелил ушами и, не дожидаясь команды, перешел в галоп.

– Зовет? – переспросил я. – Или дурачится?

Он покосился на меня с долей снисходительного презрения, все еще не отличаю одно слово Бобика от другого, как не стыдно?

– А чего стыдно? – возразил я. – Это тебя проверяю. Ты же как бы лошадь!

Он фыркнул, то ли с пренебрежением, то ли обиделся, ринулся по прямой в ту сторону, нарочито сбивая по дороге тоненькие стволы, чтобы я смешно поднял на седло ноги.

За группой березок на полянке Бобик носится вокруг скудно одетой женщины, она быстро поворачивается за ним и постоянно держит на прицеле туго натянутого лука с наложенной стрелой.

По виду миниатюрная, ниже меня на голову, а то и больше, худенькая, в короткой юбочке, волосы грязно-серого цвета собраны узлом на затылке.

Увидев меня на огромном черном коне, моментально развернулась в нашу сторону, теперь стрела нацелена в меня.

Я смотрел с сомнением. Женщина с луком – это да, красиво. Дескать, мужчина сильнее, пусть прет впереди, от макушки и до пят в тяжелых доспехах сокрушая мечом или топором, а бездоспешная женщина бьет издали из лука.

Но для того, чтобы стрелять из лука, руки нужно иметь не слабее, а то и помощнее, чем у мечемахателя. Мне приходилось пару раз видеть, как они качают руки, у них бицепсы толще, чем у меня бедро, а у этой девчушки просто соломинки.

Это не из декоративного лука посыпать стрелу в мишень, та должна хотя бы пробивать незащищенное доспехами тело на достаточную глубину, чтобы убить или серьезно ранить. А на самом деле обычно тело закрыто хотя бы доспехами из кожи или свернутого вдвое-вчетверо полотна.

Но все по фигу, женщина с луком – так сексуально!.. Вообще-то если стрелять женщине, то из арбалета, но арбалет сам по себе штука тяжелая, сложный механизм, должен быть массивным и тяжелым, чтобы отдача не разрушила его самого после первого же выстрела и не сломала плечо стреляющему.

И чтоб натягивать стальную тетиву воротом, а не по-мужски, когда ногу в петлю, а руками тянешь к поясу, точь-в-точь усилие при становой тяге, когда берешь сто килограммов.

Все это моментально пролетело в голове, не зря же говорят, что скорость мысли быстрее скорости света, за это время присмотрелся к

стреле, там кончик едва заметно горит синим огоньком.

Все понятно, никакого когнитивного диссонанса, слава богу, все в порядке.

Стрела с таким наконечником убивает, едва прикоснется к телу. Этой женщине достаточно попасть...

Я покинул седло и медленно двинулся к лучнице, держа руки раскинутыми в стороны.

– Дорогуша, твоя стрела только рассердит!..

Она крикнула звонким голосом:

– Хочешь проверить?

– Стреляй, – предложил я. – Когда вижу летящую в меня стрелу, то ловлю. А спиной поворачиваться не собираюсь. К тому же эта магия знакома.

Она крикнула:

– Такой защиты нет!

– Тебе в этой глупости просто не попадалась, – сообщил я. – А я как бы из другой глупости.

Она красивым жестом перебросила лук за спину, одновременно выхватывая из ножен короткий узкий меч. От этого движения лямка соскользнула с правого плеча, оголив белую торчащую грудь.

Я, глядя ей в глаза, именно в глаза, поинтересовался:

– А голые сиськи зачем? Ах да, вообще-то хороший маневр... вытараща глаза и потеряю драгоценные секунды... Для хорошего удара достаточно.

Она прошипела зло и чуточку растерянно:

– Но ты, наверное, не мужчина.

– Мужчина, – ответил я миролюбиво, – но не дурной самец. Я вообще-то сиськи уже видел...

В последний момент удержался от «...и получше твоих», этого ни одна женщина не простит, такое смывается только черной мужской кровью.

Не опуская меча, она словно в трансе другой рукой подняла лямку и закрыла грудь.

Я сказал доброжелательно:

– И меч опусти. Тебе со мной не справиться.

– Почему? – спросила она дерзко.

– Я сильнее, – напомнил я. – Смотри, ты мне и до подбородка не достанешь.

Она возразила:

– Я быстрее!

– Тоже неверно, – ответил я педантично. – У мужчин скорость выше. В наших телах процессы шибче, если понимаешь, о чем я. Впрочем, сам не понимаю, просто слышал где-то... Но если хочешь, ладно. Постараюсь не убить, но если в самом деле слишком быстрая, то... придется.

Она посмотрела на меня оценивающе, перевела взгляд на Бобика и на моего арбогастра.

– Такой конь и такой пес, – ответила она все еще с сомнением, – если не украл, хороши... ты в самом деле... ну, неплохой воин...

– А такому можно и подчиниться, – сказал я мирно. – Не роняя себя. Я в свою очередь обещаю тебя не бесчестить. В смысле, насиливать.

– Что-о?

– Обещаю не насиливать, – растолковал я. – Ты вообще-то не в моем вкусе. Предпочитаю блондинок. Говорят, дурнее и податливее. Потому у нас обычно красятся под блондинок.

Все еще настороженно рассматривая меня исподлобья, она медленно вложила клинок в ножны.

– Ты тоже не в моем вкусе, – сообщила она злобно.

– Тогда поладим, – сказал я. – Взаимная нелюбовь – лучшая платформа для плодотворного сотрудничества. Ты местная?

– Да, – ответила она с вызовом. – А ты... заблудился? Тогда сочувствуя, отсюда не возвращаются.

– Но жить можно?

Она ответила с настороженностью:

– Если выживешь. Но все равно это не надолго. Ты будто не видел Багровую Звезду Зла!

– Я выживучий, – сообщил я.

– Больно ты уверен, – сказала она враждебно. – Даже с лица не изменился. Не поверил? А зря.

– Мне отец сказал, женщинам нельзя верить.

– А придется!

Я сказал миролюбиво:

– Отведи меня к своим. Здесь деревни, города или государства?

Она всмотрелась в мое лицо.

– Почему тебя интересует такое? Обычно все думают только о том, как выжить или сразу вернуться!

– Ага, – сказал я, – уже влюбилась?.. То ли еще будет.

– Скотина, – сказала она и отвернулась. – Иди за мной.

– Давай на моей лошадке? – предложил я.

Она фыркнула:

– И всю дорогу будешь меня лапать?

– Садись сзади, – предложил я. – Вообще-то я добрый, можешь лапать, стерплю и даже не вдарю.

– Скотина, – повторила она, но бросила на арбогастра оценивающий взгляд. – Твоя лошадка точно понесет нас двоих, не заморится. Пожалуй, я ее потом возьму себе.

Я протянул ей руку, она ухватилась крепко, но вместо того, чтобы устроиться позади, предпочла сесть впереди. Я придержал, чтобы не свалилась, она сказала сердито:

– Я только потому сюда села, чтоб тебя не пристрелили, если не увидят меня издали! А вовсе не для того, чтобы щупал своими мерзкими щупальцами!

– Ой, – сказал я, – а почему мне показалось, что тебе жаждалось быть ощупанной?

Она прошипела:

– Я тебя сейчас сама убью! И заберу коня.

– Собачка не даст, – напомнил я. – Кони могут быть не такими верными, но собаки...

Она покосилась на громадного Адского Пса, что идет рядом со стременем и поглядывает на нее страшными багровыми глазами, время от времени приподнимая губу и показывая ужасающего размера клыки.

– Да, – ответила она осевшим голосом, – я не знала, что такие существуют.

– Мы все трое, – сказал я скромно, – замечательные. Так ты уже влюбилась или еще удерживаешься?

– Я удерживаюсь, – огрызнулась она, – чтобы не всадить тебе нож под ребро.

– Добрая ты, – согласился я. – Люблю таких, что не сразу на шею бросаются. Устал от них, знаешь ли... Давай ближе к вечеру, ладно?

Она промолчала, но от нее пошел холод, как от айсберга. Бобик успевал обшаривать все заросли вокруг, то и дело появлялся то с оленем в пасти, то с брыкающимся кабаном, я всякий раз жестом велел отпустить бедную зверушку.

Женщина дергалась при такой расточительности, дичь нужно немедленно свежевать, потрошить и жарить, но Бобик не унывал, ловил даже лесных птиц, отпускал по моему жесту и снова бросался в самую густую чащу.

– Что это за зверь? – спросила она. – Разве это собака?

– Комнатная, – заверил я. – Видишь, какая тихая и послушная?..

– Людей жрет?

– Только некрасивых, – пояснил я. – Или которые нам не нравятся. Тебя как зовут?

Она буркнула с неохотой:

– Лерна.

– Красивое имя, – сказал я миролюбиво. – А меня Ричард. Еще красивше, верно?.. Ты во сне брыкаешься?

Глава 9

Арбогастр выметнулся на вершину заросшего кустарником холма, внизу открылось зрелище ревущего пламени, сквозь которое пропадает черный силуэт массивного каменного строения.

Я насторожился только на пару мгновений, но что-то в этом пожаре ненастоящее: через все выбитые окна и двери видно ужасное пламя внутри, жаркое и ревущее, сам же замок мрачен и черен, весь покрыт окалиной, высоко вздымается каменная смотровая башня, где давно сгорело все деревянное, а верх оплавился, как у горящей свечи, на стенах видны потеки камня.

Она ждала, что буду расспрашивать, но я промолчал, тогда слегка поежилась, сказала раздраженно:

– И не спрашивай. Сколько помню, он все горит. И дед мой говорит, что, когда был маленьким, там горело точно так же.

– Опасно?

Она покачала головой:

– Для тех, кто туда сунется сдуру.

– Тогда пусть, – решил я. – Я такие уже видел. А что? Типовуха. То маяк горит, то башня, то вот замок... если это замок, больно хилое нечто. Когда-то дойдут руки, а пока пусть горит. Наши ресурсы не тряпятся, и ладно. Во всяком случае, обозримые ресурсы.

Она сказала сердито:

– Ничего не поняла. Вообще-то волосы у меня солнечного цвета, это я через болото пробиралась.

– Ты и похожа на лягушку, – согласился я.

– Что-о?

– Тиной пахнешь, – пояснил я миролюбиво. – И холодненькая...

Она попыталась отодвинуть спину от моего горячего пузта.

– Это оскорбление?

– Да ты что, в такую жару это просто щасте!

Она поинтересовалась:

– Ты откуда все-таки?.. Или скажешь только вождям?

– Да какой это секрет, – ответил я. – Видишь, какие у меня конь и пес?.. Удалось перебраться через дикие скалы, пропасти, горящие озера и топкие болота... Уже и не верил, что где-то еще есть люди, как вдруг...

– У нас тоже хватает скал и горящих озер, – ответила она, – но люди селятся везде, где находят клочок земли. Вон там далеко, видишь?

Я поиском взглядел, куда указывает пальцем, не сразу различил за нагромождением уже облепленных зеленым мхом скал приземистый домик с плоской крышей и вытоптанной вокруг него площадкой.

– И что там?

– Над ним раз в неделю появляется страшный смерч, – пояснила она. – Не простой, те узкие и дергаются из стороны в сторону, потом исчезают, а этот широкий... как вот если бы чашка опускалась...

– Дном вверх?

– Откуда знаешь? Еще ни разу не тронул домик!.. Сверху рев, ураган, по кругу вырванные с корнем деревья, но опускается до самой крыши... будто в самом деле пустая чаша, накрывает почти весь до земли, хочет втянуть в себя, но не может...

– М-ся, – ответил я. – Всякое бывает. Мне вот как-то пять раз подряд три шестерки выпало!.. Вот то в самом деле чудо...

Она помолчала, деревья закрыли от нас тот домик, она заговорила снова:

– А еще бывает красный смерч, он ужасен, но смельчаки сразу выползают из нор, в смерче в грохоте грома и блеске молний бывает окно, можно увидеть этот же город, но либо совсем ранний, либо каким станет через годы! Сперва не верили, но потом поняли, что в самом деле можно заглядывать, что будет...

Под конскими копытами в густой траве простирали дорожка. Арбогастр понесся быстрее, а Бобик, уже поняв, куда направляемся, понюхал землю и, взяв след, унесся за деревья и вывернутые из земли каменные глыбы.

Не дождавшись ответа, спросила сердито:

– Страшно?

– Аж жуть, – ответил я равнодушно. – А что вон там за дракон?

Над верхушками деревьев плывет вместе с массой теплого воздуха самый настоящий призрачный дракон, крупный, блестящий, крылья растопырены, но не чувствуется, что держится благодаря им.

– Страшно? – спросила она. – Не бойся. Когда-то был настоящим! Творил много зла, но стал бессмертным, за сотни лет истончился, теперь только призрак.

– А-а, – сказал я равнодушно, – думал, местные герои убили. А тут, оказываются, даже звери от старости помирают.

– Он еще живой, – возразила она.

Словно в подтверждение ее слов, дракон повернул голову и посмотрел на меня стеклянными глазами. Я похлопал по рукояти меча, дракон с неудовольствием отвернулся и поплыл дальше по течению воздушного Гольфстрима, не прилагая усилий, как статистическая единица демократического мира.

Лерна поерзала, проезжаем в полулиле от невысокой горки, там на вершине огромное оранжевое яйцо в три человеческих роста, сверкающее, словно из чистейшего золота.

Я думал, проедем мимо близко, но дорога резко пошла в сторону, сделала большой крюк и снова вышла на прямую.

– А что с ним? – спросил я. – Чего крюк?

Лерна пожала плечами:

– Никто не знает. Полсотни лет тому проломило снизу землю и поднялось... вместе с этой горкой. Она тоже непонятно из чего, но там не камень... Народ стал обходить стороной, но сейчас, говорят, в яйце скребется что-то, шуршит, а на скорлупе появились трещины.

– Ого, – сказал я. – Не иначе, золотой дракон вылупится.

Она сказала хмуро:

– Не к добру это. А ты знаешь, что это?

– Видел уже, – сообщил я. – Но разбираться было некогда. Как и сейчас. Мимо и дальше. Иначе никогда не придет к победе коммунизма... Это старое название глобализма.

Она некоторое время поглядывала искоса, наконец спросила тревожным шепотом:

– А ты хоть сам понимаешь, что плетешь?

– А зачем? – удивился я. – Ты разве не женщина?.. Кому нужен смысл?.. Главное, тепло от моего пузза в твою спину. А слова... это так, чирикающие звуки.

– Сам ты... чирикающий.

– Здорово, правда?.. И вообще, что нам названия? Меня как только не называли, но все равно это я, самый красивый и нарядный.

Она буркнула:

– Не такой уж ты и нарядный.

— А у нас, — пояснил я, — чем проще, тем наряднее. Это называется стилем, а людей зовут стилягами. Или стилистами, не помню. Они еще со стилетами ходят... Может, вернемся, поможешь дракончику выбраться?.. Он тебя увидит первой и будет считать мамой!

Она дернулась.

— Ну и шуточки у тебя.

— У нас насчет импринтинга много шуток, — согласился я. — Не меньше, чем про инбридинг... Нам на ту сторону?

Впереди дорога оборвалась у края бездонной пропасти, через широкий провал переброшен ствол дерева, весь покрытый толстым зеленым, а где и коричневым от старости мхом.

Космы свисают в бездну, лучше на них не смотреть, хотя внизу пролетают какие-то слишком уж огромные летучие мыши, что совсем не мыши, потому глаза сами скашиваются в ту сторону.

— Настоящий мост в двух милях отсюда, — сообщила она.

— Но нам на ту?

— Да, но...

— Зайчик, — сказал я, — вперед!..

Арбогастр услышал эту команду еще до того, как я раскрыл рот, что-то есть общее с Маркусом, ринулся по бревну, Бобик на этот раз запоздал и опозоренно понесся следом.

Я чувствовал, как вжатое в меня спиной тело сжалось и застыло в страхе. Стук копыт оборвался, Зайчик в прыжке выметнулся на берег и гордо остановился на краю обрыва.

Лерна вскрикнула в ужасе, за нами треск, грохот, я даже не стал оглядываться, Бобик уже здесь, а что ствол обрушился, так вон еще деревья растут на краю, стоит только срубить, будет мост еще надежнее...

Сразу же за провалом пришлось проехать по старому горбатому мостику из серого камня. Он до половины врос в землю, я чувствовал себя глуповато, но Лерна убедила, что переходить нужно обязательно по нему, хотя реки давно нет, справа и слева такой же дремучий лес, как и спереди-сзади.

Я спорить не стал, неприятности и неожиданности ни к чему, проехали через мостики, видел, как за деревьями вдали прошла молодая женщина в зеленом развевающемся платье до пят. Длинные волосы распущены и красиво ниспадают до середины спины...

В руке я рассмотрел достаточно крупный блестящий шар, не то кварц, не то шаровая молния, но, скорее всего, файербол. А как же иначе, таинственный лес, молодая женщина с распущенными. Платье тоже

распущено, даже пояска нет, ага, щас побегу... я же самэц, у нас инстинкты...

Лерна беспокойно задвигалась, ерзая не только спиной, но и ягодицами, молодец, отвлекает от лесной заманухи, кто знает, чем та вроде бы женщина обернется, а эта вот уже в руках, разогретая и мягкая...

– Вон за тем холмом, – сказала она, – наш главный город.

– Город?

– Село, – ответила она здиристо, – а тебе какая разница?

– Никакой, – согласился я миролюбиво. – В самом деле, какая разница?

Глава 10

Бобик все понял, подпрыгнул на всех четырех и понесся, как черная стрела, хоть и очень толстая, в сторону холма. Лерна за это время перестала демонстративно отстраняться, ее тело разогрелось больше моего, косточки как будто расплавились, такая мягкая и нежная, в самом деле женщина, а не лучница, прости господи на дурном слове...

В сторонке проплыает красивая стена изогнутого стекла, как это смотрится отсюда, я кивнул в ту сторону:

– А чего водопад заснул?

Она пробормотала с заметным разочарованием:

– Угадал, пришелец... Это в самом деле водопад. Падал с очень высокой горы.

– А где сама гора?

Она ответила сердито:

– Рассыпалась. Много-много лет назад. Тысячи или больше... А водопад уже был замерзшим, потому так и остался.

– Странный лед, – заметил я.

Она кивнула:

– Но красивый, правда?.. Я решила, когда будет совсем невмоготу, приду к нему и прильну...

Я спросил настороженно:

– Зачем?

– Моментально, – ответила она простодушно, – становишься ледышкой. Даже не почувствуешь холода.

– Хороший способ, – согласился я. – Но лучше пусть наши враги к нему прикасаются.

Она поморщилась:

– Грубый ты. Никакой поэтичности.

– Почему? – сказал я с обидой. – Я знаю много стихов. Есть даже приличные...

– Но их как раз забыл?

– А что, не всегда так?

Она гордо вздернула носик, но отвечать не стала, а по лицу видно, что сама старается вспомнить что-то пристойное, но как-то и у нее не пошло, вместо этого вытянула вперед руку.

– Вон наш город. Да, это город, а не село, как ты надеялся!

Бобик, дождавшись нас на холме, ринулся в ту сторону, но там на окраине остановился и в нетерпении посмотрел в нашу сторону.

Я пустил арбогастра неторопливой рысью, там в зеленой долине не меньше сотни домов, большое село с переходом в город, только без общей ограды, из-за чего село и получает право называться городом.

В центре настоящий дворец из серого камня, широкий, всего в два этажа, но массивный и с множеством пристроек.

– А там ваш князь? – поинтересовался я.

– Король, – ответила она с вызовом.

– Прекрасно, – ответил я.

Она спросила с тем же задранным носиком:

– Думаешь, вот так сразу к нему и пустят?

– Конечно, – ответил я. – Ты же сама сказала, живете как медведи в лесу, а каждый новый человек – событие и потрясение!

– Никаких потрясений, – возразила она, – но, конечно, к нам через горы перебираются редко.

– А через реку?

Она зябко передернула плечами.

– Оттуда вообще никто. Там такие злые рыбы, только войди в воду...

Лодки? Их разбивают мигом.

– Интересно живете, – согласился я.

Дома неспешно расступаются, ошелевший от нетерпения Бобик уже прыгает перед каменным домом, оглядывается в нашу сторону.

От него в ужасе с паническими криками разбегаются, это я уже привык к его размерам, а для остальных это огромный и чудовищный зверь с горящими как уголья глазами.

– В том доме ваш король? – спросил я.

– В том дворце, – отрезала она с вызовом. – Он и король, ты угадал.

– И король? – повторил я. – А кто еще?

Она сказала победно:

– А еще он Великий Маг. Потому наше королевство самое богатое и лучшее на свете.

– Ого!

– И сильное, – добавила она. – Мы могли бы захватить все королевства в империи...

– А почему не? – спросил я.

Она отрезала с неудовольствием:

– Пришлось бы ссориться с другими Великими Магами. А наш господин этого не хочет. Они договорились, как он пояснил, никогда не воевать.

– А королю с королем?

– Так не получится. Маг королевства вступится за своих...

Бобик ринулся к нам, сделал круг и снова метнулся к дворцу. Массивные богато украшенные ворота распахнулись, на широкое каменное крыльцо вышли двое мужчин в пышной одежде.

– Ну вот, – сказал я, – судя по всему, ваш король вышел встречать лично?

Она пробормотала сердито:

– Это из-за твоей собаки.

– А я думал, – сказал я, – из-за тебя.

Она соскочила на землю, отошла на пару шагов. В глазах блеснули огоньки.

– Меня зовут Лерна, если забыл. По этому имени и найдешь.

Я поклонился:

– Да, конечно, Лерна.

Ко мне подбежали трое мужчин в кожаных доспехах и с копьями в руках, я бросил одному повод Зайчика, он ухватил на лету, а я покинул седло.

Мужчины с крыльца молча смотрели, как я неторопливо направился в их сторону. Мне показалось, один сказал другому что-то совсем тихо, а тот чуть наклонил голову, то ли соглашаясь, то ли не желая слышать.

Бобик смиленно идет со мной рядом, приучен, я широко улыбался, как дурак на ярмарке, издали сказал счастливым голосом:

– Как же хорошо увидеть людей!.. Я не зря преодолел эти горы, пропасти и ущелья!

Они смотрели некоторое время молча, а когда я остановился у первой ступени, один заговорил сдержанно:

– И тебе... приветствие. Так откуда ты?

– У нас тоже королевство, – сказал я, – но мне не повезло, поссорился

с одним из очень неумных... а он, на беду, оказался сыном местного герцога. Пришлось бежать. К счастью, конь у меня оказался лучше, чем у погони, они так и остались где-то между скал, а я сумел перебраться на эту сторону!

Они переглянулись, один произнес все еще тем же сдержаным голосом:

– Вы отважный человек... как вас зовут, говорите?

– Ричард, – ответил я. – Маркиз де Ричард из Черро. Надеюсь, что я не посрамил своих предков.

Один из мужчин сказал второму:

– Ваше величество, я пойду готовить собак к охоте?

Тот кивнул и сказал мне:

– Я король Даунбелт Первый. Пойдемте в мои апартаменты, расскажете о себе.

Я с той же счастливой улыбкой начал подниматься по ступенькам, сказал довольным голосом:

– Да я что, по мне сразу видно, кто я и каков, а вот ваша страна просто удивительная!.. Я проехал около сотни миль, а везде мир, покой, богатство, крестьяне сытые, скот откормлен, урожай великолепен... Вы прекрасный король, как мне кажется.

Он польщенно улыбнулся, по взмаху его руки часовые распахнули двери.

В небольшом, но достаточно хорошо и добротно обставленном зале он указал мне на кресло у стола, сам обошел и сел с другой стороны.

Я старался выглядеть счастливым и беззаботным, наконец-то достиг обжитых мест, а Даунбелт продолжал всматриваться в меня с настороженной пытливостью.

– Как дорога? – поинтересовался он.

Я отмахнулся.

– Думаю, только я и сумел пробраться, ваше величество. Если бы не конь, что перескочит любую пропасть... почти любую, и пес, что ловил скучную дичь и приносил, когда я лежал совсем без сил...

Он кивнул с заметным облегчением в лице.

– Да, это суровый край. В старину это были земли королевства, но тогдашний король вел себя... несправедливо, и наши давние отцы сумели перейти по Огненному Мосту через Реку Голодных Рыб, а когда мост дрогнул и рухнул, мы оказались... здесь навечно.

Я сказал с удовольствием:

– Коротко и ясно. Чувствуется настоящий вождь.

– Мы тут люди простые, – ответил он с удовольствием и чувством превосходства, улыбнулся и спросил самым невинным тоном: – Так где, говоришь, ваши земли?

– На Севере, – ответил я небрежно. – Но никакая армия не пройдет, если вас это беспокоит.

– Беспокоит, – согласился он. – Мы живем счастливо. Нам не нужна никакая власть. Зачем нам чужая власть?

– Не знаю, – ответил я с безразличием. – Я тоже из племени вольных людей. Подчиняемся только вожаку. Но, говорят, под властью короля легче?.. Хоть и налоги, но культура, образование... У вас есть грамотные?

Он поморщился:

– А зачем? Для успешной охоты это не поможет. Как и нашим огородам. У нас все свое!..

– Коров тоже через Огненный?

Он гордо улыбнулся:

– Из всего стада удалось только одну, зато брюхатую!.. От нее и все наши стада. Теперь в общине две сотни сел, десяток городов с мастеровыми, а этот вообще уже, можно сказать, столица. Так что все прекрасно! И никто нам не нужен.

– Вы хорошо удовлетворяете свои нужды, – сказал я. – Когда границы на запоре, о чужаках можно не беспокоиться.

Он кивнул с прежней улыбкой на лице. Я, понятно, чужак, но одиночные чужаки не угроза, со мной справиться легко, не помогут ни быстрый конь, ни сильный пес, бежать некуда.

В комнату заглянул молодой парень, Даунбелт сделал рукой небрежный жест, дверь распахнули шире, слуги начали заносить на широких подносах жаркое.

Я потянул носом, пахнет здорово, дождался, когда передо мной поставили тарелку размером с поднос, а на нее переложили небольшого зажаренного гуся.

– У нас богатый край, – сообщил Даунбелт с гордостью. – Можно жить только охотой, но в каждом дворе полно коров, коз, кур и даже гусей. А поля вообще такие, каких на прошлых землях не было...

Я оторвал гусиную лапу, вгрызся, он наблюдал за мной со снисходительной усмешкой, я сказал с чувством:

– Очень вкусно! У вас просто изумительный повар!

Он сдержанно улыбнулся:

– Вообще-то это создал я. Не пугайтесь, это не иллюзия, все блюда настоящие.

Я охнул:

– Правда?.. Как здорово!.. Так вы маг?.. Тогда, позвольте, немного на десерт... сладкого...

Он кивнул, еще не врубившись, что я предлагаю, но моментально напрягся, когда на столешнице начали появляться блюда с изысканными пирожными, кремами, восточными сладостями, а в завершение я создал то, что у меня получается как бы лучшего всего, хотя вообще-то все получается идеально: мороженое двух десятков видов, начиная от простого сливочного с ягодами, орешками и заканчивая умопомрачительными башнями, где тонкий слой шоколада имитирует стены замков, а изысканная начинка прячется изнутри.

Я сказал, как бы чуточку извиняясь:

– Это так, на скорую руку, но, думаю, вам понравится...

Он медленно кивнул, не сводя с меня испытующего взгляда.

– Уверен, что и на вкус так же... как и с виду...

Глава 11

Пробовал он тоже неспешно, раздумчиво, стараясь сразу понять, что это и как создано, однако по лицу вижу, что за всю его жизнь даже не видел ничего подобного.

– Неповторимый вкус, – проговорил он, – ранее не попадалось... и это вот... что с ягодами... Но как это, интересно... Где-то я пропустил такое заклинание...

– Ввиду его незначительности, – подсказал я. – Для мага,двигающего горами, не совсем как бы прилично заниматься сервировкой стола.

– Да, – согласился он хорошо контролируемым голосом, но я все равно видел, насколько он потрясен. – Но со временем начинаешь больше ценить мелкие удобства... Странно, что я такое упустил...

– И вот это попробуйте, – сказал я и подсунул изысканные сладости. – Восточные, как у нас говорят.

Он приподнял одну бровь:

– Восточные?

– Да, – ответил я, – что-то есть полезное и на Востоке.

Он откинулся на спинку кресла и взглянул на меня в упор.

– Вы были на Востоке?

Я ощущал неладное, помотал головой.

– Что вы, мне всегда некогда! Занят, жизнь такая. Всегда что-то да

подкинет. А друзья бывали, привозят всякое... Кстати, вот тоже с Востока...

Я сотворил две ажурные чашки с горячим кофе, одну придинул ему, а вторую взял сам и сразу же с удовольствием отхлебнул.

Он взял чашку так осторожно, словно гремучую змею, сделал, глядя, как я пью, осторожный глоток, долго прислушивался к ощущениям. Я осушил до дна и, не утерпев, создал еще одну, а он наконец начал пить большими глотками.

– Хорошо, – сказал я с удовлетворением. – Есть в жизни и приятные моменты.

Он не сводил с меня упорного сверлящего взгляда, а я в самом деле чувствовал неудобство, только сейчас припомнив, что в разговорах нередко присутствовали Север и Юг, но никто почему-то не упоминал о Востоке или Западе, словно само упоминание навлечет беду.

– Кто вы, сэр Ричард? – спросил он. – Вы знаете о вещах, неизвестных мне, но я не чувствую в вас магической мощи...

Я отмахнулся:

– Да ее во мне и нет. Всякая дурь есть, а мощи нет.

Он покачал головой:

– Создавать такое, что умеете вы, под силам только магу большой силы.

Я сказал небрежно:

– Это не магия. Это... жаль, в нашем языке нет таких иных слов. В общем, другое. Тоже остаток древних технологий, только иной школы. Даже иной ветви. А то и направления.

Он слушал внимательно, наконец покачал головой:

– Вам сколько лет?

– Ой, – сказал я, застеснявшись, – мне даже неловко за свой щенячий возраст, я же чувствую, вы жили в несколько раз дольше.

Он кивнул, сказал с горделивой небрежностью:

– Вы правы, я занимаюсь магией уже несколько сот лет. Семь или восемь, считать перестал. Я не Великий Маг, но когда-то достигну их уровня.

– Здорово, – сказал я. – А здесь, в изоляции, возможности есть?

Он посмотрел сузившимися глазами.

– Очень точный вопрос. Чувствуется, что вы не простой бродяга, искатель приключений. Да, я совсем юным еще перебрался в это место с самыми первыми переселенцами, мне повезло наткнуться на залежи камней, накопивших магическую мощь, с их помощью я сумел продлить

жизнь. Но, увы, на башню не хватило, а через страшные руины и заполненные лавой провалы перебраться отсюда возможности нет. Зато сумел продлить жизнь, а постепенно, набираясь опыта, я без всякой магии стал единовластным властелином этого народа...

– Здорово, – повторил я с фальшивым восторгом, – и как им быть? Трудно или весело?

Он поморщился:

– Первые две сотни лет я еще занимался... изысканиями. Потом увидел, что ничего нового нет. И не будет.

– А вообще, – спросил я осторожно, – для совершенствования своей мои не было желания выйти из изоляции?

– Было, – ответил он. – Возможно, я бы смог, если бы приложил все усилия. Но накопленную магию расходовать было жалко, камней мало, собирают ее по капле в год... Потом подумал: а зачем? Я здесь единовластный король, превосхожу подданных во всем, что касается опыта, умения, знаний. Я могу дать им и себе счастливую жизнь... что и делаю.

– Представляю, – согласился я. – Даже со слабой магией, думаю, за сотни лет можно сровнять рельеф, заново пробить дороги и наладить жизнь везде, по всей земле, а затем и в оставленном королевстве.

– Вы человек грамотный, – сказал он, – и, как вижу, понимающий. Такие мне нужны. Багеры, как рассказывали летописи, появились в небе через два года после катастрофы. Все причальные пирамиды, как понимаете, были уничтожены катастрофой. Наш король отыскал от них разбросанные плиты, однако новые по зрелому размышлению велел не строить.

– Можно полюбопытствовать...

Он хмуро усмехнулся:

– А зачем?

– Но все-таки..

– Даже объединенная власть, – сказал он, – не может защитить от Багровой Звезды Зла. Если уж Великие Маги бессильны... так что зачем нашему королю вождь над вождями, так называемый император?.. Да, нашему племени с багеров сбрасывали послания, объясняли, учили грамоте, просили построить причальные пирамиды, показывали, как строить...

– Но ваш король... воздержался?

Он кивнул:

– Платить императору налоги непонятно зачем? Допускать надсмотрщиков командовать и распоряжаться от его имени? Думаю, в

своем королевстве каждый король лучше знает, что нужно жителям.

– В вашем королевстве, – уточнил я. – Вы... постоянный король? Никаких наследников?

Он посмотрел с интересом.

– Вы задаете точные вопросы. Чувствуется, не простой полевой командир отряда дозорных, верно? Сперва я, конечно, думал о наследниках... Вообще-то здесь две трети населения мои наследники. Потом решил, а зачем?.. Их надо всему учить, а я уже все знаю. Пусть не все, но больше, чем они узнают даже к старости.

– Да, – согласился я. – Это лучше, чем короткоживущий человек с его дурными амбициями... А как ваши амбиции?

Он всматривался в меня уже настороженно.

– Кто вы?.. Знаете о человеке много. Да, я тоже пожил и... побезумствовал. И повоевал, натравливая одни части моих обширных земель на другие, ради забавы сажал людей на коля... Сперва только виновных, а потом просто так.

– А просто так зачем? – спросил я.

Он в некотором раздражении двинул плечами.

– Да хотел понять, испытую ли какие-то муки совести.

– И как?

Он отмахнулся:

– Ничего. Даже когда посадил на коля сразу полсотни человек. Вообще все перепробовал, понимаете?.. Нет, не понимаете.

– Вообще-то немного есть, – ответил я осторожненько. – В смысле, понимаю. Возможностей оторваться и погрузиться у человека много, но не бесконечно. В конце концов вернулись к базовому? Что заложено природой?

Он сказал вяло:

– Именно. Я убедил себя, что жить нужно просто. Нового ничего нет, нужно просто жить.

– Простите, – сказал я, – а почему сейчас... не пытаешься спастись?

Он пожал плечами:

– Как?.. С багеров сбрасывали сообщения, что с прилетом Багровой Звезды вся земля взламывается, как лед весной. Горы и моря меняются местами, мир гибнет... Если бы узнал раньше, может быть, успел бы вырыть глубокие убежища, народа у меня много...

– Узнали поздно?

– За двое суток, – сказал он хмуро, – как Багровая Звезда опустилась на землю. Осталось только наслаждаться последними часами жизни. Вы же

сами видели, как появляется в небе совсем близко... Ее нельзя не увидеть!..

– Да, – согласился я. – Все ведут себя по-разному. Но что потом? Почему не стараться сделать мир открытым? Ладно, весь мир пусть нельзя, но хотя бы к соседу протоптать дорожку?.. Там, где прошел я, можно пустить рабочих, пусть расширяют, копают, сносят, насыпают, выравнивают...

Он прервал:

– Не важно, что хочет ваш король. Важно то, что изволю хотеть я. Здесь все лишь по моей воле.

– Вы не хотите? – спросил я.

Он милостиво кивнул:

– Вам найдем работу. Я не хочу, чтобы о моем королевстве кто-то что-то знал. Случится предсказанная катастрофа или нет.

Я сказал с сочувствием:

– Изоляционизм обречен. К тому же я знаю о ваших землях. А как прошел сюда, так смогу и вернуться.

Он сказал недобрый тоном:

– Вы останетесь.

– Даже, – спросил я, – помимо моей воли?

– Здесь только моя воля, – отрезал он. – Я с вами разговариваю как с равным потому, что вы человек новый, здешних порядков не знаете. А так вообще-то любое мое слово – закон!.. Если скажу, вам придется смириться даже с цепями!

Он повернулся к двери, на меня пахнуло внезапной угрозой, я вскрикнул быстро:

– Не надо...

Он открыл рот для приказа, вижу по его лицу, но резко и неожиданно по ушам ударил грохот. Мощно пахнуло ветром, в глаза болезненно ярко блеснул яркий солнечный свет, а тело вздрогнуло от холода и пронизывающего ветра.

Я со страхом увидел вместо левой стены огромную дыру. Впечатление такое, что некто пытался выломать всю комнату, но сумел выдрать только половину: пол обрывается оскаленными плитами и обломанными досками.

Стол от меня медленно поехал к провалу, сбивая складками ковер, люстра раскачивается как безумная, почти не замедляет размах.

Вместо соседнего роскошного зала распахнулись вершины бесконечной горной цепи, абсолютно безжизненной, а пол под нами покачивается на вершине одной из покрытых льдом гор.

Я повертелся на месте, осматриваясь, Даунбелт захрипел, хватаясь за

горло.

– Где... где... мы...

Я огрызнулся:

– Разве не вы сюда нас?

Он застыл на месте, страшась шевельнуться.

Глава 12

Левый бицепс чуть теплее правого, я охнул, ощущив наконец, что там слегка разогрелся один из браслетов. Неужели мои слова заставили унести так неуклюже от опасности?

Пол качнулся вместе со остатками стен, Даунбелт вскрикнул:

– Не шевелись!

– Вы же маг, – напомнил я. – Ничего не случится, верно?

Он спросил быстро:

– Как ты это сделал?.. Без заклинаний?

Я поднялся и, осторожно ступая, приблизился к нависающему над пустотой краю со сползающим ковром. Да, наверняка какой-то из браслетов все же уловил мой панический зов, но команды не было, только острое желание убраться отсюда, вот и помог... как понял.

– Думаю, – сказал я, – сумеете вернуть нас обратно? Или только себя?

Он сказал сдавленно:

– Я властелин в своих землях вблизи камней в моем доме. Что это за горы...

– Может быть, – предположил я, – северный материк?.. Хотя это не важно.

Он взглянул исподлобья. Я видел, как ему трудно сказать такое, но все же он выдавил:

– Если сумеете вернуть нас обратно... щедро награжу.

– А как насчет этого... помещения? – спросил я. – Чуточку подпорченено... Нести в таком виде тяжело, вдруг рассыплется.

Он сказал быстро:

– Можно оставить.

– А мебель? – спросил я. – Вон какой дорогой стол... А кресла вообще в золоте. Сами дизайн утверждали?

– Все можно бросить, – сказал он живее, – ну как?

– Хорошее предложение, – согласился я, – только маловато.

– Ваши условия? – спросил он быстро.

Я подумал, сосредоточился и сказал мысленно: «Маркус, ко мне».

Прошло всего пара мгновений, я все еще вроде бы думал над условиями, а он вскрикнул, отшатнулся на спинку кресла. Пол угрожающе качнулся.

Над нами возник Маркус. Даже я, который ждал, не сказал бы, откуда он появился – справа, слева или сверху, – не было, а потом вот прямо над головой.

К моим ногам упал покрытый настоящим красным бархатом край широкого мостика с невысокими перилами.

Я живо подхватился и бодро взбежал до половины, а сзади раздался отчаянный вскрик.

Потерявшая равновесие комната с уцелевшими стенами накренилась, соскользнула с вершины горы. Ее понесло вниз, с треском ударились о выступ стены, развалилась на части, а дальше куски падали и падали в отвесную пропасть.

Фигурка Даунбелта с растопыренными конечностями мелькнула дважды, затем все измельчилось и пропало из поля зрения.

Трап быстро втянулся за мной следом, диафрагма еще только начала закрываться, как я сказал с облегчением:

– К моим орлам! Побуссенарил, и довольно.

Сердце все еще колотится, как у бегущего от волка зайца, а Маркус некоторое время что-то тупил, явно старается из хаоса моих мыслей вычленить мое настоящее желание.

Я пару раз глубоко вздохнул, постарался пoyerче представить место, где оставил арбогастра и Адского Пса.

– Сможешь... зависнуть над двором?

В сознании что-то сдвинулось, почти незаметно, но я все-таки ощутил какими-то фибрами перемещение. Странное и пугающее чувство, словно ушли в некий квантовый мир без времени и пространства, а потом вынырнули как бы в том же месте, хотя на миг показалось, что и это совсем другой, хотя вот Бобик гоняет кур и гусей, но на самом деле уже в другом, арбогастра пытаются втроем оттащить от огромного столба коновязи, с которого он с удовольствием сгрызает железные крюки.

Трап выдвинулся как никогда быстро. Бобик тут же повернулся и ринулся в нашу сторону. Арбогастр ржанул и понесся с грохотом копыт, весь в развевающейся гриве и с роскошным хвостом, вытянувшимся в струнку.

А из дворца все еще высказывают испуганные люди, я на миг подумал,

что там исчез кабинет местного короля-мага, а все остальное не затронуто, но взгляд зацепился за развороченную словно мощным взрывом снизу крышу.

– Ого... Правильно, без всяких там квантовых штучек... По-мужски!

Арбогастр по моему жесту вбежал по трапу в Маркус, только на ходу угрожающе клацнул зубами над ухом, а Бобик потребовал, чтобы сперва почесал и погладил, а потом ринулся за мной во внутренности этой удивительной горы с множеством тайн и странных запахов.

Я произнес как можно четче:

– Маркус... а теперь к тому месту, где мы с тобой высадили десант.

Даже не успел подкрепить яркой картинкой, вроде бы ничего не произошло, однако за окнами другие деревья, а тени от солнца пролегли в обратную сторону.

– Трап...

В стене возникло и быстро расширилось отверстие, на ходу превращаясь из пугающее круглого, словно пасть огромного хищного червя, в квадратное с угольно-темными краями.

– Хорошо, – выдохнул я, – мы с тобой молодцы, адаптируемся к миру... а его адаптируем к нам.

Бобик вынесся наружу огромными прыжками, арбогастр дождался, когда заберусь ему на спину, а затем так ринулся за нахальной собачонкой, что у меня едва не оторвалась голова.

При виде Маркуса несколько всадников в блестящих на солнце доспехах повернули коней и послали в галоп, стараясь достичь нас раньше соратников.

К моему удовольствию, впереди на горячем коне Макс в полном рыцарском доспехе, солнце блестит на металле, на шлеме с поднятым забралом победно развеваются белые перья.

Он красиво спрыгнул на ходу, молодой и полный бьющей через край силы.

– Ваше величество!.. Город взят, мои люди собирают мастеровых. Причальную башню восстановим за двое-трое суток!.. И вернемся на багерах!

– Прекрасно, – одобрил я. – Как прошло?

Макс застенчиво заулыбался:

– Проще некуда! В следующий раз обойдемся отрядом впятеро меньше.

– Спасибо, Макс, – ответил я. – Это будет эталоном. В таком же ключе нужно вернуть в империю остальные земли с разрушенными причальными

пирамидами.

Примчались, но не покинули седла сэр Робер, Гевекс и Горналь, все тоже довольные и веселые, приятно захватывать целые королевства, когда нет или почти нет сопротивления.

Сэр Робер доложил:

– Герцоги Гуммельсберг и Дарабос в ратуше приводят к присяге новых правителей. А мы... сэр Ричард, вы говорили еще и про Скрытые Королевства?

– Все потом, – пообещал я. – У нас столько работы, подумать страшно. Но думать надо. А еще и делать, больше некому.

Сэр Горналь спросил осторожно, даже голос понизил:

– Как с магами?

– Проблема решена, – сообщил я. – Правда, частично. Идеально, если бы маги прятались вместе с императором или королями в одних пещерах...

Сэр Робер спросил быстро:

– Рубили бы сразу?

– Зачем? – спросил я. – Попросту снимали бы с них все кольца и амулеты. Даже у Великих Магов вся сила в них. Не считая той, что в камнях их Башен.

– Одежду тоже нужно снимать, – заметил Гевекс. – У них в шляпах и халатах тоже камешки с магией.

Горналь сказал с энтузиазмом и блестящими глазами:

– Тогда женщин... ой, а почему среди магов нет женщин?

– Дискриминация, – согласился я. – Придется вам насиовать их жен, что тоже весьма достойно для укрепления духа армии. Хотя не уверен, что у магов есть жены. Опасно то, что маги будут выходить неизвестно где. Великие Маги, не мелочь всякая.

Сэр Робер сказал мрачно:

– Но без башен у них вроде бы силы нет?

– Не знаю, – ответил я честно, – но слышал, в полной силе только в Башнях. Всю жизнь собирают камни, накапливающие магию, и надстраивают... Ах да, нужен отряд, что возьмет под охрану заброшенные карьеры возле Геркуласта... Не слыхали о таком? Стыдно-стыдно, а вот ваш лорд знает. Там добывали камень, накапливающий магическую силу. Потом залежи почти иссякли, но в других местах иссякли еще раньше, там что близь Геркуласта начали рыться снова.

Макс, прислушиваясь, предположил осторожно:

– Тогда и другие объявить собственностью сэра Ричарда?

– Вот-вот, – сказал я, – только не моей, а собственностью государства,

так звучит солиднее.

– Солиднее, – пробормотал сэр Робер, – хотя суть та же.

Я сказал великолепно:

– Да ладно вам! Подумаешь, рудники, земли, города... Вам оставляю самое ценное, местных женщин!.. Какие самки, какие самки! Вы же все помните о завете, который оставил Господь?

Горналь подкрутил ус.

– Это да. Господь всегда прав.

– Вот и Горналь уже согласен с Господом, – сказал сэр Робер мрачно. – Умеете же вы, сэр Ричард, приводить людей к Богу!

– Такой короткой, – заметил Гевекс, – но емкой проповедью, сэр Ричард всю нашу армию укрепил в пошатнувшейся вере в Господа.

Они посмеивались, очень довольные и счастливые, солнце играет на металле доспехов,

Я боковым зрением увидел, как слева сгустилось блистающее острымиискрами облачко. Хотел повернуться в ту сторону, но не успел, там возникла и сдвинулась ко мне ближе высокая костлявая фигура в длинном черном халате и с надвинутой на глаза неопрятной шляпой с обвисающими как под сильным дождем краями.

От всей его фигуры, похожей на огромную летучую мышь с собранными за спиной крыльями, пахнуло бедой.

– Началось? – вскрикнул я.

Карл-Антон пошатнулся, не чувствуя в воздухе опоры, с измученного лица на меня взглянули глаза с полопавшейся сетью кровяных прожилок.

– Ваше величество, – сказал он хриплым голосом, – император Герман Третий вышел из пещер! Боевое столкновение, наши силы разбиты... Ваше величество, мы недооценили императора.